

LOVEINBOOKS

ФИЛИП
СИГЭЛ

ГОВОРЯТ, ЛЮБОВЬ
НЕЛЬЗЯ КУПИТЬ ...

ИНСЦЕНИРОВАННЫЙ
РЕВАНШ

ГЛАВА 1

Нет ничего более восхитительного, чем помочь двум людям влюбиться друг в друга. Это как заставить Землю вертеться в обратную сторону или скинуть четыре килограмма перед выпускным. Я никогда и не подозревала, что обладаю способностью влиять на эмоции человека, что могу заставить его или ее посмотреть в глаза незнакомца, знакомой или друга и увидеть в них сияние любви. Это так прекрасно.

И отвечая на ваш неизбежный вопрос: да, это по-прежнему Бекка Вильямсон.

Знаю, при звуке этого имени в вашей памяти мгновенно всплывает мое грязное прошлое, где я за сотню баксов разбивала школьные парочки. Но я изменилась. Честно. Сейчас я совершенно другой человек. И у меня новое увлечение.

Отныне я — инженер отношений и применяю свое мастерство плетения интриг для того, чтобы помочь бедным, несчастным сердцам добиться своих неприступных возлюбленных. Я изменила жизни людей к лучшему. Я вручила своим одноклассниками самый великий и ценный дар — любовь.

И да, я по-прежнему беру за это сотню баксов. Девушкам же нужно на что-то ходить по магазинам.

Нам бы хотелось, чтобы мы с легкостью могли влюбить в себя парня или девушку своей мечты. Но не всем при рождении дается красивая внешность и остроумие. А молчание в присутствии возлюбленной срабатывает только в фильмах с Хью Грантом, но никак не в реальной жизни. В мире много хороших и чудесных людей, которые могут составить замечательные пары. Им просто нужна помощь.

Как, например, Джейку Маккиннону.

Он держит перед камерой два удостоверения личности, а я подношу ноутбук поближе к лицу, чтобы рассмотреть их. У него пока нет прав, поэтому придется довольствоваться студенческим билетом и накопительной картой из бара «Джерри Джус». Оба документа пластиковые, так что у меня нет причин не доверять им. Я знаю, что это Джейк, потому что часто вижу его в школьных коридорах. Но после случившегося в прошлом году, когда один гадкий футбольный тренер путем обмана нанял меня, чтобы я разбила искренне любящую пару, я поняла, что никогда нельзя быть в чем-то слишком уверенным.

— Ну и кто эта девушка?

Это моя самая любимая часть. Мне всегда не терпится услышать ответ. Он как будто ставит на место один из кусочков головоломки.

— Ух ты. Вот так сразу, — говорит Джейк. Он проводит рукой по своим уже и так гладким светлым волосам и краснеет. Я замечаю, что у него дрожат коленки.

— Просто закрой глаза и скажи. Это обычно помогает.

Он так и делает.

— Паулина Кори.

Джейк открывает глаза, и я одобряюще киваю ему. У меня получится. Он ведь не просит меня свести его с какой-нибудь мегапопулярной цыпочкой, у которой уже есть парень. Паулина Кори — это вполне реальный вариант. Она очень милая девушка, одна из тех, кого мне хотелось бы узнать поближе. Однажды я уронила в коридоре учебники, а она помогла мне их поднять. В старшей школе это равносильно тому, чтобы вытянуть на тросе застрявшего автомобилиста. Если бы я не была профессионалом своего дела, то обрадовано

вскрикнула бы. Джейк и Паулина будут исключительно милой парочкой.

— Да что я делаю? — говорит он. — Она никогда не заинтересуется мной.

— Все так говорят.

— У нее богатая семья, а я покупаю одежду в «Олд Нейви». — С этими словами он указывает на свою красную тенниску.

— Во-первых, нет ничего плохого в том, чтобы одеваться в «Олд Нейви». У них продаются самые лучшие в мире двухдолларовые шлепки. А во-вторых, Паулина не из таких девушек.

— У нее есть яхта. Да, скорее всего, и парень, который учится в какой-нибудь школе-интернате. И она планирует выйти за него замуж на одном из островов, на который можно добраться только под парусом.

— А у тебя есть, чем подтвердить свои нелепые утверждения?

Он приглаживает волосы, пока они не становятся совершенно прилизанными.

— Нет.

— Тогда остынь, Оливер Твист.

— Думаю, в данном случае было бы уместнее провести параллель с Пипом¹.

— Буду иметь это в виду при подготовке к годовому экзамену.

Я изучаю информацию, которая есть на Паулину в интернете. Никаких признаков парня. У меня есть четкое правило: мои клиенты и их потенциальные мишени должны быть одиночками. По очевидным причинам.

— Открою тебе секрет: хорошим девочкам наплевать на то, сколько ты тратишь. Гораздо важнее, почему ты это делаешь.

Джейк вежливо кивает головой.

— Твои слова куда больше подходят ее сестре Софии, — говорю я.

— Она кажется бедовой девчонкой.

Если парень говорит о сексуальной сестричке Кори, то, скорее всего, имеет в виду Софию — младшую сестру Паулины. К ней подкатывает куча парней, но она отмахивается от них как от брызг парфюма в «Мейси». Неужели они не понимают, когда девушка не в их лиге? К сожалению, на ее фоне очень просто не заметить Паулину. Она тихая, старательная девушка, которая не против уступить лавры всеобщего внимания своей сестре. Она тоже очень хорошенькая, но ее красота немного проще, чем у Софии. Паулина выглядит как девушка, которая только что зашла в агентство, а София — как модель, готовая к съемке.

— Итак, нам известно «кто». А теперь расскажи мне почему.

Я проверяю информацию, которую постит Паулина в различных социальных сетях. Каждый день она публикует в инстаграме фотографию кроссворда и просит своих подписчиков помочь ей разгадать его. Я делаю скриншот; он потребуется чуть позже для реализации плана, который уже начал формировываться в моей голове. Даже не представляю, как свахи и частные детективы выполняли свою работу до появления социальных сетей.

Я вновь сосредотачиваюсь на камере.

— Джейк?

— Что ты имеешь в виду, спрашивая «почему»?

— Почему Паулина?

Я склоняюсь над ноутбуком. Это зондирующий вопрос, и он должен быть задан. Я должна быть уверена, что делаю это не для того, чтобы парни могли добавить новый трофей

в свою коллекцию, или чтобы девушки могли продвинуться по социальной лестнице. У меня есть много требований, которым нужно соответствовать для того, чтобы я взялась за дело, но первое и основное — влюбленность должна быть настоящей. Я отклоняю девяносто процентов заявок. Как уже было сказано, мне нужны искренние чувства.

Он смотрит на меня с горящими глазами. Каждая девушка надеется, что ее парень говорит о ней с таким же выражением лица.

— В классе, когда мы работаем над поставленной задачей, или учительница объясняет нам что-то новое, я практически вижу, как в ее голове «крутятся колесики». Паулине нравятся сложные задачи, а мне нравится наблюдать за ней в такие моменты. Ей интересно учиться. И это так мило. Знаю, звучит как-то скучно, но, полагаю, я и сам скучный.

— Что-то еще?

Пока Джейк раздумывает над ответом, на его лице сменяют друг друга множество эмоций.

— Она просто... просто удивительная.

Вот и все, что требуется сказать. Я вижу это в глазах Джейка. Те же самые бурные эмоции, которые охватили меня два с половиной месяца назад.

Рыбак рыбака видит издалека.

Я не сваха. Сватовство — это когда твоя бабушка хочет свести тебя с внуком своей партнерши по канасте² только потому, что он — единственный из знакомых ей парней, которому еще нет пятидесяти. Я — инженер отношений. Я не полагаюсь на судьбу и шанс, чтобы свести людей. Сватовство — это как играть в казино в азартные игры. Инженерия отношений — делать то же самое, но считая карты. И, конечно же, в отличие от карт это совершенно легально. *(Единственная причина, по которой запрещен подсчет карт, — это потому что казино не умеют проигрывать достойно, но осуждать это здесь и сейчас не место и не время).*

Понимаете, если все разыграть правильно, то можно свести любую пару. Главное, контролировать ситуацию от начала и до конца. Вот почему я разработала пятиступенчатую систему по созданию пар.

Подготовка: Узнать, с кем имеешь дело. Я изучила данные на Джейка и Паулину. Джейк занимается бегом по пересеченной местности и спринтом. Он не из тех, кто привлекает всеобщее внимание, поэтому для того, чтобы добиться расположения Паулины, ему лучше всего воспользоваться методом Джона Кьюсака и быть милым и искренним.

Выжидание: Выявить их возможные реакции. Откажется ли Паулина Кори, если получит предложение поучаствовать в «охоте» и разгадать кроссворд, который, в конце концов, приведет ее к шкафчику Джейка? Нет. Ей нравятся интеллектуальные задачки, а судя по ее поведению во время групповых работ, в глубине души ей хочется внимания. Да она зубами вцепится в список подсказок.

Обдумывание: Составить план наступления. Большую часть выходных я провела за написанием вопросов. Но для начала мне пришлось погрузиться в целую культуру разгадывания кроссвордов. Джейк должен показаться человеком, который знает все ее нюансы. Например, вопрос с подсказкой означает, что ответом будет «игра слов».

Аббревиатура в вопросе предполагает аббревиатуру и в ответе. В итоге, вот что у меня получилось:

Счеты на Востоке. Пять букв. (Ответ: «абаки», как те, что использует миссис Вормер).

Где у США такие же преимущества, как и у всех. Двенадцать букв. (Ответ: на уроке мистера Потта, где проводятся заседания Модели ООН.)

И последняя подсказка: Найди меня в форме хайку³. Шкафчик _____. Три цифры. (Ответ: шкафчик 575, который принадлежит Джейку).

Не уверена, можно ли использовать в кроссвордах цифры, но уже час ночи, и я просто вымоталась.

Внедрение: Приведение плана в действие. Утром во время третьего урока я просовываю первую подсказку в шкафчик Паулины. Раньше, будучи специалистом по разрывам, у меня был универсальный ключ, который мог открыть любой шкафчик в школе, но сейчас я предпочитаю действовать в рамках закона. Больше никаких нарушений.

Завершение: «СРАБОТАЛО! ОГРОМНОЕ ТЕБЕ СПАСИБО! ТЫ — ЛУЧШ. СЕГОДНЯ У НАС ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ!!!»— такое сообщение было получено мной от Джейка спустя неделю.

Вот как все происходит. Я хочу, чтобы мои клиенты были счастливы; они приходят ко мне и платят деньги не за отсутствие результатов. Некоторые люди могут посчитать мою систему слишком сложной, больше подходящей для какого-нибудь генерала. Но нельзя вступить в бой и просто надеяться на лучшее. Это характерно для сватовства. В инженерии отношений полагается сделать все, что в твоих силах, чтобы знать результат заранее. Да, любовь — нечто прекрасное и жизнеутверждающее, но люди забывают о том, что она же может быть и ветреной упрямыцей. Моя работа как раз состоит в том, чтобы ее приручить. Самым настоящим образом.

Я пытаюсь не смотреть, когда две недели спустя Джейк и Паулина, взявшись за руки, прогуливаются в школьном коридоре. Вместо этого я оглядываюсь, что дает возможность не тарашиться, а взглянуть на них лишь мельком. Мне срочно нужен солнцезащитный крем, чтобы не обгореть от сияния, исходящего от новой парочки Ашлэнда. На них приятно смотреть, это одна из тех пар, которые выглядят так гармонично, что ты волей-неволей начинаешь удивляться, почему это они раньше не встречались? Перед уходом я еще раз оборачиваюсь и наслаждаюсь результатом своей работы.

— Привет, любительница подсматривать.

Чья-то рука обнимает меня за плечи. От неожиданности я вскрикиваю и подпрыгиваю на месте. Владелец руки отступает, и я сразу же краснею от смущения. Мне следовало обратить внимание на древесный аромат геля для душа, запах дезодоранта, густые светлые волоски на руках и красные часы с изображением человека-паука на тонком запястье. Это мог быть только один человек.

Фред Теплицки.

Мой парень.

— Прости, — говорю я. Фред остается стоять у стены на случай, если я не перестала

злиться.

— Я забыл, что тебе не нравятся сюрпризы.

— Мне нравятся сюрпризы, когда я о них в курсе. Например, открыть подарок на день рождения. Это хороший сюрприз.

Я киваю ему, давая зеленый свет на то, чтобы он вернулся в исходное положение. Фред так и поступает. Я чувствую тепло его руки и твердую грудь. Из коконов рождаются бабочки и начинают порхать в моем животе. Обычно я терпеть не могу публичного проявления чувств, но вид новоявленной парочки значительно улучшает мое настроение.

— Я не подсматривала, — отвечаю я ему.

— Ты без сомнения виновна в преднамеренном подсматривании. И тебе стоит поработать над поворотами головы.

— Неужели это было так очевидно?

Лицо Фреда кажется вылепленным из воска, способного принимать форму тысяч всевозможных выражений. Он морщится, и на его лбу появляются глубокие морщины.

— Типа того. Но я и сам подсматривал за тобой, так что наше поведение в равной степени тревожно.

Мы проходим мимо доски с объявлениями, которая, несмотря на конец сентября, до сих пор уведомляет о том, как счастлива школа видеть нас в своих стенах вновь. Букву «о» в слова «школа» заменяет тыковка.

Я пристально смотрю в ясные светло-голубые глаза Фреда. Мы встречаемся три месяца и, к счастью, пока меня все устраивает. Мне до сих пор кажется странным то, что у меня есть парень. Никогда не было, а теперь есть. У нас было несколько неловких, но, тем не менее, чудесных свиданий в мае и июне. Мы не имели понятия, что делаем, но в этом было свое очарование. Четвертого июля Фред перевел наши отношения в статус официальных. Мы тогда сидели на пледе, на футбольном поле, а над нами взрывались фейерверки. Фейерверки всегда придают моменту особую важность.

Не переживайте. Я не превратилась в зомби, помешанную на отношениях. Большинство девушек в школе с легкостью вживаются в статус «подружки», я же до сих пор пытаюсь привыкнуть к этому и не могу с легкостью вворачивать «мой парень» в каждое свое предложение. Это большая перемена в жизни и отличное оправдание моему привыканию. Мне нравится думать о том, что президент Америки до сих пор, по крайней мере, раз в день говорит себе: «Я — президент Соединенных Штатов».

Мы с Фредом пока прочно засели на стадии узнавания друг друга. Никакого давления, просто радость общения. Многие наши ровесники чувствуют острую потребность как можно скорее перевести свои отношения в более серьезные. Они позволяют страсти руководить их решениями. Но это не про нас. Я не вижу никакой необходимости торопить что-то. Разумнее всего насладиться маленькими вещами перед тем, как перейти к чему-то большему. К тому же, со следующей осени мы будем учиться в разных колледжах, что может поставить под угрозу наши отношения. Я не готова к сложностям. Мне слишком нравится то, что у нас есть сейчас. Люди недооценивают настоящего.

Невзирая на то, что в свой последний год в старшей школе Ашлэнда я нахожусь на вершине социальной лестницы, у меня опять заклинило этот дурацкий шкафчик. Больше половины из них были отремонтированы и теперь выглядят, как новые: гладкие, блестящие, вместительные и чистые. Мой же — это облупившаяся реликвия, которая скрипит всякий раз, когда я ее открываю.

Распахнув дверцу шкафчика, я вижу красную тарелку в форме сердца, с которой на меня смотрят сладкие сердечки.

«*ПОЦЕЛУЙ МЕНЯ. Я ТВОЙ. МОЯ ДЕВОЧКА*».

Знаю, это всего лишь сладости, но ничего не могу с собой поделаться, поэтому склоняю голову набок и улыбаюсь. Это так мило. И не вычурно. На мой вкус, и вовсе идеально.

— Отлично сработано, Теплицки.

— Ой, — произносит он, протягивая руку под моим локтем и утягивая сладкое сердечко. — Обожаю эти штуковины.

— А мне они никогда особо не нравились. — Я обнимаю его за шею и делаю то, о чем просит первое сердечко. — До сегодняшнего дня.

Фред краснеет и кладет руки мне на талию. Несмотря на то, что мы так явно проявляем свои чувства на публике, мне все равно. Один романтичный жест влечет за собой другой.

— Как ты узнал комбинацию цифр к моему шкафчику?

Мне не терпится узнать ответ. Я охраняю ее, как код к запуску ядерной боеголовки. Даже классическое «подсмотреть через плечо» в моем случае не срабатывает. Нет, я не прячу наркотики или отрубленную голову, просто люблю, чтобы мои вещи оставались только моими.

— Что? — Фред протягивает руку, хватая второе сердечко и отправляет его в рот. — На каком уроке их раздавали?

— Очень смешно. — Я целую его снова.

— Я даже и не знал, что их можно купить до начала февраля.

Фред не способен лгать, и обычно к этому моменту он бы уже взял на себя ответственность за совершенный акт «милоты». Он тянется утащить третье сердечко, но я не даю ему этого сделать.

Фред еще раз целует меня, но я забываю ответить ему тем же. Я слишком растеряна из-за этих маленьких, сахарных сердечек. Как они попали в мой шкафчик? Обычной девушке это, возможно, понравилось бы. Но я чувствую себя оскорбленной. Не люблю сюрпризов.

Фред обходит меня и крадет последнее сердечко. *НАЙДИ МЕНЯ* Звучит, скорее, как вызов, чем что-то романтическое.

— Вкусно, — говорит он, засунув его в рот.

ГЛАВА 2

Самая главная привилегия выпускника — возможность обедать вне стен школы. Последние одиннадцать лет я была вынуждена питаться в столовой. Ряды несъедобных готовых обедов под резким освещением флуоресцентных ламп.

Пересоленная еда. Даже салаты. Как могут быть солеными листья салата? Конечно, я могла бы приносить ланч с собой, но это всегда казалось мне «излишней головной болью». Теперь у меня есть выбор. Отныне я каждый день могу на сорок две минуты покидать кампус, чтобы подзаправиться. Ну разве это не замечательно?

— Чего бы тебе хотелось? — спрашивает Фред. Держась за руки, мы направляемся к «лестнице выпускников». Так ее называют, потому что она ближе всего находится к парковке.

— Пиццу?

— Мне нравится ход твоих мыслей. — Фред поднимает мою руку вверх и резко

отпускает ее. — Парни не идут на ланч. Они доделывают домашнюю работу в библиотеке, — говорит он, проверив сообщения на телефоне.

— Звучит ужасно, — специально для Фреда с безразличием отвечаю я. На деле же, от этих слов у меня скручивает низ живота. Без его друзей на обеде буду лишь я, Фред и...

— Привет!

Моя лучшая подруга Вал спускается по лестнице, размахивая волосами и подпрыгивая на ступеньках. Она энергична и полна энтузиазма, и так будет всегда. Мы отлично дополняем друг друга.

— Пошли обедать? — говорю я, отпуская руку Фреда.

— Ты можешь поверить, что это последний ланч последнего дня последнего сентября последнего года старшей школы?

Несмотря на всю абсурдность сего заявления, я чувствую, как у меня сжимается сердце. В выпускной год все происходит в последний раз. Это просто ланч, но он такой *последний*.

— Так давайте же запомним его, — восклицает Фред.

Возбужденная Вал хватается меня за запястье.

— А мы и запомним. Потому что в этом году мы с Беккой яркие и сексуальные.

— Что? — спрашиваю я.

Фред, не прерывая Вал, молча выводит нас на улицу. Он уже привык к этому.

— Я поняла это на последнем уроке. Мне нравится носить яркие спортивные куртки. А у тебя теперь дерзкая челка. Я — яркая. Ты — сексуальная. И вместе мы яркие и сексуальные.

— Мне нравится.

— Ашлэнд, внимание! Вал и Бекка покидают эту школу яркими и сексуальными.

— Мы уходим во славе яркости и сексуальности.

— Да! Мне нравится.

— Вы, двое, уходите в суматохе яркости и сексуальности, — говорит Фред, снова хватая меня за руку.

— Верно подмечено. — Вал одобрительно кивает головой на действия Фреда, игнорируя то, что его изречение звучало гораздо лучше моего. В сущности, можно сказать, что в этом «тайме» он одержал явную победу.

— А где твоя банда? — интересуется Вал.

— Заняты учебой. Так что нас будет только трое.

Лицо Вал слегка напрягается. Такое может заметить лишь лучшая подруга. Нас будет трое. В первый раз за все время к нам не присоединились друзья Фреда. Обычно мы не проводим время такой группой, потому что девушка без пары всегда становится третьей лишней, а я не хочу этого для своей подруги.

— Как насчет «Джованни»? — спрашивает Фред. Вариантов у нас немного: фастфуд или пицца. До конца перерыва осталось всего тридцать шесть минут. Когда поджигает время, раздумывать над тем, где поесть, просто глупо. Наступит завтра и приведет с собой новый ланч.

— Без проблем, — отвечаю я и поглядываю на Вал, которая одобрительно кивает головой.

— Мы можем взять кальцоне⁴ с пепперони на троих, — предлагает Фред, слегка толкая меня плечом.

— Хорошая мысль, — отвечаю я, вырывая руку из его хватки.

Но он снова хватается меня за нее по пути к машине. Я украдкой смотрю на Вал, которая плетется следом за нами, но она копается в телефоне.

Классическое «мне не по себе». Я опять вырываю свою руку и, дождавшись Вал, иду рядом с ней. Я отказываюсь быть девушкой, которая бросает подруг ради парня. Вал — не третий лишний.

— Это ты подкинула в мой шкафчик сладкие сердечки? — шепотом спрашиваю я у Вал.

Вал отрицательно качает головой. Как я и ожидала. Она бы не стала оставлять сладости в моем «древнем» шкафчике без упаковки. Даже если бы у нее была комбинация цифр.

«Хонда» Фреда — отстой. У нее только две двери и один CD плеер. Но с тех пор, как автомобиль доставили из Аризоны, ему затонировали задние стекла, что придало пару дополнительных очков ее внешнему виду.

Фред снова берет меня за руку. Когда мы подходим к его машине, я заползаю на заднее сиденье к Вал.

— Бекка, что ты делаешь?

— Я ваш личный водитель на сегодня? — спрашивает Фред. На долю секунды я представляю его в фуражке. Она ему очень идет.

Вал отодвигается от меня. Я же, вытянув ноги, удобно устраиваюсь на своем месте. Буду «забавной» Беккой, которая ценит своих друзей. Водоворот отношений пока еще не закружил меня целиком.

— Я хочу сидеть с тобой. — Я стараюсь, чтобы слова звучали бойко, как у Вал, но мои попытки больше напоминают разговор учительницы младших классов, надышавшейся гелием. — «Яркие и сексуальные».

— Ты можешь быть яркой и сексуальной и на переднем сиденье, — отвечает она.

— Не хочу. Тогда мне придется быть ответственной за выбор музыки. А это такой стресс.

— Мы можем и не слушать музыку, — говорит Фред.

— Это глупо, — возражаю я ему.

Он разворачивается и обнимает подголовник.

— Я не хочу сидеть один. — В его игривом тоне проскальзывает обида. Я смотрю на Вал, но ее реакция ничуть не лучше.

— Ну же. — Фред указывает кивком на переднее сиденье. У нас осталось всего лишь тридцать одна минута.

Я вяло улыбаюсь, пытаюсь ослабить напряжение в машине. Напряжение, которое сама же и вызвала.

Вал отстегивает мой ремень безопасности.

— Я в порядке, — говорит она, закатывая глаза.

Я оглядываюсь на школу, в которой прямо сейчас младшеклассники наслаждаются едой из столовой. Когда-то и я была такой. А теперь у меня есть парень, и приходится выбирать между передним и задним сиденьем.

Я выбрала переднее.

— Готовы? — воскликнул Фред.

Как неловко-то.

— Пицца, мы идем за тобой! — кричу я в окно во всю мощь своих легких. Если уж мне выпало быть мисс Неловкость, то стоит воспользоваться своим положением.

Пиццерия «У Джованни» доказывает теорию о том, что чем более «по-итальянски» звучит название, тем вкуснее пицца. Это одно из немногих заведений в нашем городе, которое работает с тех пор, как ходили в школу еще мои родители. И его не потеснил даже «Сбарро» через дорогу⁵. Стоит только пожалеть бедные души, которые предпочитают пицце от «Джованни» их еду.

За столом мы с Фредом усаживаемся с одной стороны, а Вал — напротив нас. Она сразу же принимается за свой кусок вегетарианской пиццы без сыра. Фред режет нашу кальцоне с пепперони на две части и отдает большую мне. Мы всегда так делаем, но, когда присутствует зритель, это превращается в самую раздражающую процедуру в истории ланчей.

— А вы заметили, что Джейк Маккиннон и Паулина Кори теперь вместе? — улыбаясь во весь рот, спрашиваю я.

— Да! — восклицает Вал. — Они такие ми... Подожди, тут не обошлось без тебя?

Я с ложным безразличием пожимаю плечами.

— Это вторая пара за год! — произносит она.

— И все? — говорит Фред. — Мне казалось, что больше.

— Нет. Бари и Джейк были первой. Мне пришлось заставить ее стать фанаткой спорта, чтобы он обратил на нее внимание. И они до сих пор вместе. Так что на сегодняшний день мой послужной список безупречен. — Я стучу по столу, так, на всякий случай.

— Не так уж он и безупречен. — Вал изящно откусывает кусочек пиццы. За столом повисает молчание, которое ощущают все. Вал осознает свою ошибку и прикрывает рукой рот. — Прости.

— Не все коту масленица, — говорю я.

— Я слышала о кроссворде, который Джейк составил для Паулины. Это была ты? — Вал замороженно смотрит на меня.

— Каюсь, виновна. — Уголком глаза я замечаю, как Фред закатывает глаза. — Что?

— Ничего. — Он откусывает от «запасного» куса пепперони. («Мой запасной кусок», — так он его называет). Разве не странно, что я считаю его очаровательным, даже когда он жует?

— Ничего?

Фред вытирает салфеткой рот.

— Неужели нужно было проходить через все это, чтобы они стали встречаться? Разве нельзя было соединить их нормальным образом?

— Что в твоём понимании означает «нормальным» образом?

— Просто представить друг другу. Зачем нужно было придумывать сложный план?

— Затем, что это получается у меня лучше всего. — С этими словами я отрываю корочку и засовываю ее в рот.

Поняв, что до окончания перерыва осталось всего девятнадцать минут, мы замолкаем и начинаем есть в тишине. Фред уплетает быстрее всех, несмотря на то, что на его долю приходится большая часть ланча. Вал макает корочку от своей пиццы в соус.

— Да... заявления в колледж — это такая хрень, — говорит она.

— Согласна! — От радости, что мы хоть о чем-то говорим, я чуть не перевернула свою колу.

— Ненавижу личные заявления. Мне пришлось написать четыре разных заявления в четыре разных колледжа. Каждое на триста слов о том, почему я хочу посещать именно это учебное заведение. Я не знаю. Может потому, что оно вполне приличное, я могу позволить его, а еще я видела привлекательного парня, который играл в фрисби, когда там была на дне открытых дверей?

— Я написал так же, — произносит Фред. Он всегда любыми способами пытается вызвать у меня смех.

— Вам хотя бы не пришлось писать еще и пять коротких очерков, — говорю я.

Вспомнив заявление на поступление в Университет Бартлетт, я вздрагиваю. Мама тогда выложила документы на нашем кухонном столе. Разные колледжи — разные кучки. Бартлетт оказался посередине. Если я пройду, то все того стоило. Вся моя учеба, курсовые работы и факультативы.

— Шесть очерков? Какой кошмар, — говорит Вал. — Ты уже их написала?

— Я подаюсь раньше срока, так что заявление нужно было подготовить к первому ноября. Результаты должны быть известны к пятнадцатому декабря.

— И отказаться будет нельзя. Если ты поступишь, то должна будешь уехать. В Чикаго, — говорит Фред.

Нет, он не напоминает мне об этом. Фред знает, куда я собираюсь. Мы не особо обсуждали эту тему, но я знаю, что он подает заявление в Университет Вирджинии. Мы вместе всего три месяца. Это слишком мало, чтобы менять свои жизненные планы. И мы знали на что идем, вступая в отношения в последний год учебы в старшей школе. Не хочу думать о разлуке с Фредом. Я пытаюсь подавить беспокойство, бурлящее во мне. Мы живем настоящим!

— Чикаго всего лишь в тысяче миль отсюда, — напоминаю я ему.

— Всего лишь, — говорит Вал.

Она собирается подавать документы в университеты на Восточном побережье. Так что это последний год, когда я смогу видеть тех, кого люблю, каждый день. Часы тикают, и времени остается все меньше и меньше. Мы должны запомнить это год таким, какой он есть сейчас — идеальным.

— Вы, ребята, такие зануды. У вас что, нет никаких хороших новостей?

— Смотри, что у меня есть! — вытирая руки, восклицает Фред. А потом достает из переднего кармана два голубых билета.

— «Бал снежинок», — содрогаясь от ужаса, произношу я. — Ты и правда хочешь пойти на эти безвкусные танцульки с обшарпанными декорациями и сорокалетним диджеем, который изо всех сил пытается быть модным?

— Да. Очень-очень. Я иду на бал со своей девушкой.

Я краснею, уставившись на салфетку с изображением карты Италии. Слова Фреда вызвали трепет в теле, но меня беспокоит реакция Вал.

— Там будет не так уж и весело, — пишу я.

— А мне все равно, — отвечает он, стуча вилкой по салфетнице. Так приятно видеть его столь взволнованным. Уверена, на танцульках будет очень весело, но это же... «Бал снежинок».

— А ты можешь танцевать? — спрашивает Вал.

— Ну, я не так уж и плох. — Он улыбается мне с набитым кальцоне ртом, а потом его лицо принимает «щенячье» выражение. — Так ты пойдешь со мной?

— Да, — отвечаю я и тоже засовываю в рот кусок кальцоне.

— Отлично! Так как мы идем вдвоем, то билеты стоили мне пятьдесят долларов. На двоих дают скидку. Ну разве это не круто?

— Очень круто, — говорит Вал.

Фред делает последний глоток колы и улыбается мне.

— Я собираюсь подзаправиться. А вы, леди, не желаете ли обновить напитки?

— Ну ты просто джентльмен. — Вал пододвигает к нему свой наполовину полный стакан, я делаю тоже самое.

— Диетическую колу, — говорит она ему.

— И мне тоже, — добавляю я.

Ему едва удастся взять три стакана за раз. У меня такое ощущение, что это добром не кончится. Фред берет свой стакан в зубы, а наши держит трясущимися пальцами. Я встаю, чтобы помочь.

— Все в порядке, все в порядке.

Как только он добирается до аппарата с газировкой, мы с Вал снова принимаемся за еду. В любое другое время мы бы склонили друг к другу голову и стали болтать. Но не сегодня. Она улыбается мне в такой вежливо-неловкой манере. Вот когда проблема третьего лишнего встает во всей красе. Это молчание, когда она ест и выглядит счастливой, а я не знаю, настоящая ли ее улыбка или просто защитный механизм.

— Мне кажется оскорбительным то, что они делают скидку, — говорю я.

— Нет. В этом есть смысл.

— Ага, распродать билеты. Я иду только из-за Фреда.

— И это единственная причина?

Вопрос с подвохом. Если я отвечу «да», то буду походить на «зомби», которая делает все, что хочет ее парень. А ответ «нет» будет подразумевать, что я очень хочу пойти на танцы со своим парнем. Ни один из вариантов мне не подходит, поэтому вместо ответа я просто откусываю кусок пиццы побольше.

— Он хороший парень, — говорит Вал. В это время Фред прилежно наполняет последний стакан. — У вас все в порядке?

— Да. Все хорошо. — Я не стану вдаваться в подробности. Не хочу так поступать с ней. Мы ходим в школу, в которой люди помешаны на отношениях. Я помню чувство разочарования, которое охватывало меня каждый раз, когда я смотрела на все это со стороны. Как только появляется парень, то дружеские отношения претерпевают изменения. Поэтому нужно быть внимательным. Я, естественно, всегда внимательна.

— Знаешь, — говорит она, постукивая хрустящей корочкой по своей тарелке. Я замираю, как когда мама с папой пытаются поговорить со мной «о чем-то очень важном» в машине. — Странно видеть тебя в отношениях.

— Странно? — Мне едва удастся выдать из себя это слово.

— Просто... просто я не думала, что когда-нибудь увижу, как ты нежничаешь с парнем.

— Но это ведь странно в хорошем смысле слова?

Теперь настал ее черед откусывать от пиццы, тем самым оттягивая свой ответ.

— Все определенно изменилось, — наконец, говорит она.

Но это не так. Я не хочу этого. Я чувствую, как моя жизнь превращается в песок, просачивающийся сквозь пальцы, невзирая на то, что я крепко сжимаю их в кулак.

По дороге в школу маленькая «хонда» Фреда оказывается позади красного «мерседеса» с калифорнийскими номерами, на которых написано «Уэйд» и наклейкой на бампере «Дай шанс горошку. Стань вегетарианцем!».

— Это мистер Голливуд, — ухмыляется Фред.

Хорошо, что я не встречаюсь с парнем, который тщеславен настолько, чтобы купить именной номерной знак. Очко в свою пользу за хороший вкус.

— А вы знаете, что он раньше жил напротив Эммы Стоун? Он показывал нашему классу фотографии, на которых они вместе отовариваются на фермерском рынке, — говорит Вал. — Эмме нравится редиска. Это правда.

Уэйд Бенсон круто заворачивает на школьную парковку и занимает одно из передних мест. Для того, кто привык жить в городе идеально подходящем для вождения, мастерство Уэйда можно оценить, как нечто среднее между побегом с места преступления и вождением в нетрезвом виде.

На фоне голубого неба его загорелая кожа просто сияет (*скорее всего, благодаря студии загара*), а в каштановых волосах мелькают светлые прядки. Уэйд застегивает пиджак; бедненький, не привык к десяти градусам тепла.

Мы паркуемся в нескольких рядах от него. Когда я прохожу мимо, он открывает дверь с пассажирской стороны, где сидит его девушка. Сначала появляются ее длинные ноги.

— Кажется, мы успели. — Уэйд опускает на нос свои очки «Прада» и показывает нам на свои часы.

— У нас в запасе еще сорок пять секунд, — отвечает Фред.

— Ты готова, детка? — говорит он своей девушке и предлагает ей руку, чтобы помочь выйти. Ее стройное тело появляется из машины.

Я замираю на месте и пытаюсь посмотреть ей в глаза. Всего на несколько секунд, чтобы знать, что она видит меня. Но Хаксли Мапозер игнорирует мои попытки. Парочка прошла мимо, а Хаксли даже не взглянула в мою сторону. У нее всегда хорошо получалось выказывать равнодушие.

Во всем виноват Стив.

Он такой идиот. Я привыкла к тому, что Хаксли не разговаривает со мной. И приняла то, что она снова стала игнорировать меня после того, как я вновь свела ее и Стива прошлой весной. Никто не знал о моем хорошем поступке, только о плохом. Хаксли не могла рисковать, поддерживая врага. Я решила, что за лето обо всем забудется, и мы опять станем общаться.

Стив уехал в колледж в Техасе, чтобы играть в футбол. Они планировали поддерживать отношения на расстоянии. Но на прощальной вечернике он так напился, что переспал с какой-то девушкой. Хаксли их застала и, судя по фотографиям и видео в интернете, отойдя от шока, она выпустила на волю весь свой гнев. Она проклинала Стива, спихивая девушку на пол. А все потому, что он идиот. Ну какой парень изменяет на своей собственной прощальной вечеринке.

Ее новый сосед Уэйд был единственным, с кем она общалась после этого. Он ничего не

знал о сплетнях в Ашлэнде и о легендарных Хаксли и Стиве. Полагаю, он утешил и добился ее с помощью сказочек о любви с первого взгляда — на что, справедливо замечу, я бы и сама купилась.

Туфли Хаксли и Уэйда громко стучат по асфальту. Стив бы никогда не надел ничего подобного, кроме как на свадьбу или похороны. Согласитесь вы с этим или нет, но у людей есть свой типаж. Уэйд — не во вкусе Хаксли. Ее бывший парень Стив — это «Огни ночной пятницы», а Уэйд — ночная пятница в клубе. Ну разве можно поменять свой вкус так радикально?

Я иду за ними. Хаксли поворачивает голову и смотрит через плечо. Это наш первый обмен взглядами с черт его знает какого времени. На меня накатывают воспоминания о нашей короткой дружбе в прошлом году. Не смотря на преднамеренную ложь с моей стороны, то было хорошее время.

Вместо того, чтобы равнодушно скользнуть по мне взглядом, Хаксли сводит брови к переносице и сжимает губы. И тогда я понимаю, что она хмурится, демонстрируя искреннюю неприязнь в мою сторону.

Этот взгляд напоминает мне о прошлом годе, когда все ненавидели меня за то, что я была специалистом по разрывам. Но это было тогда.

Что же я натворила сейчас?

ГЛАВА 3

После месяца уговоров и при поддержке сестры и мамы, отец, наконец, — *наконец* — разрешил мне закрывать дверь в свою комнату, когда приходит Фред. Я пообещала ему, что как только у меня появится живот, наша сделка немедленно аннулируется. Он даже не засмеялся над моей шуткой.

Мы с Фредом валяемся на кровати. Мои ноги удобно пристроились у него на животе. Книжки разбросаны по всему одеялу, потому что мы делаем домашнюю работу и целуемся (*восемьдесят процентов целуемся, а двадцать — делаем домашнюю работу*). Пока Фред читает комикс, я печатаю доклад на ноутбуке. (*Восемьдесят процентов времени роюсь в сети, двадцать — печатаю*). Из головы так и не выходят сладкие сердечки и то, как они попали в мой шкафчик. «НАЙДИ МЕНЯ». Никогда не слышала, чтобы так писали на сердечках к Дню Святого Валентина. Обычно это «целую», «женюсь», «на связи». Человек которому вы дарите сердечко, и так знает от кого оно. Найдя сайт производителей, я быстро изучаю список самых популярных фраз.

«НАЙДИ МЕНЯ» там нет и в помине.

Значит, кто-то приготовил сердечко специально для меня, потом подбросил его в мой запертый шкафчик. Кто хочет, чтобы его нашли?

Все мысли моментально вылетают из головы, когда Фред щекочет меня за пятку. Я дергаю ногой, чуть не выбив ему при этом зубы.

— Что за журнал? — спрашиваю я. Он вопросительно поднимает свои густые брови. Они — как третий человек в наших отношениях.

— Это комикс.

— Не вижу разницы

— Это эпическая история борьбы добра со злом, притча для общества, — говорит он,

тряся книгой передо мной.

— Ага, спасение мира в леггинсах.

— В трико!

— И опять — не вижу разницы.

Когда Фред Теплицки улыбается, то на его лице отражается каждая эмоция, которую он хочет выразить. Мимам стоит у него поучиться.

— Это не журнал, — говорит он. — В журналах печатают статейки о дизайнерских шарфах. *«Вот это шарф. Вы носите его вокруг шеи. Конец».*

Я подвигаюсь к нему поближе. От Фреда пахнет дезодорантом.

— Ну, там и там глянцевого страницы, цветные картинки и нереалистичные фотографии женщин. Прости за то, что перепутала.

— Твоя правда.

Я хватаю его за тенниску и притягиваю к себе, чтобы поцеловать. Мне нравится ощущать, как Фред прижимается своими мягкими губами к моим, и как щекочет его щетина мой подбородок. Он обхватывает мою голову рукой и проводит указательным пальцем по шее. Еще одно замечательное ощущение. Кожа покрывается мурашками.

Самое главное преимущество в наличии парня состоит в том, что я могу наслаждаться этим в любое время, когда захочу.

Я подкрашиваю губы помадой, а Фред — бальзамом. Неожиданно его внимание привлекает что-то фиолетовое. Он встает и шагает к сваленным в кучу бумагам, вырезкам из газет и ручкам. *(И откуда они тут взялись? Почему я постоянно забываю положить их к себе в сумку?)*

— О, Бартлетт, — говорит он, поднимая толстую брошюру. У меня чуть не останавливается сердце. — Знаешь, на Среднем Западе очень круто. И они говорят «шипучка» вместо содовой. И «карандаш» вместо крайон.

— Да ты просто профи, — с трудом удается выдать мне.

— У меня там родственники живут, — отвечает он, взвешивая буклет в руке. — Ты и правда делаешь это.

Я никогда и не думала о том, чтобы подавать документы в колледжи за пределами Восточного побережья. Зачем далеко улетать от семьи, если есть отличные учебные заведения, до которых можно добраться на машине?

Наш сосед преследовал маму весь август, пока не всучил ей рекламный проспект Бартлетта. Она положила его на обеденный стол, и каждый раз, когда я проходила мимо, фиолетовая надпись выделялась все больше и больше. На память приходит прошлый учебный год и мое разоблачение. Может, мне и правда улететь подальше от своего прошлого?

— Это же только заявление. И мне, скорее всего, откажут.

— Думаю, у тебя хорошие шансы.

— И я должна хвататься за них. Ведь так?

В школе есть ребята, которые поступают в местный колледж только ради того, чтобы оставаться рядом друг с другом и на корню обрубать свое будущее, цепляясь за прошлое. Это так грустно.

Он заворожено смотрит на сияющие, счастливые и такие этнически разные лица, глядящие на него с проспекта. Его лицо превратилось в непроницаемую маску, и я не могу понять, о чем он думает. Это самое страшное из его выражений.

— Фред?

— Это далеко.

— Мы можем продолжать отношения и на расстоянии.

— Ты подала заявление раньше срока. Ты не можешь отказаться. Ты привязала себя к Чикаго. — Его лицо наливается кровью. Он так крепко сжимает буклет в кулаке, что тот сгибается.

— Я думала, ты нормально к этому относишься. Это очень хороший университет.

— Я знаю.

— Мы выпускники. И мы знали, что это произойдет.

— Я знаю.

— Тогда что не так?

— Я люблю тебя! Вот что не так.

Что?

Из меня будто вышел весь воздух, и я начинаю хватать его ртом, пытаюсь хоть что-нибудь сказать.

Он гладит мои пальцы, а потом делает глубокий вдох и с серьезным видом смотрит на меня своими большими голубыми глазами. На секунду я таю. Ничего не могу с собой поделывать, когда он так на меня смотрит. Я — единственная, кто удостоивается этого.

— Бекка, я люблю тебя.

Любовь? Это слово стучит в моей голове, звенит в моих ушах. Фред Теплицки, мой парень, любит меня. Теперь наши отношения перешли в русло любви. И когда это произошло? Я, наверное, все проспала.

— Я не хотел говорить об этом вот так. Но видеть эту брошюру и знать, что в следующем году ты можешь быть в тысячах милях от меня...

Прошло всего три месяца, а мы уже... здесь. Любовь. Высшая лига. Даже не знаю, нахожусь ли я в своей комнате или в волшебной коробке, которую вот-вот распилят на две части.

Теперь моя очередь что-то говорить. *Девушка вынесла вердикт?*

Я открываю рот, но оттуда не вылетает ни звука. Жаль, что у меня не оказалось времени на подготовку. Засада века.

— Я...

Люблю ли я Фреда? Да, он мне не безразличен, но мне кажется, что любовь — это что-то большее.

— Ты мне очень, очень нравишься, Фред. Просто я пока не готова.

Я краснею и сжимаю глаза. Я не знала, как еще ответить ему, а сейчас в ужасе ожидаю его реакции. Да и не могла я сказать иначе. В отличие от прошлого года, у меня теперь чуть больше уважения к любви.

Я приоткрываю один глаз. Удивительно, но Фред все еще здесь.

— Хорошо, — говорит он. Фред расстроен, но держится. — Бекка, все нормально. Я понимаю. Знаю, это слишком быстро, я огорошил тебя своими словами.

— Ты мне и правда очень нравишься. Просто я пока не готова.

— Хорошо. — Он крепко обнимает меня, но я вижу, что он огорчен. И в этом виновата

я.

Чувствовать неловкость после того, как ваш парень признается вам в любви, — нормально. Это равноценно чувству боли, которую ты испытываешь, когда заканчиваются деньги на кредитке. По крайней мере, так мне говорили. Знаю, большинство девушек в моей ситуации обняли бы его и стояли так, пока он, склонив голову, не стал бы плакать. Но ведь это необязательная часть? Мне нравится быть с Фредом. Я люблю смотреть на него и чувствовать его запах. Но означает ли это, что я люблю его? Жаль, что у меня нет справочника.

Наверное, мне просто нужно время, чтобы все понять.

— Тебе стоит хоть иногда заезжать на техобслуживание.

Это Брок — механик, который кричит на мою сестру Диану за то, что она никогда не меняла масло.

Я решила поехать с ней, чтобы развеяться в этот солнечный субботний день. Советы, которые дает Диана, не всегда сочувственные и приятные, но, по крайней мере, они искренние.

— Я не виновата, — отвечает Диана. — У меня никогда не загоралась лампочка.

Мы проходим за кассу мимо смотрового окошка и попадаем прямо в сердце автомастерской, где с поднятым капотом стоит машина Дианы.

— Менять масло. Каждые три тысячи миль. Не нужно ждать, когда загорится лампочка.

— Хорошо, запомню.

Несмотря на ужасный серый комбинезон, Брок не так уж плохо выглядит. От шеи и ниже он — сама грубая красота. Его руки говорят о том, что он много работает. А лицо — это лицо мальчишки, особенно с этими буйными кудрями. Его я тоже нахожу симпатичным. Брок показывает на какие-то черные детали под капотом машины.

— Посмотри на свой мотор, — говорит он Диане. — Видишь, какой он сухой и в царапинах? Вот из-за чего твой автомобиль издает странные звуки. А все потому, что ты не меняла масло. Понятно?

Диана кивает.

— Подожди. А что из этого мотор?

Брок откидывает голову назад. Его смех эхом отдается в помещении.

— Боже, Диана ты что, пропустила это в старшей школе?

— Подожди. Ты учился в Ашлэнде?

— Мы учились в одном классе. Тогда мои волосы, да и я сам, были гораздо короче.

Ее глаза вспыхивают узнаванием.

— Подожди! Брок Лендерс! Не может быть! — Они начинают болтать о жизни, старых учителях и о тех, кого арестовали за употребление наркотиков. Сестра рассказывает ему о своей фантастической работе в рекламном агентстве в Нью-Йорке, которое планирует многомиллионные кампании, упуская при этом то, что ее оставили у алтаря, и после этого она погрузилась в депрессию длинную в год. Это ведь уже в прошлом!

— Так что мне теперь делать? — спрашивает его Диана.

Он делает какие-то заметки на планшете.

— Подожди.

— Что еще теперь?

— Ничего. Я имел в виду, «подожди, машина будет отремонтирована где-то через час».

Мы с Дианой убиваем время в «Панере» — в противоположном конце торгового центра. Она одновременно слушает о моей драме с Фредом и проверяет потенциальных партнеров в мобильном приложении.

— Он мне и правда нравится. Но любовь? Я не знаю.

— А я говорю, что все нормально. Люди влюбляются друг в друга в разное время, — отвечает Диана. — Я сказала Санкрешу, что люблю его первой, а он ответил, что пока не готов к этому. А потом, несколько недель спустя, тоже признался мне в любви. Это случается куда чаще, чем ты думаешь.

Я так хотела, чтобы слова Дианы подняли мне настроение. Но то, что ее собственные отношения с Санкрешем закончились, скажем, плохо, не вселяет в меня уверенности. И она это тоже чувствует.

В таких случаях мне хочется быть глупенькой и легкомысленной, и думать, что любовь — это совсем не сложно.

— Это не соревнование, — говорит Диана, перебирая мои волосы пальцами. Это всегда производит на меня успокаивающий эффект. — Тебе нравится быть с Фредом?

— Да. Все просто замечательно. Я никогда не чувствовала необходимости оценивать наши отношения до того, как он ошарашил меня своей любовью.

Я ожидаю, что она что-нибудь скажет, но Диана слишком увлеклась телефоном.

— На этом сайте столько странных и уродливых парней. Почему ни один из них еще не послал мне какое-нибудь идиотское сообщение?

Я заглядываю через ее плечо.

— «Гигабайты любви».

— Это новый крупный сайт знакомств, — говорит она, пытаясь приглушить свое излишнее воодушевление. Ее глаза блестят, замороженно рассматривая фотографии профилей. — Его создали хипстеры из Остина. Отсюда и название. О, он такой симпатичный.

Я рада, что Диана, наконец, становится сама собой. Тем не менее, она заслуживает большего, чем список желаний.

— Может, уже передохнешь, — говорю я. — Судя по всему, ты изучила всех доступных парней на севере Нового Джерси.

— Мне просто нужно посмотреть еще раз. — Несмотря на усталость, ее глаза все так же возбужденно блестят. Она хлопает меня по колену. — Плюс в том, что тебе не приходится иметь дело с этим.

Мне стоило бы рассмеяться ее шутке, но вместо этого к горлу подступает тошнота. Я никогда не испытывала такого давления. Это несправедливо. Три слова, брошенные мне без предупреждения. Они изменили ход игры. Значит ли это, что между нами — все только потому, что в тот момент я не чувствовала того же, что и он? Что я провалила тест на любовь?

— Просто продолжай в том же духе. Не стоит принуждать себя. Пусть это произойдет само собой, — говорит Диана мне. Или, будет правильнее сказать, телефону.

— А как я узнаю, что это произойдет?

— Ты просто все поймешь.

— Я увижу какой-нибудь знак или что-то в этом роде?

— Прекрати думать. Знаю, это твое любимое занятие. Но, прекрати. — Она дергает меня за волосы, и я перевожу взгляд на нее. — Ты просто будешь об этом знать.

Диана отпускает меня и возвращается к более насыщенным занятиям — «Гигабайтам любви».

— Это не соревнование, — произносит она.

— Ты уже говорила это.

— Вау-вау-вау, — восклицает Диана, с выпученными глазами глядя на экран, и вскакивает со стула. — Я только что нашла свою вторую половинку.

— И ты просто об этом знаешь? — насмешливо спрашиваю я.

Диана разворачивает телефон и показывает мне мистера «Вторую половинку». Изображение показывает мне темнокожего привлекательного парня с идеально взъерошенными волосами и мускулами, обтянутыми тесной футболкой.

— Уровень нашей совместимости — девяносто пять процентов. У меня такого ни с кем не было.

— Уровень совместимости?

И правда, рядом с его фотографией виднеется зеленая надпись — «95 процентов».

Диана пробегает взглядом по странице.

— Он юрист. А это значит, что ему идет костюм. Любимая порода собак — немецкая овчарка. Как и у меня. Ему нравятся караоке-бары. Как и мне.

— А у него есть имя? — интересуюсь я.

— Десмонд.

Почему-то в этом месте мы одновременно восклицаем: «Оооо...».

— Хорошее имя, — говорит Диана, и я с ней соглашаюсь. — Это он. Мистер «Вторая половинка».

— Диана, повремени радоваться. Это всего лишь фотография и несколько слов.

— Мы совместимы на девяносто пять процентов. Десмонд однозначно отправляется в топ моего списка.

— Почему ты так озабочена заполнением своего идиотского списка желаний?

— Потому что я давно его не пополняла, — отвечает Диана. — Мы с Десмондом предназначены друг для друга. Я, наверное, смогу узнать, где он работает, если получше изучу его профиль.

— Остановись! — говорю я, выхватывая у нее телефон.

ГЛАВА 4

Воскресное утро я провожу с большой чашкой кофе и списком производителей и дистрибьюторов сладких сердечек. Знаю, это не книжный обзор «Нью-Йорк Таймс», но меня устраивает. Я захожу на сайты всех компаний и изучаю все варианты сердечек в пастельных тонах и надписи к ним. У меня даже стало рябить в глазах от их обилия. Тем не менее, в списках ни одной компании нет «НАЙДИ МЕНЯ».

На кухню заходит отец и ставит варить кофе. На нем его воскресная униформа: голубые джинсы, поношенная серая футболка и бейсбольная кепка с надписью «Penn State⁶»

Университет находится в девяти часах езды от того места, где он вырос. Можно сказать, что в самолетной доступности от его предков.

— Пап, а почему ты решил учиться в Университете Пенсильвании?

Он наливает себе чашку свежесваренного кофе, и запах перемолотых зерен мгновенно наполняет кухню.

— Они предложили мне стипендию.

— И только?

Он пожимает плечами.

— У меня не было других вариантов. Я не был таким смышленным, как ты, — подмигивая мне, отвечает он.

К нам присоединяется одетая в банный халат мама. Она направляется напрямик к кофейнику.

— Что это?

— Кофе, — говорит отец.

— Зачем пользоваться кофейником, если летом мы купили кофемашину?

— Мне не нравится приготовленное в ней кофе.

— Мало того, что ты намесил здесь грязи, так это еще и расточительно. Ты собираешься выпить весь кофейник?

Мама вытирает стол и бурчит про себя тоже, что она только что сказала вслух.

— Вообще-то, да. Я собираюсь допить его перед сном. Как тебе это? — говорит он, хитро улыбаясь ей.

Я вновь принимаюсь изучать производителей сладких сердечек, и после трех тупиковых вариантов мне наконец-то подворачивается то, что надо. Корпорация «Сделай мечту реальностью» специализируется на персонализированных надписях. Таких как «*НАЙДИ МЕНЯ*». Я несусь в свою комнату, чтобы родители не стали допрашивать меня, почему я звоню в службу обслуживания кондитерской фабрики утром в воскресенье.

На другом конце трубки мне отвечает приятная женщина.

— Здравствуйте. Я недавно сделала заказ на сладкие сердечки с надписью «*НАЙДИ МЕНЯ*» и хочу убедиться, что у вас правильно записан мой платежный адрес. Думаю, я неправильно написала улицу.

— У вас есть номер заказа?

— Нет, с собой нет. Вы не могли бы просто проверить последний заказ с таким запросом? Уверена, у вас их не слишком много.

— Я не могу этого сделать без номера заказа.

— А есть тот, кто сможет мне помочь? Буду с вами откровенна. Я хочу знать, кто послал мне это сердечко. Кто-то хочет, чтобы я нашла его.

Она смеется, как бабулька. Не понимаю, что в этом забавного.

— Судя по всему, у вас завелся тайный воздыхатель, дорогая.

Тайный воздыхатель? Все в школе знают, что я несвободна. Я встречаюсь с Фредом. Если только кому-то не наплевать на это.

Неужели у меня есть тайный воздыхатель? Это как-то нелепо, но сладкие сердечки говорят сами за себя. Это тема, которая стоит того, чтобы обсудить ее с лучшей подружкой. Я стою возле лестницы и жду свою партнершу по ланчу, но Вал почему-то до сих пор нет. Фред периодически посматривает на часы таким образом, давая мне понять, что жизнь коротка, а обеденный перерыв еще короче.

— Что-нибудь слышно от Вал? — спрашивает Фред.

— Я послала ей два сообщения и никакого ответа.

Он выглядывает из двери и осматривает парковку.

— Парни уже ждут. Может, ты отправишь ей смс и скажешь, куда мы идем, и она встретится с нами уже там?

Вал всегда приходит на ланч. Она не из тех, кто кинул бы меня без серьезной на то причины.

— Она придет.

Проходит еще три минуты, что выливается уже в пятнадцать минут драгоценного обеденного времени, а Вал так и нет. Я отсылаю Фреда к друзьям и говорю, что подъеду на ланч позже.

— Она придет, — уверяю я его. — Скорее всего, ей просто пришлось остаться после занятий или что-то вроде этого.

Но это не объясняет того, почему я не видела ее все утро.

«Привет! Извини, но мне нужно позаниматься во время перерыва. Желаю тебе хорошо провести время!»

Я смотрю на экран, с каждым словом убеждаясь, что за всем этим скрывается какая-то тайна. Вал ценит наши выездные ланчи еще больше, чем я. Она даже умудрялась побродить по магазинам за эти сорок две минуты. С чего бы ей отказываться от сегодняшнего ланча ради учебы.

«Ты можешь позаниматься за столом».

«Буду постоянно отвлекаться».

«Мы будем вести себя тихо».

«Мне надо сосредоточиться».

«Но я хочу обсудить с тобой кое-что важное».

Отправив сообщение, я крепко сжимаю телефон в руке и с нетерпением ожидаю ответа. Минуту спустя, что равносильно сорока пяти минутам ожидания жизненно важного ответа на смс, на экране телефона мигает сообщение от Вал.

«Прости, Б. Пообщаемся чуть позже».

Никогда не знала, что Вал такая прилежная ученица. Но вот она, выбирает скучную библиотеку вместо вкусной еды и времени, проведенному с лучшей подругой. Может, она пытается подтянуть оценки, но, боюсь, дело в другом. Вал думает, что она третий — лишний.

Я бегу к машине, чтобы доехать до кафе и насладиться тем, что осталось от ланча.

Добравшись до дома, я паркуюсь позади черного автомобиля с наклейками «Нью-Йорк Янкиз⁷» и «Никс⁸» на бампере. Жаль, что я не могу поставить машину на подъездной дорожке — слишком много Вильямсонов для такой маленькой площади. А наш гараж заставлен черт знает чем.

Я стучусь в водительское окно, и стекло опускает Бари. Она в ярости. Что неудивительно. Вообще, мне кажется, что цель ее жизни — расстраиваться по какому-нибудь поводу. Как людям нужен кислород, так Бари нуждается в недовольстве. Ее светлые волосы заправлены за уши, а глаза почему-то заплаканные.

— Привет, — говорю я.

Она молча кивает головой.

— Что-то случилось? — спрашиваю я.

Она должна мне хоть что-то сказать. Я пока еще не научилась читать мысли. Бари обводит руль пальцем.

Этого недостаточно. Неожиданно до меня доходит, что есть только одна причина, по которой Бари стала бы ожидать меня возле дома.

— Бари, вы с Джем расстались?

Она нервно усмехается, так и не взглянув на меня.

— Конечно.

Я присаживаюсь так, чтобы наши глаза оказались на одном уровне.

— Мне очень жаль.

Перенесу подготовку плана на завтра. Думаю, сейчас мне лучше побыть рядом с ней. Я протягиваю руку и глажу ее по плечу. Но она резко отстраняется от меня, и я вскакиваю. В прошлом году я кое-что узнала о Бари: ее гнев похож на очень гибкого попрыгунчика.

— Избавь меня от этого, Бекка. Я знаю, что это была ты.

— Что?

— Ты слишком умна, чтобы притворяться дурочкой. Я знаю, что это была ты. Ты разбила нашу пару. — Она опять нервно усмехается, отчего у меня на шее встают волоски дыбом. — Судя по всему, специалист по разрывам вернулся.

ГЛАВА 5

— Что? — снова восклицаю я. Ее обвинения отзываются острой болью у меня в груди.

— Я не могу верить тебе, Бекка.

— Что произошло? — Я обхожу машину и открываю дверь с пассажирской стороны. К счастью, она разрешает мне залезть в салон. — Бари, посмотри на меня.

Она поднимает свои красные заплаканные глаза. По ее щеке катится слеза. В бытность специалистом по разрывам именно так выглядели мои жертвы, когда я заканчивала работу. Зная Бари и ее, скажем так, недостатки, она, скорее всего, сама виновата в расставании. Можно привести лошадь к водопою, но заставить ее перестать быть кобылой — нельзя.

— Давай поговорим. Если я буду знать, что произошло, то, возможно, сумею тебе помочь.

— Ты и так знаешь, что произошло.

— Сделай милость, расскажи. Ты ведь приехала к моему дому не для того, чтобы

любоваться пейзажем.

Она закатывает глаза. Ничего другого я и не ожидала. Но потом Бари разворачивается в мою сторону. Да, процесс пошел! Некоторые люди любят погружаться в свои переживания, как свиньи в грязь. Я одна из немногих девочек в школе, которые считают, что это только приводит к стрессу. Чем переживать, лучше искать выход.

— Джей сейчас в виртуальной футбольной лиге с друзьями, — говорит она.

— Что это еще такое?

Вильямсоны не увлекаются спортом. Обсуждению турнирной таблицы папа предпочтет поговорить о биржевом рынке. Именно поэтому у него не так много друзей в городе.

— Ну, я так понимаю, что ты как бы создаешь собственную команду из игроков НФЛ, и если они забивают мяч в ворота, то ты получаешь очки.

Несколько минут мы пытаемся найти правильный ответ, каждая в своем телефоне.

— Вот видишь! — восклицает Бари. — Я едва могу объяснить это! Как я могла что-то испортить?

— А он считает, что это так?

— Кто-то залез в его аккаунт и продал лучших игроков, тем самым загубив команду. И еще оставил послание: «Будешь знать, как игнорировать меня, Джейбай».

— Джейбай?

— Я его так называю.

При мысли о Джене Уолперте, известном также как Джейбай, эксцентричном малом, помешанном на спорте, я начинаю смеяться.

— Ничего смешного тут нет. Он думает, что это сделала я. Но я бы никогда не стала лезть в дела его лиги! Мне нравится, что он увлечен спортом. Это так сексуально.

— Правда? — вырывается у меня.

Те несколько раз, что я была на играх, мне всегда выпадал шанс сидеть рядом с самым громким человеком на трибунах, который выкрикивал свои комментарии так, как будто к ним прислушиваются на поле. А друг моего папы бросает чипсы в экран и выскакивает из комнаты во время каждого Суперкубка.

— Он так возбуждается, когда смотрит игру. Секс после этого просто потрясающий, — склонившись ко мне, шепчет она.

— О! — Как мы отвлеклись от темы.

— Неважно, выигрывает его команда или проигрывает, лично я всегда в выигрыше.

— Поняла, поняла. — Только без подробностей. С таким количеством секса у нее должно было бы быть постоянно хорошее настроение.

— Я бы никогда не сделала этого, — говорит Бари. — Я знаю, как много для него значит футбольная лига.

— Да, парни и их увлечения.

— И их деньги. За вступление в нее Джей заплатил четыреста баксов. Для него это большая сумма. Как и для меня.

Для меня тоже. Даже с учетом своей работы, я бы не собрала столько наличных. А чтобы ими еще воспользовался какой-то вредитель...

— Он долго копил, чтобы сделать первый внос. Джей развозил пиццу, но летом у него сломался джип, поэтому с этого времени он не работал. Пытался устроиться куда-нибудь еще, но так ничего и не нашел. Он хотел выиграть кубок, чтобы купить новую машину.

Мне нечего на это сказать. По руке пробегают мурашки. Я бы никогда не стала разорять

парня во имя антилюбви. Эту линию пересекать не стоит, если только не хотите причинить реальную боль.

— Сначала он поверил мне. Думал, что другой игрок взломал его аккаунт. Я до этого называла его Джейбаем перед друзьями. Но потом...

— Что потом? — спрашиваю я.

Вспомнив об этом, Бари отводит взгляд в сторону. По ее лицу снова катятся слезы.

— Ну, что?

Бари собирается силами и берет себя в руки. Я с нетерпением ожидаю ответа.

— Он узнал о моем секрете.

Я наклоняюсь вперед так, чтобы оба локтя уперлись в бардачок между сиденьями. Сердце начинает учащенно биться в предвкушении ее следующих слов.

— Моя семья... фанаты «Бостон Ред Сокс⁹».

— Да не может этого быть!

Бари опускает голову.

— Это правда. Мои родители родились в Глочестере. Они ярые фанаты «Пэтриотс¹⁰», «Бостон Келтикс¹¹» и, в особенности, «Ред Сокс». Меня даже назвали в честь Джека Барри, игрока «Ред Сокс».

У меня отваливается челюсть. Противостояние «Янкиз» и «Ред Сокс» в нашей местности сродни вражде Капулетти и Монтеки. Разве что из-за этого погибло не столь много людей. Лучше уж сказать, что ненавидишь булочные и рестораны, чем признаться в том, что ты фанат «Ред Сокс». Мне не нравится бейсбол, тем не менее, я никогда не стану болеть за них. Джей — ярый сторонник Янкиз. Свою уже потертую голубую бейсболку он носит с шестого класса. Я даже боюсь представить его реакцию.

— Я держу это в секрете. Моя семья тоже знает, что об этом не стоит трубить на каждом углу. Три года назад я ходила на матч «Янкиз — Ред Сокс» со своими двоюродными братьями и сестрами, и мы записали видео, где говорили всякие гадости о соперниках. Я сделала вид, что подтираю зад майкой Дерека Джетера.

Я изо всех сил стараюсь сдержать смех. Не ожидала, что услышу сегодня такое.

— Это не смешно! Мой кузен Рики загрузил его на видеохостинг, но он клялся, что оно было доступно лишь для частного просмотра. Мое имя не упоминалось ни в описании, ни в названии. Как ты его нашла?

— Я его не находила! Я не делала этого! — Я наклоняюсь и хватаю ее за руку. Она пытается вырваться, но безуспешно. — Мне так жаль, Барри.

— Рано или поздно, но я бы рассказала ему об этом. Мы встречались всего несколько месяцев. Я знаю, как чувствительно он относится ко всему, что связано с его командами. Я не хотела раскачивать лодку.

Ей стоило рассказать мне об этом, когда я сводила их друг с другом. Хотя даже и не знаю, что бы я придумала в данном случае. Этому противостоянию уже более ста лет. Даже мой отец ненавидит «Ред Сокс».

— Дай Джею время остыть.

— Я планировала приготовить ему лазанью из макарон. Он ненавидит лазанью, но обожает макароны. Так странно, но в этом он весь. — Ее взгляд становится таким грустным, что мне хочется сжаться в комочек. — Нас больше нет.

Я начинаю размышлять над злополучным сообщением: «Будешь знать, как игнорировать меня, Джейбай». Она права; оно написано от ее лица. Я легко могу

представить себе Бари, мстящую за то, что ей предпочитают спорт. Чтобы ее спровоцировать, много времени не требуется. Тот, кто это сделал, хотел, чтобы Джей разозлился и обвинил во всем именно Бари.

— Я со всем разберусь.

— Я имею право знать, кто за этим стоит. Кому нужно, чтобы Джей бросил меня?

— Я найду этого человека.

«НАЙДИ МЕНЯ».

На секунду в голове появляется образ сладкого сердечка. Судя по всему, мы с Бари обоих ищем. Но, по крайней мере, в ее случае у меня уже есть список главных подозреваемых.

К главной лестнице, месту, где вы запросто можете привлечь внимание всей школы, я подхожу в самый разгар ссоры. Девушка обнимает себя руками и не дает парню (*теперь уже, наверное, бывшему*) подойти к ней. По ее лицу текут слезы.

— Держись от меня подальше! Я видела фотографию! — выкрикивает она дрожащим от ярости голосом.

— Клянусь, я не общался с ней уже несколько месяцев. Мы не встречались с ней на выходных.

— Прекрати лгать! — визжит девушка. Я и все, кто наблюдает за происходящим, затыкаем уши. Где-то залаяла собака.

— А как тогда ты объяснишь это? — вытащив телефон, спрашивает она.

Мне даже не приходится вытягивать шею. Девушка поднимает руку с телефоном вверх и круто разворачивается, чтобы все зрители могли увидеть фотографии этого парня и стройной блондинки в бикини.

— Я не знаю, откуда они взялись. Их нет на моей стене.

— Потому что ты удалил их этим утром. Я сделала скриншоты, чтобы разоблачить твою лживую задницу.

Парень сильно краснеет, скорее от смущения, чем от чувства вины. В свое время я была причиной множества разбитых пар. По статистике, к этому моменту настоящий мерзавец уже бы признался. Девушка так и продолжает выставлять на обозрение злополучную фотографию, и когда она поворачивается в мою сторону, я хватаю ее за руку, чтобы рассмотреть снимок поближе.

Я внимательно изучаю изображение, каждый его пиксель. Фотошоп настолько очевиден, что только истеричная рассерженная девушка не заметила бы его. Дилетанты.

— Посмотри на то, что находится позади этой девушки.

— Ты имеешь в виду позади этой шлюхи! — выкрикивает она.

— Да. Позади нее, — отвечаю я, показывая на экран. — Что это? Что это за свет?

Девушка вглядывается в снимок. Мое спокойствие передается и ей.

— Солнечный свет?

— Верно. И он яркий. Согласна?

— Да.

— Такой бывает в середине дня.

Она кивает, все еще не понимая, к чему я клоню. Парень подкрадывается к нам, чтобы

тоже посмотреть.

— А что такое красновато-фиолетовое позади твоего парня?

— Хм, закат?

— И снова верно. — Я киваю головой, подбадривая ее, как воспитательница в детском садике.

— То есть их сняли в разное время дня? — медленно спрашивает она, когда до нее доходит. — Это разные фотографии.

Я качаю головой, соглашаясь с ней. Парень выхватывает телефон и подносит его к носу.

— Это фальшивка! Я невиновен! — Он радостно обменивается рукопожатиями с друзьями, а потом хватает свою девушку и целует ее. Мне же достаются одобрительные кивки со стороны зрителей.

Перед тем, как пойти на третий урок, я останавливаюсь, чтобы заглянуть в класс миссис Фарлей, учителя английской литературы. Кто-то достает тетради и ручки. Девушка, сидящая на первом ряду в центре, уже аккуратно разложила их перед собой. Я стучу по ее парте. Она отрывает взгляд от своих записей.

— Ты становишься небрежной, Джуди. Очень небрежной.

— О, привет Бекка. Не имею понятия о чем...

Я поднимаю руку, останавливая поток льющихся из нее слов. Не хочу ходить вокруг да около.

— Это был самый ужасный фотошоп, который я когда-либо видела. Не могла потратить лишние десять секунд, чтобы отрегулировать уровень света?

Джуди съезживается на стуле. Длинная французская коса падает ей на плечо.

— Они заметили?

— Я заметила. И они снова вместе.

— Бекка! Это уже третий случай, когда ты все портишь.

Я гордилась собой, когда в прошлом году завершила карьеру специалиста по разрывам. Я причинила людям боль. Я разрушила много замечательных отношений. И я же создала новый вид кустарного промысла. То, что я решила прекратить разбивать пары за деньги, не значит, что на это упал спрос. Поэтому вполне естественно, что какой-нибудь «предприниматель», как вот эта младшеклассница Джуди, попытается пойти по моим стопам. Я смотрю сквозь пальцы на ее действия, однако не позволю зарабатывать деньги на плохо подготовленных и исполненных планах.

— Это несправедливо, — возмущенно говорит она, напоминая мне испорченного ребенка. — Как я могу успешно вести бизнес, если ты портишь все мои планы?

— Попробуй стараться лучше.

— Но ты все равно перехитришь меня. Никто не делает этого лучше, чем ты.

Я краснею. Все-таки приятно, когда люди признают, что ты делаешь что-то лучше других. Когда я училась в средней школе, то думала, что буду той, кто быстрее всех пробегает милю. Но такая слава нравится мне куда больше. Меньше потеешь. И не нужно никаких спортивных лифчиков. Но что-то я отвлеклась от темы.

— Я хочу поговорить с тобой о Бари и Джее. — Я аккуратно сжимаю руками края парты, стараясь не испортить старательно наведенный ею порядок. — Тебя наняли, чтобы ты разбила их пару? И не вздумай врать мне.

— Почему ты всегда думаешь, что это я? — поджав губы, спрашивает Джуди.

— Потому что ты — это новая я. Или, по крайней мере, стараешься ею быть, — отвечаю

я. — Ты снова была небрежна.

— Я не была небрежна, потому что не разбивала пару Бари и Джея.

Я закатываю глаза. Одно дело, когда она применяет свои «полусырые» планы к парочкам, но портить то, что сделала я? Это уже перебор. Я думаю о лазанье с макаронами, которые так и стоят сырыми в кладовой.

— Тогда почему произошла неразбериха с виртуальным футбольным аккаунтом Джея?

— Может, компьютерный глюк? Не знаю. Я этого не делала. Seriously.

Для человека, который мнит себя специалистом по разрывам, Джуди не умеет лгать. Когда она это делает, ее голос сразу же становится писклявым. К моему разочарованию, я этого не услышала. В данном случае Джуди невинна так же, как ее наряд.

Я убираю руки со стола.

Джуди пожимает плечами

— Думаю, у нас появился еще один специалист по разрывам, — поправляя очки и ухмыляясь, говорит она. — И, судя по всему, она чертовски хороша в этом деле.

— Откуда ты знаешь, что это «она».

— Я не знаю. Просто стараюсь использовать местоимения женского рода везде, где могу. Своего рода выражение протеста против патриархата.

Я с угрозой смотрю ей в глаза.

— Честно-честно.

— Хорошо, проехали. Не скажу, что она хороша. Скорее, небрежна, потому что совершенно очевидно, что аккаунт Джея взломали. Древнее видео с кузинами так вообще ничего не значит. Этот план настолько шаткий, что на нем не удержалось бы даже перышко.

— Ужасная аналогия. — Джуди складывает руки на груди, продолжая улыбаться. Думает, что теперь она в выигрышном положении, да вот только ей всегда будет грош цена. — Если план настолько плох, то почему же они не вместе?

— Потому что она фанатка «Ред Сокс».

— Вот как, — хихикает она так, как будто надышалась гелием. — Ты не имеешь никакого понятия кто этот человек. Если бы знала, то не обвиняла бы меня.

Я сжимаю зубы. Она права. Ненавижу, когда это так.

— Судя по всему, у тебя появились конкуренты, — говорит Джуди.

— Вообще-то, конкуренты появились у тебя, — отвечаю я. Ее слова задевают меня за живое. Еще один специалист по разрывам. Прямо под моим носом. — Но это ненадолго.

ГЛАВА 6

Посреди ночи на рабочую почту приходит письмо.

Открыв жалюзи, я выпускаю первые лучи солнца. С каждой секундой письмо представляется все загадочнее, а предположения по поводу адресата растут в геометрической прогрессии. Кто мой новый клиент? Кто в Ашлэнде хочет построить любовь?

Сообщение от: Стив Оверлэнд

Что? Я падаю на кровать, держа телефон над головой.

Бекка,

Как у тебя дела? У меня все хорошо, но я скучаю по Хаксли. Не могу перестать думать о ней и ненавижу себя за то, как между нами все закончилось. Это не то, что ты думаешь. Я хочу вернуть ее. Ты сможешь мне помочь?

Стив.

Да он, должно быть, шутит. Мне стоило бы посмеяться над этим нелепым предложением. Посылаю ему короткий, но емкий ответ.

Стив,

Без шансов.

Бекка.

Всю следующую неделю я ношусь по школе и общаюсь с теми, кто мог бы пролить свет на разрыв Бари и Джея. На физкультуре я бегу быстрее обычного, чтобы не отстать от ее подруг. Они потеют именно так, как и должны потеть девушки по представлению парней. Легкая испарина по линии роста их волос явно контрастирует с моим внешним видом а-ля «я только что приняла душ в одежде». Учитывая то, что именно подруга Бари наняла меня, чтобы я разорвала ее предыдущие отношения, я посчитала, будет логичным подозревать ее ближайшее окружение.

— Что такое виртуальный футбол? — спрашивает половина из них в ответ. Те же, кто оказывается в курсе, искренне желают Бари и Джею поскорее во всем разобраться. У меня отлично настроен детектор лжи, но никаких сигналов от ее подруг и членов команды так и не поступило.

Джей распечатал для меня список игроков в своей лиге. Только малая их часть учится в Ашлэнде. Я бегло допрашиваю всех участников, но они тоже, как мне кажется, расстроены произошедшим между Бари и Джеем. Мой рассказ вызывает на их лицах уныние, а некоторые даже выглядят испуганными, когда понимают, что кто-то смог вмешаться в ход игры их драгоценного виртуального футбола. Они не в силах поверить, что его возможно хакнуть, что такое зло вообще имеется в этом мире. Я не решилась рассказать им, что и Санта Клауса не существует.

Никогда бы не призналась в этом, но я растеряна. Я отлично плету интриги, но хакерство — это не мое. Полагать, что в школьных коридорах бродит человек, который обладает такими возможностями и не боится их использовать... Ашлэнд больше не кажется мне маленьким, так же как и я не чувствую себя уверенной. Но опять же, может быть, никто ничего и не взламывал. Может, этот человек уже знал пароль Джея.

Или Джей бросил Бари просто потому, что она болеет за «Ред Сокс», да и вообще постоянно чем-то недовольная.

Я обдумывала эти варианты перед, во время и после урока, слоняясь по коридору, как пьяная. Тот, кто это сделал, либо гениальный хакер, либо как-то связан с Джеем.

Я поинтересовалась у Квентина. Из всех, кого я знаю, он лучше всего разбирается в компьютерах, если к этому можно отнести то, что он как-то раз починил мне телефон. Он немного обиделся и сказал, что тем, кто обладает подобными знаниями в Ашлэнде, наплевать на такую мелочь, как школьные драмы.

— А что, если им заплатили? — спрашиваю я его.

— Они больше зарабатывают на онлайн-покере и взламывая сайты банков.

Верно подмечено. На память приходит то, что новый специалист по разрывам назвал Джея «Джейбай». Так его именovala только Бари. Как бы об этом узнал хакер?

А никак. Только тот, кто лично общается с Джем и Бари, мог владеть этой информацией.

Я наблюдаю за тем, как Джей со своими друзьями идет по коридору, и составляю список потенциальных подозреваемых. Но проблема в том, что все его приятели очень милые парни. Я не вижу, чтобы кто-то из них захотел разбить пару своего товарища и его девушки.

— Она была такая классная, — говорит мне один из его друзей.

— То есть вам она нравилась?

— Да, — отвечает он, безразлично пожав плечами.

— Как думаешь, кто-то из твоих друзей мог бы попытаться разрушить их отношения? — спрашиваю я.

— Как это когда-то делала ты?

Я вздыхаю. Да, мне все еще больно об этом слышать.

— Именно так.

— Нет. Она была классная. Какой стыд, что она болеет за «Ред Сокс», — говорит он.

— То есть, он поэтому ее бросил?

Он пытается подобрать слова, что является вполне обычным явлением для половины парней в школе.

— Не-е. Она ему нравилась. Думаю, его взбесило, то что произошло с аккаунтом. У Джея была великолепная линия защиты.

— Хорошо, хорошо.

Информация, которую я получаю, совершенно бесполезна. Вопросы остаются те же. Никогда мне не было так трудно получать ответы. Но я и никогда не встречала равного по силе соперника. Человека, который так удачно воспользовался элементом неожиданности.

Театральное искусство — один из бесполезных факультативов, который могут выбрать лишь выпускники. Это сорок пять минут просмотра телевизионных пьес и «анализа» их исполнения. Урок проходит в школьном зрительном зале, а это значит, что мы сидим в удобных креслах, в которых я засыпаю быстрее, чем в качалке. Мистеру Жимански — или просто мистеру Ж, потому что его имя невозможно произнести правильно с первого раза, — осталось до пенсии всего два года. Как вы понимаете, меньше всего его волнуем мы. Именно поэтому у меня вызывает шок — или, скорее, обиду — то, когда он заходит в класс, хлопает рукой по сцене и кричит: «Вы в аэропорту!».

Мы с одноклассниками обмениваемся взглядами и нервными улыбками.

— Всем встать, — говорит он голосом Зевса-громовержца, взмахнув руками, чтобы нам было понятнее. — Вы в аэропорту.

Наверное, некрасиво с моей стороны думать о том, что мистера Ж одолел старческий маразм, но *res ipsa loquitur*¹².

Он поправляет на животе вязаный жилет и с ухмылкой смотрит на нас — явный признак того, что его умственные способности в порядке. А потом так громко хлопает рукой

по сцене, что я потрясенно выпрямляюсь.

— Чьи-то замечательные родители пожаловались директору по поводу моих методов обучения. Судя по всему, изучение великих шедевров театрального искусства и мастерства талантливейших актеров — это просто «просмотр каких-то фильмов».

Мистер Ж довольно вышагивает по сцене. Это его выступление года.

— Ну а так как учебный план теперь определяется не моим двадцативосьмилетним опытом, а чьими-то чересчур заботливыми родителями, то так тому и быть. Сегодня у нас будет занятие по импровизации. Вам всем придется создать образ, который вы и представите классу. Итак, — он поднимает руку, чтобы еще раз хлопнуть ей по подиуму, но, к нашему облегчению, не делает этого, — вы в аэропорту.

Мы встаем и начинаем бродить? как зомби, не зная с чего начать. Лоуренс Оливье в «Гамлете» никогда не был в аэропорту. Большинство из нас утыкается в телефоны, что я, в принципе, и делаю в таких местах.

— Что это? Это не театр! — говорит мистер Ж. Судя по всему, ни нам, ни ему не удастся насладиться выпускным годом. — Вы должны общаться друг с другом! Это длинная форма импровизации¹³. И я буду ставить вам оценки.

Лори Хендерсон падает на колени перед двумя парнями, сидящими в первом ряду, и с южным акцентом начинает рассказывать о своем умершем муже. (*Интересно, чьи же это были родители*). Я притворяюсь уборщицей и вожу вдоль прохода воображаемой метлой. Все-таки актерство — не сильная моя сторона. Мне больше по душе игра за кулисами.

Один из одноклассников, милый рыжеволосый Лео Гаррисон, с выражением паники на лице направляется ко мне, держа в руках мнимые чемоданы.

— Простите! Не подскажите, где находится выход номер 13? О нет, я опоздаю на самолет! А моя жена сейчас рождает восьмерню!

Мы стоим и неуклюже топчемся на месте. Именно мое отсутствие мастерства нас и подводит. Я глазами умоляю его продолжать, но он молчит.

— Я просто уборщица, — отвечаю я, сметая воображаемый мусор в воображаемый совок.

Лео прикусывает губу и бросает взгляд на занятого мистера Ж. Он наблюдает за Лори, которая теперь плачет на плече у ничего непонимающего одноклассника.

— Ну, спасибо за помощь, — говорит он. Мы еще несколько секунд стоим, решая, должен ли он сказать что-то еще перед тем, как двинуться по своим делам.

Я решаю, что пора вернуться к своей метелке. Ученики начинают медленно выползать из своих «раковин» и общаться друг с другом. Я же стою в стороне, как положено настоящей уборщице, и думаю.

Мистер Ж, почесывая бороду, с интересом наблюдает за моими действиями. Я начинаю прихрамывать, чтобы придать своему образу большую глубину.

— Пообщайся с другими актерами, — спокойным голосом говорит он.

— Но я всего лишь уборщица.

— Давай, попробуй. Посмотрим, что ты сможешь придумать. Потому что сейчас это скучнейший моноспектакль. — С этими словами он направляется к парочке парней, притворяющихся ругающимися. А может, это все по-настоящему. Как бы то ни было, мистер Ж бежит к месту сего действия, а я начинаю искать партнера по сцене.

Лео сидит и что-то пишет в записной книжке. Уверена, это игра. Он единственный младшеклассник в классе. Благодаря этому, а также утонченным чертам лицам, все

относятся к нему, как к младшему брату. Он попытался обыграть сцену в аэропорту со мной, теперь моя очередь делать ответный ход.

— Сэр, кажется, вы уронили это, — говорю я, протягивая ему что-то воображаемое. Скорее всего, портмоне. Я пока еще только учусь этому.

Он так быстро захлопывает записную книжку, что у меня сдувает волосы со лба.

— Спасибо.

— Знаете, в терминале так грязно. — Не могу я просто так болтать: ни в реальной жизни, ни в театральной.

— Ну, я мультимиллионер и я люблю вас и хочу на вас жениться, чтобы вам больше не пришлось заниматься этой грязной работой.

— А что насчет вашей жены и восьмерых детей, которые должны вот-вот появиться на свет?

— Я разведен.

— Я люблю тебя, о мой богатый муж! — восклицаю я, присаживаясь ему на колени. Вся эта ерунда с импровизацией может быть довольно забавной, особенно когда партнер чувствует себя неловко.

— Пожалуйста, слезь. Прости, я плохой актер, — говорит Лео. — Как думаешь, теперь так всегда будет на факультативе?

— Это все равно лучше, чем математика.

— Согласен. — Он пожимает плечами со столь уже привычным для меня обеспокоенным выражением на очаровательном, круглом лице.

— Над чем работаешь? — интересуюсь я, стуча пальцем по его записной книжке. Он, как будто нарочно, роняет ее на пол и задвигает ногами.

— Да ни над чем. Так, домашняя работа.

— Успешный брак нельзя построить на лжи.

— Ты со мной только из-за денег.

— Я не могу быть с тобой ради секса.

Он краснеет и смеется. Рыжеволосых вгоняет в краску что угодно. Я понимаю, что он хотел сказать что-то еще, по тому, как замешкался на секунду.

Мне стоит оставить все так, как есть. Только он как «младший братик», и я чувствую себя с ним очень комфортно. Разве не так это происходит? Вы встречаете кого-то и просто знаете, что станете друзьями, также как и птицы знают, что лететь нужно клином.

— Что с тобой? — спрашиваю я. — Ты в порядке?

Ему понадобилась около секунды, чтобы обдумать мой вопрос.

— Могу я спросить тебя кое о чем? — поерзав в кресле, говорит он. — Ты помогаешь людям найти друг друга.

— Это называется инженерия отношений.

— Как думаешь, ты сможешь помочь мне?

— Тебе кто-то нравится? — У меня мгновенно загораются глаза.

Лео кивает головой и жестом просит меня нагнуться.

— Доминик Салсано.

Он определенно ставит перед собой высокие цели. Доминик — секс-звезда школьной команды по футболу. У него черные струящиеся волосы, ярко-голубые глаза и тело, от которого невозможно отвести взгляд. А еще он, да простят меня дамы, стопроцентный гей.

— Тебе нравится он? Доминик? — изумленно восклицаю я. Кто бы ни хотел

встречаться с Домиником Салсано?

— Нет. Думаю, я люблю его.

— Любишь? — шепотом недоверчиво спрашиваю я.

— Наверное. Весь прошедший год я ходил за ним по коридорам, сидел напротив него в классе, наблюдал, как он играет в футбол, посещал, как и Доминик, собрания «Альянса геев и гетеросексуалов¹⁴». У меня такое ощущение, что я знаю его, невзирая на то, что за всю жизнь перекинулся с ним всего лишь тридцатью одним словом.

Мне так и хочется закатить глаза. Лео говорит в точности так же, как и Вал в начале своих влюбленностей. Только на его лице написана твердая уверенность в своих словах. Никаких подмигиваний и шуточек в конце. Он так убежден в этом, что я просто не могу смеяться над ним. Может, и правда вполне реально влюбиться в парня, даже ни разу толком не поговорив с ним?

— Уверен, ты отличный специалист, но это же Доминик Салсано. Безумно очаровательный. Невероятно популярный. Крутой гей. Крутые геи не встречаются с ботаниками. Ты не ботаник. Ты очаровательный, неотразимый гей.

— Я для него пустое место. Когда он приходит на собрания «АГГ», то даже не смотрит в мою сторону, только если я пробормочу что-нибудь тупое. Он даже не знает, как меня зовут и, скорее всего, думает, что я гетеросексуал. — Лео накрывает голову руками. — Моя жизнь похожа на песни Тейлор Свифт.

Он откидывается в кресле, измученный безнадежной тоской по Доминику. Мне еще не случалось сталкиваться с безответной любовью. Зачем страдать по кому-то и при этом сидеть, сложа руки? Мой отец всегда говорит, что цели должны быть достижимыми; иначе, это просто желания. А джинов, чтобы их исполнить, пока не завезли. Такое ощущение, что большинство людей предпочитает завести драму, чем парня, лишь бы сделать свою жизнь хоть чуточку интереснее.

— Ты хочешь встретаться с Домиником?

— Да.

— Я могу тебе в этом помочь.

— Можешь или попытаешься?

— У меня отличный послужной список, так что, смогу.

Сексуальные парни предпочитают встречаться с себе подобными. Но Лео такой очаровательный, именно это и будет нашим козырем. Я не стану пытаться переписать истины, которым уже сотни лет, но если подойти к ситуации правильно и проконтролировать ее, то возможно все. Лео и Доминик будут восхитительно смотреться вместе. Большой, крутой выпускник и его возлюбленный второкурсник. Я прямо представляю себе эту сцену.

— Уверен, есть тысяча других парней, которых он определенно предпочтет мне. Нельзя просто снять с меня очки и ожидать, что я превращусь в «горячего» красавчика. Он не заинтересуется мной.

— У тебя куча хороших качеств. К тому же, я отличный стратег.

— Ой! Может быть, это поможет. — Он протягивает руку под сиденье и достает свою потрепанную записную книжку.

Я мгновенно прикрываю рот рукой. Даже и не знаю, на что похожа моя реакция. Наверное, что-то среднее между резким вздохом и гоготом. Чтобы это не было, мои пальцы удержали рвущиеся на волю звуки. На страницах записной книжки оказались четко

прорисованные наброски... Доминика Салсано.

Доминик слушает учителя в классе. Мечтает. Спит на уроке. Выступает на каком-то собрании. Играет в футбол в идеально сидящей на нем форме. Лео похож на папарацци из семнадцатого века.

Мне становится неловко. Пять минут назад мы с Лео были едва знакомы, а теперь я так много о нем знаю.

Но я не могу сказать ему об этом. Поэтому просто улыбаюсь. Я сама вынудила его признаться в своих тайных чувствах и теперь должна поддерживать его.

Кстати, Лео хорошо рисует.

— О, они такие красивые, — говорю я.

— Может, они смогут нам помочь?

Да ни в жизнь. Ни в коем разе. Это не слащавая сказочка, в которой Доминик будет сражен чем-то подобным. Если кто-нибудь увидит записную книжку Лео, его нарекут придурком с зачатками серийного убийцы. Такие сплетни преследуют тебя всю жизнь. Я быстро закрываю записную книжку.

— Знаешь, что? Когда вы повстречаетесь какое-то время... долгое время, тогда ты можешь преподнести их Доминику в качестве... подарка на годовщину. Но пока давай оставим это в тайне. Просто запри в шкафчике и забудь о ней.

— Хорошо, — кивает головой Лео, соглашаясь с моим планом.

— Почему бы тебе не убрать ее в рюкзак? Прямо сейчас.

— Я и Доминик, — произносит Лео, как только его записная книжка оказывается в сумке.

— Волнуешься?

— Не знаю.

Он барабанит пальцами по подлокотнику кресла. Его неуверенность вызывает во мне еще больший интерес. Я люблю сложные задачи и чем больше общаюсь с Лео, тем больше он мне нравится. Значит, если близкое знакомство с Домиником сделает его счастливым, то я помогу ему.

— Все, что ты видишь — это его внешняя оболочка. За ней, он такой же, как ты и я. У него такие же желания, потребности, интересы.

— Его невозможно прочитать, — качает головой он, обдумав полученную информацию.

— Я могу помочь тебе прочитать его.

— Он недостижим.

— Я могу помочь тебе достичь его.

— И непробиваем...

— Я могу помочь тебе... С этим, думаю, ты справишься и сам.

— Забудь обо всем, Бекка, — решительно говорит он. Все те признаки интереса, которые украшали его лицо до этого, исчезли. Из-за страха, неуверенности.

— Чего ты боишься больше: того, что он скажет «нет» или «да»?

По проходу поднимается Лори. С решительностью дебютантки на первом балу она вламывается на нашу вечеринку.

— Привет! Извините, но ваше лицо кажется мне знакомым.

— Мне многие так говорят, — отвечаю я.

Она вздыхает и делает вид, что достает что-то — может, свечку? — из своего кармана. Лори переводит взгляд со свечки на меня. Наверное, это все же фотография. На ее лице

появляются самые настоящие слезы.

— Я наконец-то нашла тебя.

— Что?

— Мама сказала, что отдала тебя в приют во время войны. Все эти годы я искала тебя...

— Какой войны? — Мы с Лео недоуменно смотрим друг на друга. — Какой сейчас год?

Лори игнорирует вопрос, продолжая свой мелодраматичный монолог. «Золотой Глобус», не меньше.

— И вот ты здесь, из всех мест! Упала мне на колени в аэропорту. Сестра!

Она крепко обнимает меня.

— Что за хрень ты курила? — шепчу я ей в ухо.

— Не будь такой скучной, Бекка. Это импровизация. Поддержи меня. Будет весело!

Лори подмигивает мне и прижимает руки к лицу, чрезмерно радуясь воссоединению.

Я же хотела просто посмотреть фильмы!

— Сестра! — говорит она. — Расскажи мне о своей жизни! Чем ты занималась эти двадцать лет?

— О, нет! — Лео вскакивает со своего места и с выражением ужаса на лице показывает за спину Лори. — Пожар! Коктейльные салфетки! Они загорелись!

— О Боже! Пожар! Как же моя кушетка! — кричит Лори, вцепившись пальцами в свои волосы.

— Ты не моя сестра! — говорю я и толкаю ее в воображаемый огонь.

Она встает.

— Это импровизация. Ты не можешь так поступать!

Она ищет взглядом мистера Ж, но его лицо непреклонно.

— Соблюдай правила, Лори. Ты горишь.

Она снова падает на пол и начинает кричать, выбрасывая перед собой руки.

— Кто-нибудь, помогите мне! Сэр! — Она пытается дотянуться до стоящего рядом со мной Лео.

— Я согласен, — говорит он, крепко прижимая рюкзак к груди.

— Правда?

Он кивает.

— Кто-нибудь! Пожалуйста! У меня есть семья!

Я ничего не могу с собой поделаться и просто обнимаю его. Он осторожно кладет руку мне на талию, и это кажется таким естественным.

— Ради моих малышей... Пэтти, Генри, Чарльза и Х-Х-Хелен. Им нужна м-м мамочка... Дети, я вижу белый свет. Он такой теплый. Кто-нибудь, пожалуйста, вытащите меня из огня.

— Спасибо, Бекка, — говорит Лео. — Ты хороший человек.

— Мое лицо! Моя кожа! Она горит! Кто-нибудь, пожалуйста, помогите мне!

ГЛАВА 7

Я опросила всех из футбольного списка Джея, за исключением Мела Бреннера. Не могла никого найти под этим именем, пока до меня не дошло, что Мел — это сокращенное от Мелани.

Я поймала ее после восьмого урока. Хвостик, толстовка с надписью «Нью-Джерси

Нетс», узкие джинсы и кроссовки. Бывшая девчонка-сорванец, вставшая на путь исправления. Мы встречались с ней время от времени на факультативах в старшей школе. И как только я сразу не поняла. Полагаю, я не единственный человек, который предпочитает не высовываться. Когда Мелани говорит, что идет в мою любимую кофейню «Азукар», я следую за ней.

Заведение находится возле местного колледжа, а это значит, что там полно интересных персонажей, в том числе и с пирсингом. Раньше я считала всех этих людей крутыми и взрослыми. Через год я буду одной из них, но даже и близко не чувствую себя похожей на них.

С каждым новым учебным годом количество кофе, которое мне нужно, чтобы пережить день, увеличивается на одну чашку. Стоя в очереди, я пытаюсь бороться с сонливостью и желанием съесть печенье с шоколадной крошкой.

— Мне жаль, что с Джемом такое произошло. Я играю в виртуальный футбол вместе с лучшим другом Джейком, но в основном всем занимается он. Мне больше нравится баскетбол. — Она показывает на толстовку, чтобы подчеркнуть свои слова.

— Джейк Маккиннон?

— Угу.

Вот так-то. Судя по всему, мои знания о социальной обстановке в Ашлэнде переживают не лучшие времена. Спишем все на то, что я выпускница. Если они не старшеклассники, то на кой черт мне сдались?

Мы с Мелани заказываем кофе. При ближайшем рассмотрении я обращаю внимание на изогнутые брови и ясные зеленые глаза, которые придают ее лицу естественную красоту. А под широкой одеждой прячется хорошая фигура. Но кто бы говорил, я и сама когда-то драпировала свою женственность кардиганами и бальзамом для губ.

— Как замечательно, что ты помогла ему познакомиться с Паулиной.

— Не имею понятия, о чем ты говоришь.

Несмотря на то, что я не скрываю своей деятельности, публичное обсуждение клиентов не в моих правилах. Все, что касается их, должно оставаться в тайне. Ни одна девушка не захочет встречаться с Джейком, если вскроется, что он воспользовался моими услугами для того, чтобы я свела его с ней.

Мелани перебрасывает кошелек в руках, как баскетбольный мяч, дожидаясь броска в корзину.

— Я просто хотела поблагодарить тебя за то, что ты делаешь.

Я пожимаю плечами. Не стоит напоминать ей о том, что Джейк заплатил за это.

— Он мой лучший друг. Мы выросли по соседству и играли в баскетбол на его подъездной дорожке около восьми лет. Четыре из которых он ни разу не выигрывал, — с улыбкой говорит она. — Джейк — отличный парень, и я очень хочу, чтобы он был счастлив.

Приятно знать, что есть такие люди, которые поддерживают и переживают за своих друзей. Интересно, Вал такая же, как и Мелани? Искренне ли она рада за меня? Каждый раз, когда я спрашивала ее, что она думает о Фреде и о нас как о паре, Вал решительно отвечала: «Да!». Но это ведь Вал, которая предпочитает смех и шутки правде.

— Надеюсь, Паулина понимает, как ей повезло, — произносит Мелани.

— Угу, — киваю я и зеваю, сраженная послеобеденным упадком сил. — Прости. Мне нужен кофеин.

— Понимаю. Жаль, что его нельзя получать внутривенно.

Я делаю заказ, краснея под взглядом симпатичного баристы. Он один из тех парней, которым идет многочисленный пирсинг на лице.

Заплатив за свой кофе, Мелани присоединится ко мне в зоне ожидания.

— Джей невероятно счастлив и безумно влюблен. Это так мило. — Судя по ровному, без признаков восторга, голосу, у нее нет сил. Не смотря на всю мою любовь к Вал, я благодарна Мелани за наш спокойный и неторопливый разговор.

— Не переживай. Это скоро пройдет.

Мелани удивленно смотрит на меня, и я понимаю, что в ее словах не было иронии.

— Сейчас он постоянно улыбается. Даже после того, как я надрала ему задницу, когда мы играли в баскетбол. Мы пытались устроить его встречу с Паулиной летом, но у нас ничего не получилось. После всего, что Джейк пережил в связи с разводом родителей, ему это было нужно.

— Ты и в самом деле рада за него?

— Конечно. Он мой лучший друг, — отвечает она так, как будто это неоспоримый факт. Так-то оно так, но я никогда не слышала о том, чтобы девушка радовалась тому, что ее подруга завела себе пару, в то время как она — нет. Наверное, это потому, что Джейк — парень, а значит, отсутствует элемент соперничества. — Разве твои друзья не радовались, когда ты начала встречаться с Фредом?

Ее вопрос зацепил меня. Вал была в восторге, хотя... это обычное для нее состояние. Может, у нее есть целый список «против», но она боится рассказать мне о нем.

— Большой тыквенный латте со специями!

Я выхватываю кофе прямо из рук баристы.

— С наступающим Хэллоуином! — с улыбкой на лице произносит он.

Я, конечно же, краснею.

— Надеюсь, мы повторим это как-нибудь еще, — говорит мне Мелани.

— Мы фанатки кофе, так что еще встретимся.

Мы торчим в комнате Фреда и делаем домашнюю работу. (*Шестьдесят пять процентов времени целуемся, тридцать пять процентов — занимаемся. Черт, завтра контрольная*). Сложно сосредоточиться, когда сверху кровати на тебя, как полный извращенец, пялится Человек-паук.

— Тебе не жутко спать с лицом парня прямо напротив твоего?

— Ревнуешь? — интересуется Фред, закидывая в рот крекеры в форме рыбок.

Я читаю учебник и делаю заметки, удобно оперевшись о грудь Фреда. Он делает то же самое. Мы лежим в таком положении около получаса, что довольно удивительно для нас. В комнате тихо и комфортно. Одно дело с кем-то встречаться, а другое — научиться молчать в обществе друг друга, не испытывая неловкости. Это главная преграда, которую нужно преодолеть в любых отношениях. Но равносильно ли это любви? Не знаю.

Ненавижу что-нибудь не знать.

Почему не существует Любовного Оценочного Теста? Набираешь определенный балл, значит любишь. Тогда было бы все ясно.

Фред начинает тяжело дышать; я слышу, как быстро бьется сердце у него в груди.

— Что-то не так? — спрашиваю я.

— Мне нужно кое-что тебе сказать.

Я мгновенно поднимаюсь, подготавливая себя к этому «кое-что».

Фред тянется к своему столу, открывает ящик и вытаскивает стопку фиолетовых бумаг.

— Ты поступаешь в Бартлетт?

Он садится в черно-голубое кресло и подкатывает его к кровати.

— Да. Я разговаривал с консультантом и решил подавать документы раньше срока.

Я киваю, слушая, но не понимая его.

— Мой отец учился в Бартлетте. Он из Чикаго, и у нас остались там родственники.

Несколько недель назад он спросил, не рассматривал ли я его альма-матер для поступления. Он никогда не интересовался этим. Я не рассказывал ему о тебе. Так что это было просто грандиозное совпадение, — говорит Фред, возбужденно блестя глазами.

Я выдавливаю из себя улыбку, хотя внутри все сжимается от страха.

— Чем больше я думаю об этом, тем... Ну, это хорошее учебное заведение.

— Я бы сказала, отличное. — Мне следовало бы радоваться. Ну же, Бекка. Пожалуйста порадуйся.

— Прости, что не рассказал тебе об этом. Не был уверен, смогу ли подготовить все необходимое в срок, поэтому не хотел заранее обнадеживать тебя.

Если бы это было единственным, о чем ему стоило беспокоиться. Я обмахиваю лицо. Неожиданно, настольная лампа из «Икеи» кажется мощнее, чем солярий.

— Ты в порядке?

— Да, просто немного жарко, — отвечаю я.

— Ну, что ты думаешь? Злишься? Моя мама пошутила, что я прямо как Фелисити¹⁵, не знаю, что она имела в виду. Я поступаю в Бартлетт не из-за тебя. Это хороший университет. Отцу он нравился. У них великолепная научная программа. А ты идешь в качестве бонуса, — говорит Фред с самым честным видом.

Я практически поверила ему, но какая-то часть меня подозревает, что моя персона куда больше повлияла на его решение, чем он признает. Он прекрасно понимает, что это меня разозлит. Но я-то знаю его лучше.

— Я взволнована.

— Консультант пообещал поторопить с копией моей ученической ведомости, а учителя должны вот-вот отправить рекомендательные письма.

Фред ожидает ответа. Он внимательно изучает мое лицо, пытаясь прочесть по нему, что я думаю.

— То есть все нормально? Ты не злишься?

Мне кажется, что вокруг меня сжимаются стены.

— Это же отлично! Мы оба будем учиться в Чикаго. Возможно.

— Мы можем выбираться в Луп¹⁶, когда захотим!

— А можем целоваться под «бобом»¹⁷, как романтическая парочка, — добавляю я, заправляя его непослушные волосы за ухо.

— Это будут отличные четыре года, — говорит он.

Меня передергивает от его слов. Четыре года. Прошло всего три месяца, а он уже думает о четырех годах. Ощущение такое, будто мое будущее сливается с настоящим, превращаясь в одну непрерывную нить. Фред становится мастером уловок. Я должна что-нибудь сказать. Это моя роль, хоть она и странная. Но в этом же и есть суть отношений. Как жаль, что мы не можем просто наслаждаться настоящим.

— Я люблю тебя, — говорит он. Ну вот. Снова. И вероятно, не в последний раз. Если первое признание не было достаточно очевидным, то его новые планы по поводу колледжа сказали все сами за себя.

У меня серьезные отношения. Судя по всему, очень серьезные.

Он целует меня так, что подгибаются коленки. Когда Фред, наконец, отрывается от моих губ, на ум приходит только одно.

— Появился новый специалист по разрывам, — выпаливаю я.

— Что?

— Она — профи и разбила пару Бари и Джея. Думаю, это она. Но могу и ошибаться.

Фред вновь возвращается к поцелуям, будто пытаюсь заставить меня замолчать. Но сказанного не воротишь. Что если этот человек лучший специалист, чем я? Интересно, как она это подстроила.

— У Джея взломали аккаунт. — Я сажусь, а Фред укладывается рядышком. — Я залезла на сайт и даже не поняла, как зайти в этот аккаунт.

— Какая тебе разница? — спрашивает Фред.

— Они были моими первыми клиентами.

Он гладит меня по щеке, а потом ласково проводит пальцами по руке. Ему хотелось бы другого, но я не собираюсь позволять ему этого.

— Этот новый человек просто профи. Возможно, даже лучше меня.

— Это невозможно.

— Не издевайся. — Я ложусь рядом с ним так, чтобы наши губы были всего в нескольких миллиметрах друг от друга. До меня доносится едва уловимый запах жидкости для полоскания рта, которой он воспользовался, когда ходил недавно в ванную.

— Я не издеваюсь. Это правда. В этом деле нет никого лучше тебя потому, что никто не переживает о своей работе так, как ты.

— Я переживаю?

— Очень.

— Спасибо, — неуверенно говорю я.

Фред крепче прижимает меня к себе худыми, но крепкими, руками и целует.

«Интересно, его слова нужно расценивать как выпад или восторженную похвалу», — подумала я перед тем, как все мысли вылетели у меня из головы.

ГЛАВА 8

Мысли о Фреде и его виртуальном футболе беспорядочно путаются в моей голове. Я не могу ничего понять. Это как пытаться закинуть лассо на муху. Не то, чтобы я когда-нибудь это делала.

Я должна выговориться, а для этого нужна Вал. Мы не спрашиваем друг у друга: «Как дела?». Никогда этого не делали. Зато косой взгляд от случайного ученика младших классов запросто выливался в трехчасовое обсуждение. С недавних пор время нашего общения сократилось благодаря Фреду, но она всегда рядом, когда мне нужна.

Как и я, конечно же.

Я заезжаю на подъездную дорожку около ее дома и облегченно выдыхаю при виде голубой сверкающей машины Вал. Она моет её не реже одного раза в неделю, а салон выглядит так, как будто никогда не покидал завода. Мой, к примеру, настолько завален

бумагой и пакетами (в том числе от фастфуда), что даже бездомная женщина отругала меня на стоянке возле библиотеки (ладно, ладно, это был «Соник¹⁸»).

Отправляю Вал сообщение.

«Я возле твоего дома. Поехали в «Азукар»?»

Дом Вал прячется в глухом переулке между двумя улицами. Когда мы были младше, все симпатичные мальчики играли здесь летом в футбол. Мы выносили стойку и продавали лимонад, зарабатывая кучу, по детским меркам, денег. Вал всегда говорила, что лимонад — это так старомодно. В особо жаркие дни мы, затаив дыхание, ожидали, когда парни начнут снимать футболки.

Никакого ответа от Вал. Может, она в душе? Это единственная возможная причина, потому что она всегда носит телефон с собой. В прямом смысле этого слова. Вал даже спит, положив его рядом с ухом, чтобы ничего не пропустить.

Я стучусь в дверь, потом нажимаю на звонок.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Бекка! — восклицает миссис Херст и крепко обнимает меня.

Энергичность — это фамильная черта семьи Херст. Так же как и прямые светлые волосы.

— Вал дома?

— Нет, она с друзьями.

— Правда?

Даже и не знала, что слова могут так ранить. Она с друзьями. Которые не я. Чувствую себя обманутой.

— Она скоро должна вернуться, — натянуто улыбаясь, говорит миссис Херст. Наверное, она тоже находит странным то, что я не была включена в число друзей Вал.

Сигнал телефона извещает о сообщении от «девушки часа».

«Встретимся там через двадцать минут».

— Они меня ждут, — говорю я ее маме, даже не знаю зачем.

Я нахожу Вал на плюшевом оранжевом диване. Она сидит и потягивает кофе из кружки в горошек. Заказав латте, я устраиваюсь рядом.

— С кем ты была до этого? — первое, что вылетает у меня изо рта. Попахивает ревностью. Сказав это, я издаю смешок, делая вид, что меня мало волнует ее ответ.

— С группой, с которой готовлю свою презентацию по истории.

— Странно, почему твоя мама не сказала «группа»? — с очередным смешком спрашиваю я.

Моя ревность, должно быть, так очевидна. Неожиданно Вал начинает смеяться вместе со мной. Значит, можно сделать вид, будто мы просто хорошо проводим время. Как иногда это делают друзья.

— Дотти такая Дотти, — говорит Вал о своей маме. — Она до сих пор называет смски

«Мгновенными сообщениями».

— Классическая Дотти.

— Классическая Дотти.

— Один большой тыквенный латте со специями. — Бариста с пирсингом ставит на столик мой кофе. Я узнаю одну из цитат на его татуированной руке. Это из поэмы, которую я изучала на уроках поэзии в прошлом году. Кажется, ее написал Джон Китс.

Наблюдая за тем, как бариста возвращается к стойке, я замечаю на соседнем диване целующуюся парочку из Ашлэнда. Они — не моя работа, поэтому я громко смеюсь, а сделав глоток кофе, вздрагиваю.

— Сесилия и тот младшеклассник все еще вместе? — спрашиваю я.

Несколько секунд я ожидаю от нее ответа, пока не понимаю, что она уткнулась в телефон. Он издает сигнал о новом сообщении, которое вызывает у нее смех. Чувствуя себя неловко, я потягиваю кофе и надеюсь, что она, в конце концов, вернется к нашему разговору.

Наконец, она вытягивает шею, чтобы посмотреть на упомянутую пару. Сесилия Родс целуется со своим парнем по имени... по какому-то имени. Я его не знаю, потому что он ученик младших классов. Я перестала запоминать их имена. Мой мозг не может удержать все сплетни Ашлэнда. К тому же, драмы младшеклассников скучны и незначительны. Неужели и мы были такими? Сомневаюсь.

Сесилия возвышается над ним на три фута. Он с трудом обнимает ее за плечи.

— Они такие милые, — говорит Вал, помешивая кофе.

— Ага, а она похожа на няньку-совратительницу. — Парень выглядит таким молоденьким. — Это гадко.

— Он вырастет.

— В конечно счете, да.

Сесилии, кажется, наплевать, что она слизывает взбитые сливки с пальца подростка, который еще десять лет назад ходил на горшок. Между ними разница всего в три года, но они кажутся существенными.

— Оставь их в покое, — взмахнув запястьем, говорит Вал. На нее это не похоже. Она ведь хихикала над сальными шуточками, которыми осыпали Лелайну Райдер в прошлом году. — Сесилия приятная девушка.

— И совратительница малолетних.

— Она не виновата в том, что они нравятся друг другу, — произносит Вал и напряженно замирает на секунду. — Сесилия счастлива. Разве это не самое главное?

— Думаю, да. — Я делаю глоток кофе и успокаиваюсь. — Надеюсь, она готова к насмешкам. Нет, я не собираюсь делать ничего подобного. Просто говорю. Поверь, так оно и будет.

— Кстати говоря, сожалеешь о Бари и Джее? — спрашивает Вал, высыпая четыре пакетика сахарозаменителя в свою кружку.

— В этом не было вины Бари. Ее подставили.

— Ну а ты что? Собираешься очистить ее имя?

Хотелось бы, но это мало что поправит. Она — фанатка «Бостон Ред Сокс», и этого нельзя изменить. Я не знаю, что делать. Может, если мы докажем ее непричастность к виртуальному футболу, это положит хоть какое-то начало? Маленький шаг к примирению. В конце концов, она родилась в семье фанатов, тут уж ничего нельзя было поделать.

— У них все еще есть шанс, — говорю я.

— Бекка, скажу тебе откровенно. Джей бросил Бари не потому, что она болеет за «Ред Сокс» и не из-за футбольного аккаунта. — Помешав кофе, Вал делает большой глоток. — Он бросил ее потому, что она стерва. Можно принять все, но только не это.

Ее слова не относились ко мне, но все равно обожгли меня.

— Если она такая, то почему он тогда встречался с ней?

Динь. Телефон Вал снова ожил. Почему она не перевела его в бесшумный режим? Может, ей приятнее слушать этот звук, чем свою подругу.

— В конце концов, Бари покажет настоящую себя.

Я не привыкла к резкости со стороны Вал. Интересно, что из всего этого действительно касается Бари?

Динь. Динь. Два сообщения. Одно за другим. Вал пытается не обращать на них внимание.

— Прости.

Динь.

Это какая-то китайская телефонная попытка.

— Ты можешь ответить.

Вал поворачивается ко мне спиной, чтобы прочитать их. С каких это пор смс стали секретными? Это человек из ее «группы»?

— Все в порядке? — спрашиваю я.

Она пытается сохранять равнодушное выражение, но я замечаю, как слегка покраснело ее лицо — чего не было тридцать секунд назад.

— Дотти такая Дотти.

Я не стала допрашивать ее. Она все равно не скажет правду.

Несколько секунд мы сидим в тишине, которая кажется мне вечностью. Это ненормальное дружеское молчание. В этот раз мне приходится изо всех сил думать, что сказать.

— Как у тебя дела с парнем? — спрашивает Вал. — Ты не часто говоришь о нем.

Потому что не хочу, чтобы отношения между нами стали еще хуже.

— Хорошо.

— И все?

По идее, здесь мне стоит рассказать ей о признании и о поступлении Фреда в Бартлетт, после чего следующие три часа мы бы обсуждали и анализировали каждое сказанное слово.

Но я не могу ничего произнести. Мозг отчаянно желает это сделать, но рот лучше знает, как поступить. Между нами уже и так натянутые отношения. Я не хочу, чтобы Вал еще больше чувствовала себя третьей лишней. Не хочу, чтобы мы отделились друг от друга в наш последний совместный учебный год. Мы должны закончить его на хорошей ноте, поэтому я не стану рисковать.

— И это все.

«Ферфакс» — место, в котором может пропасть любая девушка по дороге со школы. Это одна из тех сетевых аптек, которые постепенно превращаются в торговые центры. Каждый раз, когда я в нее захожу, у них появляются новые товары. В прошлом месяце это

были консервы; на прошлой неделе они стали продавать свежие фрукты — пусть и расфасованные. Все равно считается.

Я брожу по отделу с товарами для Хэллоуина, в котором продают паутину, костюмы и сладости. Сладости в честь праздника, так что калории не считаются. К тому же последние несколько недель были такими сумасшедшими, что я могу позволить себе устроить шоколадный разгул.

Рука тянется к маленькой пачке жевательных конфет за полцены, но меня опережают.

— Они твои, — говорит Уэйд. На улице облачно, но он все равно нацепил на голову очки.

Его корзина забита всем, что только есть в «Ферфаксе». Отец Уэйда занимает высокую руководящую должность в сети, поэтому ему не нужно ни за что платить. Свежеиспеченные булочки (*у них теперь пекарня есть?*) вперемешку с автомобильными журналами и средством для укладки волос. Словом, полнейший ужас.

— Спасибо. — Я беру с полки пачку конфет, чувствуя себя нелепо: я просто хотела посмотреть, а теперь вынуждена купить. Завернув в отдел с косметикой, молюсь, чтобы больше его не увидеть. Мне всегда не по себе, когда я сталкиваюсь с одноклассниками за пределами школы. Мы не здороваемся в коридорах, как тогда вести себя в магазине? А еще он встречается с моей подругой детства, которая больше не разговаривает со мной. Этот факт заставляет меня двигаться быстрее.

Подойдя к кассе, я становлюсь в очередь и изучаю товары за доллар, гордясь тем, что могу противостоять искушению прихватить и их.

— И еще раз привет. — Уэйд. Снова. Позади меня. — Я тебя не преследую. Это просто совпадение.

Я не успеваю ответить, потому что к нам подходит Хаксли. Несмотря на то, что мы стоим довольно близко друг к другу, она блестяще делает вид, что меня не существует. Ни случайного столкновения взглядов. Ни эмоций на лице. Ни неловкости в беседе с Уэйдом.

Он обнимает свою девушку за талию. Девушку! Уэйд и Хаксли. Все никак не привыкну к их паре.

Я перевожу взгляд на корзину, откуда на меня смотрит крем для лица и средство для укладки волос. Стив никогда не пользовался подобным. Наверное. Мне всегда казалось, что он из тех парней, которые выходят из дома, пригладив рукой волосы и побрызгав в лицо водой.

Хаксли нужен был кто-то похожий на Стива. Человек, который не давал бы ей отрываться от реальности и был ее опорой. Стив заставлял ее улыбаться, когда она становилась слишком серьезной. Да и вообще, их отношения и романтические поступки были на высоте, нервируя меня, специалиста по разрывам. Я скучаю по той Хаксли. По тому дьяволу в юбке, которого я знала.

— Мария, — зовет Уэйд явно недовольного этим кассира. — Может, вы откроете еще одну кассу? — С этими словами он показывает на очередь, растущую за ним.

— Спасибо, — говорю я ему.

Пока Мария обслуживает меня, я прислушиваюсь к беседе Уэйда с его кассиром. Кажется, он знает их по именам даже без бейджиков.

— Отец не хочет выдавать мне новую кредитку, потому что я превысил лимит на последних трех. Поэтому на день рождения он выдал мне кучку этих «деток». Посмотрев через плечо, я вижу блестящие на свету подарочные карты «Ферфакса».

Мария вручает мне чек, и я делаю последнюю попытку встретиться взглядом с Хаксли. Она играет с ключами, наматывая их на длинную блестящую цепочку. Я пока еще не сдалась. Мы давно не разговаривали, и наше короткое воссоединение в прошлом году было для меня чем-то особенным. Лучше уж вообще не пробовать, чем вкусить то, что у тебя потом заберут.

— Может мы прекратим играть в молчанку, Хаксли? — вырывается у меня. Просто раздражают эти детские игры. — Прости за то, что я сделала в прошлом году, но я ведь свела вас снова вместе. Не моя вина, что он все разрушил.

Прищурившись, она смотрит в мою сторону, отчего я начинаю сожалеть о своей неожиданной вспышке честности. Может, не стоило будить спящего медведя?

— Ребекка, побереги свои извинения для того, кому не все равно. Я не игнорирую тебя. Мне просто на тебя наплевать. Ты — недоразумение в прошлом и не играешь никакой роли в настоящем. — С этими словами Хаксли делает три шага ко мне и говорит: — Ты — ничто для меня. Просто муха на лобовом стекле.

А потом она отходит к Уэйду, оставляя меня одну. Одну-одинешеньку. Мое сердце бьется где-то в районе туфлей. Я ожидала, что она будет зла, но услышать ее слова... произнесенные так твердо... после такого ничего нельзя вернуть назад. Открываются автоматические двери, подавая знак, что пора выходить.

Я иду к машине, пиная по пути усыпавшие дорогу желтые и красные листья. У меня чуть не останавливается сердце, когда я подхожу к ней ближе. Мысли о Хаксли мгновенно выветрились из моей головы. Кажется, домой я еду не одна.

На капоте сидит плюшевый мишка и, широко улыбаясь, смотрит на меня своими черными глазами. В любой другой ситуации это показалось бы мне милым. Я внимательно осматриваюсь по сторонам, но на парковке нет ни единой души.

Я беру медведя в руки. В лапах у него зажат розовый набитый мяч, украшенный сердечками. А за дворник всунута записка.

«Я наблюдал за тобой издали. Мне всегда было интересно, о чем ты думаешь. Мне нравится, что ты всегда думаешь. Вскоре ты узнаешь правду. Вскоре ты сможешь сорвать маску».

Пульс начинает стучать как сумасшедший, угрожая преодолеть звуковой барьер. Это, должно быть, тот же человек, который подложил мне сладкие сердечки. Это должен быть он. Я не из тех девушек, у которых может быть два тайных дыхателя. Нормальный человек стал бы фонтанировать эмоциями, восхищаясь плюшевым животным и странной романтической запиской; я же думаю о том, откуда этот почитатель узнал о том, что я была в «Ферфаксе»? Неужели в поисках любви теперь не брезгают приборами для слежки?

Схватив медведя за мягкую шею, я смотрю в его глаза, пытаюсь найти ответы на свои вопросы. Значит, у меня есть тайный дыхатель. Очень ловкий дыхатель, который побывал в моем шкафчике и возле машины. С этим нужно кончать и как можно скорее.

ГЛАВА 9

Моя сестра выходит из своей собственной гардеробной (да, я все еще завидую ей) в симпатичной юбке и свитере. Стильное сочетание, а главное — с декольте.

— Я выгляжу так, как будто собираюсь на сквэр-данс¹⁹, — говорит она с отвращением, изучая свое отражение в зеркале.

Еще один отвергнутый наряд.

Через один час сорок семь минут Диана идет с Десмондом — мистером Идеальное Совпадение — на первое свидание. Она даже ушла с работы пораньше, чтобы подготовиться. Диана старается изо всех сил в своей рекламной фирме. Сегодня босс вызвал ее, чтобы похвалить. Он получил письмо от клиента, оставшегося довольным ее недавней работой над его кампанией.

— Они собираются повесить меня в ближайшем будущем, — говорит Диана, пытаясь втиснуться в маленькое черное платье. Мне оно нравится, но она считает, будто это платье из серии «оставь деньги на прикроватной тумбочке».

Она уже примерила на себя семь различных образов: от успешной деловой женщины до сексуальной библиотечарши. Честно сказать, мне нравится видеть Диану такой взволнованной. Чтобы ни случилось, она продолжает идти вперед, говоря миру: «Да, меня оставили у алтаря. Ну и что?».

Диана надевает рубашку, которая топорщится везде, где только можно, смотрит на себя в зеркало и снова зарывается в гардеробной.

— Забудь об этом идиотском мишке, Би, — кричит она из ее глубин.

— Тебе легко говорить. Он ведь не тебя ждал на твоей машине, — отвечаю я, поудобнее устраиваясь на ее кровати. Я лежу на животе, согнув ноги в коленях, как делала раньше, когда наблюдала за Дианой, пока та собиралась на свидания в старшей школе.

— Кто-то вычислил, что ты в аптеке! Позвони в полицию.

— Но разве не странно, что этот человек залез в мой шкафчик? Кто-то скажет, что это тайный воздыхатель, я же — сумасшедший психопат.

Диана появляется из гардеробной в белом платье до колен в греческом стиле и такого же цвета лодочках.

— Во-первых, тебе не присылали неприятных сообщений. Скорее всего, этот человек просто по каким-то непонятным причинам влюбился в тебя. Во-вторых, ты счастлива с Фредом. Так какое тебе дело до того, что творит кто-то другой? Он, а может, и она, скоро сами выдадут себя. В-третьих, прекрати злиться на то, что кто-то обдурил тебя. Экстренное сообщение: «Бекка Вильямсон, ты не всегда самый умный человек в комнате». Ну а четвертое, и самое важное, — в этом месте она смотрит на себя в зеркало, — это платье говорит: «Я собираюсь в Хэмптон²⁰», «Я собираюсь в рай» или «Я собираюсь на вечеринку в тогах»?

— Ты права, — неохотно соглашаюсь я с ней.

— Знаю. Поэтому и сказала.

Почему этот тайный воздыхатель не может просто спеть под моим окном? Тогда бы я знала кто этот он или она. Чтобы заставить кого-то полюбить тебя, не стоит играть в игры, если только дело не близится к завершению.

— Кстати, отвечая на твой вопрос, не могла бы ты сказать своему студенческому братству, что у нас закончилось пиво? Спасибо.

С этими словами она вновь исчезает в гардеробной.

Я поудобнее устраиваюсь на ее кровати, используя отвергнутые наряды в качестве подушки, на которую можно опереться. Она права. У меня есть Фред. Мне не нужно переживать о секретном воздыхателе.

— Диана, я могу задать тебе вопрос?

— Еще один? Он касается тебя или меня?

— Меня.

— Я слушаю. Одним ухом.

— Как думаешь, наши отношения с Фредом губят мою дружбу с Вал?

Высказанный вслух, это вопрос кажется немного глупым. Тем не менее, он очень волнует меня. Как одни отношения могут причинять вред другим, если они оба оказывают положительное влияние на меня? По идее, они должны объединиться, чтобы наделить меня суперсилами или чем-нибудь в этом роде.

— Ты думаешь, что так и происходит?

— Пожалуйста, только не нужно включать психиатра.

— Черт!

Я слышу, как падают на пол коробки с обувью.

— Ты там в порядке? — спрашиваю я.

— Превосходно. — Она появляется в платье без бретелек, которое едва прикрывает ее женское достоинство. — Что думаешь?

Мой ответ должен опираться на то, что она сама думает о себе. Любое несогласие только приведет к куче вопросов о ее фигуре, а у меня не хватит терпения отвечать на них. — Ты выглядишь очень сексуально.

— Слишком сексуально? — спрашивает она, уже зная мой ответ.

— Для первого свидания? Наверное, да.

— Ладно. Не хочу, чтобы он думал, что получит меня на халяву. Что касается тебя и Вал... — Она вновь исчезает в глубинах гардеробной. А я думаю о своей бедной одежде, которая вынуждена томиться в тесноте в том, что какой-то сомнительный архитектор обозвал шкафом. — Это не твоя проблема, — доносится до меня голос Дианы.

— Что ты имеешь в виду?

— Я была на месте Вал, помнишь? Я была зла на своих подруг за то, что они находятся в прочных отношениях. Но это была моя проблема. Они не делали ничего плохого. Вы с Фредом не увлекаетесь публичным проявлением чувств и не забываете о существовании друзей. Вы стали милой, нормальной парой и без этого. Если Вал не может принять этого, то это ее проблема.

Если бы это было так. Потому что это и моя проблема тоже.

Сначала она занята со своей группой и мистическим отправителем смс, потом я не говорю ей о признании Фреда. Я чувствую, как мы отдаляемся друг от друга, и единственное решение — это отказаться от Фреда или Вал. Как жаль, что в жизни не бывает третьего варианта: ни одно из вышеперечисленного.

— Я не хочу потерять нашу дружбу, — говорю я.

— А ты хочешь дружить с тем, кто вынуждает тебя делать выбор?

— Нет, но ведь хорошие друзья не растут на деревьях.

Диана появляется из гардеробной в восхитительном, стильном платье, акцентирующем внимание на ее лучших достоинствах. Если бы Десмонд не был без ума от нее, это бы добило его. Она даже не спрашивает моего мнения. Диана и так знает, что она прекрасна.

— В следующем году ты уезжаешь в колледж, где найдешь себе новых друзей. Если Вал завидует тебе, может, лучше отказаться от нее?

Эти слова для меня как пощечина. В устах Дианы все кажется таким простым. И самое

страшное, что она может быть права. Но даже если между нами будет несколько штатов, и у меня начнется новая жизнь, я не могу представить ее без Вал. Без ее безумных звонков. Без наших обсуждений всего на свете. У меня такое ощущение, что я просто перестану быть собой.

— У нас все будет в порядке. Кто знает? Может, я просто все придумала себе?

— Возможно. Ты всегда слишком любила думать, Би. Послушай, если Вал настоящий друг, то она будет рада за тебя.

Я киваю, надеясь на то, что так оно и есть. Вал — настоящий друг. Она отказалась от парня ради меня. Может, она думает, что и я должна поступить также?

— Ты выглядишь потрясающе, — говорю я Диане.

— Соглашусь с тобой. — Она кружится, и ее юбка взлетает вверх. Никогда не видела Диану такой легкомысленной. Полагаю, если мы с Фредом расстанемся, интернет всегда поможет мне найти свое Идеальное Совпадение.

Как только Диана уходит, я решаю поработать, чтобы хоть на время отключиться от жизни. Поработать в плане инженерии отношений. Школьная домашняя работа может подождать. Открыв записную книжку на новой странице, я озаглавливаю ее «Лео и Доминик».

Подготовка: Что я знаю о Доминике Салсано? Только то, что он сексуальный мускулистый гей. Мне нужно большее, если я хочу помочь Лео.

Для начала я воспользуюсь гуглом. На экране появляются статьи о футбольных матчах, в которых играл Доминик. Парень знает, как забивать мяч, а всплывшей вместе с ними фотографии, он стоит на поле, положив руки на бедра. У него усталый, но все еще возбужденный вид; темные, влажные от пота завитки волос и мужественный подбородок. Сексуальные парни всегда геи. Если рассматривать ситуацию в плане «сексуальный или нет», то Лео определенно не в его лиге. Но я считаю, что это не проблема. Парню нужно быть всего лишь симпатичным. Этого у Лео не отнимешь. А моя задача состоит в том, чтобы Доминик увидел Лео во всей его красе.

В этих целях я изучаю профиль Доминика на фейсбуке. Что ему нравится? Как он развлекается? Что делает его Домиником, а не каким-нибудь обычным парнем? На фотографиях с эпической вечеринки у Криса Гомберга он держит в руке бокал мартини. Единственный человек без красного пластикового стаканчика. Он выглядит более стильным, по сравнению с остальными. На своей странице он написал о том, что Джеймс Бонд — слабак, потому что предпочитает мартини, приготовленный в шейкере.

«При приготовлении мартини в шейкере, лед подтаивает, и вкус коктейля становится мягче. Настоящий мужчина пьет смешанный мартини».

Кто знал, что Доминик Салсано так любит мартини?

Возьмем на заметку.

Выжидание: Какой должна быть тактика наступления для инженерии этих отношений? Доминик не из тех кротких парней, которые стоят в углу, ожидая, когда их куда-

нибудь пригласят. Судя по фотографиям и информации, которую я насобираала, он скорее альфа-самец, что немного усложняет дело. Именно он будет все решать в этих отношениях. Значит, я должна заставить его пригласить Лео на свидание. А это, в свою очередь, означает, что Лео должен обладать такими привлекательными для Доминика качествами, которых нет у других потенциальных парней. Нужна какая-нибудь зацепка.

Просматривая последние два месяца его активности на фейсбуке, у меня возникает чувство, что я уже его знаю. Ничего удивительно. Ему нравятся те же фильмы и виды спорта, что и другим парням в моей школе. Он ходит на те же вечеринки и, как и все, делает снимки а-ля «я белый спортсмен, принадлежащий к верхушке среднего класса». Конечно, это только внешняя оболочка, но все равно, кажется, что Доминик, ничем не отличается от других. Не буду отрицать, он сексуальный, и я полностью понимаю, почему Лео уделяет этому аспекту особое внимание в свой записной книжке.

На экране появляются снимки с прощальной вечеринки Стива. Неприятные воспоминания. Доминик оказался джентльменом и не выставил ни одну из фотографий драки между Хаксли и девушкой, с которой та застала его в постели. Почему Стив все испортил? Может, Хаксли решила круто поменять вкус на парней, потому что круто поменялся Стив? Он всегда был верным и любящим парнем. В прошлом году Стив вышел перед всей школой и спел песню в честь ее дня рождения. Ну кто будет петь, а потом делать то, что сделал он? На одном из снимков я замечаю что-то блестящее. Цепочка для ключей. Похожая на ту, что недавно крутила в руках Хаксли, когда я столкнулась с ней в «Ферфаксе». Увеличив фотографию, я вижу два красных носка. Эмблема «Бостон Ред Сокс». На её цепочке для ключей? Никогда не думала, что она фанатка бейсбола. Хотя припоминаю, как она была помешана на «Мировой серии»²¹, когда мы были детьми. Хаксли даже спала с картонной фигурой одного из игроков. То было еще когда мы не были крутыми, до того, как она огламурилась, познакомилась со Стивом и стала самой популярной девушкой в школе. Мне становится смешно, когда я вспоминаю, как мы танцевали в ее комнате с тем картонным мужчиной.

Но это все в прошлом. Она ясно выразилась о том, что мы с ней никогда не помиримся. А раз так, пусть все и останется в прошлом.

С этой мыслью я снова концентрируюсь на Доминике. И неожиданно нахожу три снимка с концерта, на котором он побывал в прошлом феврале. Это первые фотографии, на которых он не окружен хотя бы пятью парнями из футбольной команды. Рядом с ним стоят лишь Джофф и Джефф — самые серьезные парни из команды. Они находятся в небольшом концертном зале. Я смотрю на место и дату снимка — Доминик был на концерте «Джессалинс».

«Джессалинс» — это эмо-квартет, все участники которого встречаются с девушками по имени Джессалин. Ведущий солист также известен тем, что иногда начинает плакать во время исполнения своих песен. Они как-то не вписываются в основную тематику профиля Доминика. В комментариях к фотоснимку Джофф называет Доминика «сальса мэн».

Никогда не слышала, чтобы к нему так обращались, и это имя не всплывало на его страничке. Я забиваю его в гугл. Сначала появляется куча рекламных страниц, на которых «самый настоящий сальса мэн научит вас танцевать сальсу», потом еще какая-то ерунда, и наконец-то я натываюсь на доску объявлений на форуме «Джессалинс».

«Кто-нибудь идет 18\11 на концерт в «Фаерхауз»? «Джессалинс» выступают в моем

родном городе. Наконец-то:)».

«Фаерхауз» — это клуб, который находится на выезде из Ашлэнда. Это должно быть сообщение от Доминика. Открытый гомосексуалист оказался тайным фанатом «Джессалинс».

Ну а теперь наступает черед следующего этапа: **Обдумывание.**

Я звоню Лео.

— У нас есть зацепка.

— По Доминику? Правда? — как-то осторожно спрашивает он. Я его не виню. Это лишь зацепка, а не ключ к «Святому Граалю».

— Он большой поклонник «Джессалинс» и собирается пойти в пятницу на их концерт.

— «Джессалинс»?

— Да, это группа парней...

— Я знаю, кто они такие. Их музыка вызывает у меня желание спрыгнуть с моста.

— Лео! — возмущенно восклицаю я, расхаживая из угла в угол в коридоре.

— Их музыка просто ужасна. Он что, и правда тащится от этого?

— Да, и они не так уж плохи. Они заставляют людей чувствовать. — Никогда не слушала их, но не может же быть все настолько плохо?

— Ну почему ему не нравится «Ритм в ритм» или Лаура К. Найлес?

— Возможно популярная музыка просто не в его вкусе.

— Легко запоминающиеся танцевальные мелодии во вкусе каждого человека.

В итоге я останавливаюсь и прислоняюсь к стене. Не ожидала, что Лео будет сопротивляться. Я думала, что он радостно подпрыгнет просто от упоминания того, что может оказаться поблизости от Доминика. Нашел время, когда придираться.

— «Джессалинс» выступают сегодня в «Фаерхаузе». Думаю, нам стоит сходить на их концерт.

— Мне еще придется платить за то, чтобы послушать это?

Он меня достал.

— Лео, ты хочешь встречаться с Домиником Салсано? Хочешь узнать, каково это, когда его губы прижимаются к твоим? Если да, то поднимай свою задницу, залезай в интернет и начинай прослушивать все песни «Джессалинс», которые только есть в онлайн. На повторе. А потом зайдешь на их фан-сайт и запомнишь всю информацию о группе. Только так у нас может все получиться.

— Ладно. Надеюсь, он хотя бы наденет обтягивающую рубашку на концерт.

После того, как он вешает трубку, я пытаюсь найти в сети еще что-нибудь о Доминике. Чтобы Лео был во всеоружии. А потом по привычке делаю домашнюю работу. Уже почти девять. От Дианы ни слова. Мне не стоило бы беспокоить ее, но я изнываю от любопытства, поэтому шлю ей сообщение. Если она не ответит, это значит, что они занимаются сексом.

«Как свидание?».

Телефон извещает о новом смс еще до того, как я успеваю положить его на стол. У меня замирает сердце.

«Десмонд = этический провал».

ГЛАВА 10

Я бегом спускаюсь на кухню, хватаю пачку печенья, жевательных конфет и ломтики поджаренного хлеба, а к ним шоколадный, кислый и соленый соус. Быстро выставляю все на стол, дабы успеть к приходу сестры.

Войдя в дом, Диана, как зомби, проходит мимо меня в гостиную. Ее прекрасное платье измято и представляет собой печальное зрелище. Она садится на корточки возле шкафчика со спиртным и достает запечатанную бутылку водки, которой почти столько же лет, сколько и мне. Потом берет две стопки и придвигает к себе закуску.

— Выпей со мной, — просит она.

— Конечно.

Диана наливает две солидные порции и я, кое-как подавив рвотный рефлекс, выпиваю свою.

— Все было так плохо?

— Это было ужасно, — отвечает она, наливая по второму кругу. — Нет, даже хуже, чем ужасно. У меня нет слов, чтобы описать это свидание. Просто представь себе, что ты разбиваешь головой ветровое стекло.

Я достаю из холодильника апельсиновый сок. Моя норма уже выпита. К тому же я здесь для моральной поддержки (*и жевательные конфетки!*).

— Думала, что общаюсь в сети с милым, очаровательным и умным студентом юридического факультета. Но нет, парень моей мечты оказался мерзким всезнайкой, который постоянно оставлял за собой последнее слово. Он говорил с таким видом, как будто этот музей его собственность. Десмонд был очаровательным, когда я соглашалась с ним. А если нет, то он подвергал меня перекрестному допросу, а потом заявлял: «Хорошо, полагаю, ты права». Если я пыталась высказать свое мнение о картине, он просто закатывал глаза. И вообще, его раздражало все, что я говорила.

Диана достает из пачки два печенья, засовывает их в рот и запивает остатком водки.

— Может быть, он просто большой поклонник искусства?

— В большинстве случаев Десмонд даже не знал, о чем говорил. Он сказал, что, судя по технике, одна из картин была написана Кандинским. Я поправила его, сказав, что это Сезанн. Он же заявил, что это «хорошая, но неверная попытка». Я показала ему табличку, на которой большими блестящими буквами было написано «Сезанн».

— И что он сказал?

— Просто пожал плечами и направился к следующей картине. — Диана кладет упаковку печенья на стол. Она настолько замучена, что даже не может есть.

— В своем профиле он написал, что любит сладкое, поэтому я предложила ему сходить в то местечко, где продают кексы. В ответ мне прочитали лекцию о том, что кексы — это вредная еда.

— Кексы никогда не будут вредными!

— Так я ему и сказала. А он закатил глаза. Снова. Такое ощущение, что вместо них у него беличье колесо. Он был таким надменным и называл мою работу «милой», как детеныша газели.

— Может, у него просто был плохой день?

Мои слова не вызывают у Дианы улыбку.

— Самое идиотское то, что в конце свидания он захотел увидеть меня вновь, — продолжает жаловаться она. — Я вежливо отказалась. Сказала, что не почувствовала связи между нами, и смотря на то, что он отличный парень. Я нагло ему врала. А... — Диана устала сидеть за столом, потирая рукой лоб.

— Диана?

— А он ответил: «Не нужно быть такой сукой. Теперь я понимаю, почему тебя оставили у алтаря».

Я мгновенно представляю себе, как дубасю Десмонда по голове бейсбольной битой. Злость бурлит во мне, вызывая желание кого-нибудь ударить. Я выдаю парочку грязных ругательств, которые лучше всего описывают мою реакцию.

— Как он узнал? Я никогда не говорила ему. Три штата, судя по всему, не расстояние.

Диана кладет голову на стол, а я массирую ее пальцами, потому что знаю — она это любит.

Я зла на то, как все обернулось. Диана как-нибудь переживет неудачное свидание, но произошедшее напрочь убивает логику знакомств.

— Я не понимаю. У вас было практически идеальное совпадение.

— Судя по всему, цифры врут. — С этими словами она допивает остатки моей водки.

— Мне так жаль, — говорю я, обнимая ее. Да, избито и похоже на финальную сцену из отстойного сериала, но сейчас именно это и нужно. Мне известно, как сложно выкинуть прошлое из головы. А то, через что прошла Диана, было в тысячу раз ужаснее.

Она ежится, когда водка обжигает ей горло, а потом барабанит пальцами по столу, как будто что-то взвешивая в уме.

— Помнишь, собираясь на свидание, я сказала тебе, что босс планирует повесить меня в ближайшем будущем?

Я утвердительно киваю головой.

— В общем, они хотят перевести меня в Нэшвилл, чтобы я занималась Баттерворсом, нашим крупным клиентом.

— В Нэшвилл?

Диана наливает еще одну стопку водки. Я беру три печенья, высота которых в точности сопоставима с количеством алкоголя в ее рюмке.

— Сначала я подумала: «Нэшвилл? Я?». Но, наверное, стоит принять это предложение и переехать отсюда. Мне нужен новый старт.

Я представляю себе, как буду скучать по Диане, пока до меня не доходит, что Нэшвилл находится недалеко от Чикаго. Вроде как. Во всяком случае, на Среднем Западе. К тому же, я понимаю ее желание начать все с чистого лица. Жизнь Дианы только начала набирать обороты и должна продолжаться в том же духе.

— За Нэшвилл, — провозглашаем мы тост и «чокаемся» печеньем.

На моем покрывале лежит кое-что голубое и блестящее. Как бы мне хотелось, чтобы речь шла о таблетках или чем-нибудь подобном. Но нет. Это билеты на «Бал снежинок».

— Готовься, — говорит Фред, счастливо ухмыляясь.

— А мы не можем просто посмотреть фильм? — спрашиваю я.

— Не обсуждается.

Знаю, мне стоило бы радоваться тому, что я иду на танцы со своим парнем. Танцы — это классическое времяпровождение парочек, но на них никогда не бывает по-настоящему весело: всегда есть какая-нибудь программа, и они никогда не проходят так, как было запланировано. Я отлично помню свое последнее посещение бала. Именно он вдохновил меня стать специалистом по разрывам.

— А что если он окажется отстойным? — спрашиваю я. — Плохая еда и паршивый диджей?

— Будет весело.

— Уверена, именно так и думала Керри перед выпускным. Пока они не вылили на нее свиную кровь.

— С точки зрения статистики, это ничего не значит. Не говоря уже о том, что твой пример является вымыслом. Могла бы придумать что-нибудь получше.

Фред растягивается на покрывале по диагонали, вытянув свои длинные конечности от подушки к дальнему углу кровати.

Он притягивает меня к себе и целует. Ничего предрассудительного, потому что в другом конце коридора смотрит телевизор мама.

— А не можем мы заняться чем-нибудь еще в ночь бала? Можно было бы поехать в Нью-Йорк и посмотреть «Щелкунчика». Я всегда хотела это сделать!

— Запомню. Но предложение отклоняется, — говорит он, скрещивая руки.

— Я тебе отвечаю, там не будет весело. Никогда не бывает. Твои ожидания не оправдаются.

— Мы сделаем так, чтобы было весело.

— Есть куда более интересные занятия, на которые можно потратить пятьдесят баксов, — пытаюсь убедить его я. Фред никогда не был таким упрямым. Интересно, в чем причина его настойчивости. — Почему тебе так важно сходить на танцы? Тебя что, мама родила на дискотеке?

— Потому что я никогда не ходил на школьные танцы.

— Ты ничего не пропустил.

— Это не так. — Фред становится серьезным, и это сбивает меня с толку. — Я пропустил танцы.

— Ты что, и в самом деле никогда на них не был?

Танцы в Ашлэнде не являются обязательным мероприятием, но давление общественности делает его таковым. Полагаю, Фреду повезло, что ему удалось избежать этого давления.

— Мы с друзьями никогда не стояли в толпе. Думали, что танцы — это глупость, потому что ни одна девушка не согласится пойти с нами. Да я и не решился бы никого пригласить. Понимаю, это банально, но мне кажется, что я что-то упускаю. Знаю, ты думаешь, что на танцах также весело, как на осмотре у стоматолога, но ты, по крайней мере, там была.

Фред широко раскрывает глаза и, как всегда, в такие моменты я вижу в них отражение всех его чувств. Классный Фред, веселый Фред и испуганный Фред сплелись друг с другом как ветви спаржи.

— Это выпускной год. Моя жизнь изменилась в лучшую сторону, и я хочу сходить со своей девушкой на «Бал снежинок». — Он пожимает плечами, как бы проводя черту под тем, что только что сделал и сказал. Фред говорил от чистого сердца, обнажая душу. Я

обнимаю его за шею и целую так, что, кажется, мы обмениваемся дыханием друг друга.

— Мы отметим это, — говорю я.

— Я тебя люблю, — восклицает он и поднимает руки вверх до того, как я успеваю как-то отреагировать. — Никакого давления. Просто я люблю тебя.

Мне очень повезло, что у меня есть Фред.

— Откуда ты знаешь? — спрашиваю я.

— Что я люблю тебя?

Я утвердительно киваю головой.

— Просто... знаю.

— Спасибо за терпение. Ты мне не безразличен, но я пока не знаю.

— Я понимаю, — отвечает он, проводя рукой по волосам. — Ты привыкла быть яркой противницей любви. Старые привычки умирают с трудом.

Никогда не думала в таком ключе. Оставим Фреду размышлять о тех сторонах Бекки, о которых я сама позабыла. Я беру в руки голубой блестящий билет и кручу его между пальцами.

— Не переживай, — говорит Фред. — В этот раз все пройдет гораздо лучше.

Я веду машину в сторону дома, когда раздается телефонный звонок. Будучи сознательным водителем, да вдобавок копы любят устраивать засаду возле школы, чтобы ловить студентов, болтающих за рулем по мобильнику, я сворачиваю на обочину и паркуюсь на стоянке возле «Дэри Квин».

— Я хочу вернуть ее, Бекка. — Это Стив Оверлэнд, и он явно настроен решительно.

— Она встречается с другим, — вежливо отвечаю я.

Пара Хаксли и Стива была из серии «противоположности притягиваются». Высокомерная богатая девочка знакомится с очаровательным футбольным защитником, принадлежащему к среднему классу. Но это сработало. И даже очень. А потом в памяти всплывает фотография с той вечеринки. За глуповатой ухмылкой скрывается не такой уж и милый, сладкий Стив.

— Не забывай, ты сам ее оттолкнул.

— Это из-за вечеринки?

— Ну конечно же из-за вечеринки! У вас было все. Вы были влюблены по уши. А потом ты все испортил, потому что переспал с какой-то девкой в нескольких шагах от «любви всей своей жизни». — Я начинаю злиться. Не хочу, но слишком уж много усилий я вложила в пару Хаксли и Стива, чтобы оставаться лишь сторонним наблюдателем, циничным и равнодушным. Они были первыми, кого я свела, а первый раз никогда не забывается.

— Но у тебя это так хорошо получается. Ты знаешь Хаксли лучше, чем кто-либо еще.

— Больше нет, — говорю я. — Теперь я «просто муха на ее лобовом стекле». Ее слова.

— Серьезно? — Голос Стива звучит также расстроено, как и то, как я себя чувствую. Я не показала виду, но после того, что сказала Хаксли, мое сердце расплющилось, как алюминиевая банка. Никогда не думала, что я такая незначительная. Хаксли продолжает жить дальше — только без меня и без Стива.

— Я все еще люблю ее, — говорит он.

— Ты изменил ей перед кучей народа. В самом публичном месте, после билбордов на

Таймс-сквере. Я свела вас, между вами были прекрасные отношения, а потом ты все это профукал. Как можно быть таким идиотом, Стив?

— Я этого не делал! — Его крик чуть не оглушил меня. Несколько секунд мы молчим, потому что я никогда не слышала столько злости в его голосе. — Я не изменял.

— Мне продемонстрировать доказательства?

— Послушай, возможно, я и перебрал в ту ночь. Это все-таки была моя прощальная вечеринка. Но я никогда не был настолько пьян, чтобы не знать с кем сплю.

— Все когда-то случается в первый раз. — До меня доносится звук орущей сирены. Наверное, преследуют одного из моих одноклассников.

— Я даже не помню, чтобы столько пил.

— Не помнишь, значит, выпил слишком много.

— Бекка, я не стал бы этого делать. Я люблю Хаксли.

В трубке царит молчание. Я наблюдаю за придурком, который покупает мороженое в такую унылую и хмурую погоду.

— Бекка, ты умная. Положа руку на сердце, ты одна из умнейших людей в моей жизни. Разве тебе ничего не кажется странным? Ты ведь меня знаешь. Думаешь, я бы поступил так с Хаксли? Стал бы унижать ее перед друзьями после всего, через что мы прошли за последний год?

Я вспоминаю представление, свидетелем которого мы тогда стали. Хаксли и Стив, его бывшая девушка и новый парень бывшей девушки устроили такой скандал на вечеринке, на которой все выглядело так, будто Стив — изменщик. Хаос, кровь, слезы и одноклассники, наслаждающиеся драмой. В тот раз он был не виноват. Это была часть моего плана. Какую-то долю секунды в голове, как зажженная в шторм спичка, мелькает мысль, но я не могу ее уловить.

— Это странно. — До меня доносится его вздох, полный облегчения. — Но суть в том, что твоя девушка застала тебя, занимающимся на вечеринке сексом с другой девушкой. Она видела это своими глазами. Эта часть не была подстроена.

— А ты знаешь эту девушку? — спрашивает Стив.

— Я слышала, что она училась в частной школе «Сент-Оливос». Вокруг нее ходило столько противоречивых слухов. Я могла бы перечислить дюжину школ, которые она посещала.

— Я тоже это слышал. А также то, что она переехала в Миннисинк, или Денхофф, или Спрингдейл. И вообще, она бездомная. На самом деле никто ничего не знает, а ее с тех пор так никто и не видел. Она как будто появилась из ниоткуда.

— Если бы все было так просто, — язвительно говорю я.

— Что-то в той ночи было не так, — отвечает он, акцентируя внимание на каждом слове.

Мне хотелось бы послать его, но не могу. Я слышу, как дрожит его голос от эмоций. Что-то в истории разрыва Стив и Хаксли никогда не давало мне покоя, но я позволила себе поверить в нее. Я снова представляю их вместе, но образ слишком быстро развеивается.

— Разве ты не сможешь разобраться со всем, что произошло? Я хочу знать правду.

Я качаю головой, потому что не могу пойти по той же дорожке.

— Хаксли встречается с Уэйдом. Она счастлива и не хочет иметь с нами ничего общего. Вот такие вот дела, Стив.

Сначала мне кажется, что Стив собирается повесить трубку. Но я все еще слышу его

дыхание — слабое, крошечное звено, не дающее этому разговору прерваться.

— Неужели так все и закончится? — говорит Стив. — Несмотря на то, что произошло в прошлом году, ей действительно нравилось общаться с тобой. Даже после того, как она перестала разговаривать с тобой после нашего воссоединения, я видел...

Я наклоняюсь вперед, и ремень безопасности впивается мне в плечо.

— Что видел?

— Что она скучает по тебе.

Прошлогодние воспоминания оглушают меня, как взрыв пушечного ядра. *Когда-то мы были подругами.* Мы столько раз расставались и сходились, а теперь заканчиваем Ашлэнд, как незнакомцы. Хуже просто быть не может.

Неужели так все и закончится?

ГЛАВА 11

В конечном итоге я выбираю наряд на вечер: не слишком облегающий черный пуловер с модными прорезами в нужных местах и черные джинсы. Лео присылает мне уже третье сообщение, интересуясь, вышла ли я из дома, и в третий раз я его игнорирую. Пробравшись в гардеробную Дианы, я вытаскиваю из кучи ее обуви пару черных сапог. В них мои ноги смотрятся невероятно длинными.

«Хорошо выглядишь, Вильямсон», — думаю я, глядя на себя в зеркало. Фанаты «Джессалинс» даже не представляют, что их ожидает.

Когда я возвращаюсь в свою комнату, меня ждет еще одно сообщение. Я беру телефон и уже собираюсь закатить глаза, но вместо смс от нетерпеливого Лео, вижу фотографию носа Фреда и его рот, прикрытый двумя билетами на «Щелкунчика».

«Я же говорил, что запомню твои слова. Ты+Я+Феи Драже, после Дня Благодарения, в пятницу, во второй половине дня. Готовься».

Даже невзирая на то, что у меня пересохло во рту, а глаза округлились от удивления, я должна ему позвонить.

— Это правда? — спрашиваю я, приложив руку к сердцу, потому что это один из *таких* моментов.

— Ага. Ты же сказала, что всегда хотела сходить на него.

Я небольшая поклонница развлечений, но «Щелкунчика» обожаю с тех пор, как мы посмотрели его на уроке в начальной школе. Цена на билет заоблачная, поэтому каждый год семья Вильямсонов отклоняет мою просьбу. Никогда не думала, что вычеркну этот пункт из своего списка желаний до того, как стану жить самостоятельно.

Знаю, это странно, но я до сих пор удивляюсь, когда люди, никак не относящиеся к семье, делают для меня милые вещи. Я никогда не была из тех девушек, ради общения с которой одноклассники готовы из кожи вон лезть.

— Ты самый лучший парень в мире, — говорю я несколько секунд спустя в трубку. Я даже практически слышу, как радостно улыбается Фред.

— Не могу дождаться, когда мы пойдем на него.

Я чувствую, что «я люблю тебя» готово сорваться с моего языка, но почему? Потому что он купил то, о чем я мечтала, или потому, что я в курсе, как Фред хочет услышать эти три

слова? Я должна быть уверена в том, что говорю, перед тем как пересечь черту. Диана говорит, что я просто буду это знать. А знать, это не значит думать, что знаю.

— Мне нужно собираться. — Напоследок я смотрюсь в зеркало дома, а потом еще один раз в зеркало заднего вида в машине.

— Хорошо тебе повеселиться.

— Попробую, но формально я, вообще-то, на работе.

Мы с Лео стоим вместе с галдящими фанатами «Джессалинс» возле «Фаерхауза». Раньше здесь располагалась пожарная станция, но ее закрыли, а потом переоборудовали в клуб, куда мы — подростки из пригорода — ходим для того, чтобы «поколбаситься». Тем, кому уже есть двадцать один, выдают специальные браслеты, позволяющие покупать спиртное, остальные же проносят водку в бутылках из-под воды.

— А ты уверена, что это сработает? — спрашивает Лео. — Мне всего пятнадцать, а выступление рассчитано на тех, кому семнадцать и выше.

— Скажи это еще громче, пожалуйста. Мы ведь хотим, чтобы даже вышибалы в Бангладеше услышали тебя. Просто придержишься плана, Говард.

Я попросила Говарда, друга Фреда, одолжить мне паспорт. Они с Лео немного похожи. Главное, чтобы цвет глаз был одинаковым, а разницу в росте и весе всегда можно списать на проблемы с щитовидкой.

— Говард и гардероб свой пожертвовал? — интересуется Лео, теребя клетчатую рубашку. А почесав голову под вязаной шапкой, такой же, как и у трех других парней в очереди, добавляет: — Я выгляжу смешно.

— Просто будь как все.

Мы уже стоим почти в начале очереди, а рука Лео все дрожит, не смотря на то, как сильно я сжимаю ее.

— Прости. Я ничего не могу с этим поделать. А что если Доминик увидит меня и сдаст?

— Значит, не судьба.

— А если его здесь нет?

— Он здесь. — Доминик не пропустит выступление любимой группы в его родном городе.

— А если он заболел и сидит дома?

— Прекрати, — говорю я. — И запомни, тебе — семнадцать. Продолжай повторять это про себя. Тебе нечего скрывать.

Еще один человек, и мы будем стоять прямо перед вышибалой. Я понимаю, что они должны выглядеть внушительно, но неужели обязательно при этом брить головы? На лице вышибалы застыло типичное неприветливое выражение. Интересно, это так надо или у любого будет такая же физия, если ему придется контролировать пьяных подростков?

— Как дела? — говорю я, протягивая ему удостоверение личности. Он ничего не отвечает и просто ставит на руку печать.

После меня к нему подходит Лео. Он выглядит испуганным, как ослепленный фарами олень.

— Ой, я так рада, что мы опаздываем на разогрев. Его явно переоценивают, — говорю я, пытаюсь отвлечь Лео, но он едва ли слышит меня. Это заставляет вышибалу поднять на него

взгляд, потом опустить на удостоверение и еще раз посмотреть на Лео. Тот, к его чести, пытается взять себя в руки и выглядит спокойным, но паника уже охватила его.

Я делаю шаг вперед и кладу двадцатидолларовую купюру поверх удостоверения личности.

— Все нормально? — спрашиваю я самым наивным голосом, на который только способна.

Страбастав двадцатку, вышибала бросает взгляд на уставившегося в землю Лео. Через несколько секунд, которые кажутся вечностью, он наконец ставит печать на его руке.

— Наслаждайтесь концертом.

В зале перед сценой собирается толпа, а к единственному бару тянется длиннющая очередь. «Нью Олдис» — группа, которая играет на разогреве — начинает брэнчать на гитарах. Все ее участники одеты, как продавцы библий. Ну а девчонки уже позабывали себе места возле пожарных шестов. И пусть мои туфли липнут к полу, а в воздухе висит кислый запах пота, музыка и ее энергетика захватили меня. Если бы не работа, я бы точно отрывалась в передних рядах. Мы поднимаемся на балкон, который тянется вдоль всего зала, и устраиваемся возле перил, чтобы видеть все и вся.

— То, что ты провернула с вышибалой, было так круто! — восклицает Лео, стуча по ним пальцами в такт музыки. — Буду тебе должен.

— Я вышлю тебе счет.

Он внимательно изучает толпу, и его глаза вспыхивают каждый раз, когда он замечает кого-то похожего на Доминика.

— Эй, — говорю я. — Почему бы тебе не пойти в бар и не взять нам по диетической коле? А я пока буду высматривать нашу цель.

— Конечно!

— Да успокойся ты уже. Это ведь просто газированная сладкая водичка.

— Прости, — краснеет он. Так мило, что он волнуется. Интересно, почему я никогда не чувствовала ничего подобного? В наших с Фредом отношениях все произошло быстро и просто: никаких переживаний и неопределенностей. Застенчивость и сентиментальность Лео будет хорошо сочетаться с крутостью Доминика. По крайней мере, я на это надеюсь.

Когда он уходит в бар, я пытаюсь найти Доминика в море клетчатых одеяний. Я уверена, что он тусуется рядом с баром. Боже мой! У меня аж подпрыгивает сердце, когда я вижу вязаную шапочку и его в ней. Верхние пуговицы клетчатой рубашки расстегнуты и обнажают четко очерченные мышцы. Умереть, не встать.

По обе стороны от него стоят друзья по команде: Джофф и Джефф. Небольшая проблемка, но я ее предвидела.

Лео ставит колу на перила и пододвигает ее мне.

— Ты его видишь?

— Да.

Он начинает таращить глаза на всех и каждого.

— Не стоит так делать. Ты же не хочешь, чтобы он понял, что ты его преследуешь.

— Не волнуйся, я смогу сохранять спокойствие, — начиная кивать головой в такт музыке, говорит Лео, а потом делает рукой «волну», которая ужаснула бы даже моего папу.

Я бросаю на него раздраженный взгляд, и он садится на стул.

— Не переживай. У меня все под контролем, — говорю я и, качнув головой, чтобы он следовал за мной, веду его вдоль балкона мимо парочек. Мне нужно найти идеально подходящего для моего плана человека.

— Привет, не возражаешь, если мы немного потесним тебя? — спрашиваю я девушку, которая кажется мне именно им. Думаю, она учится в колледже, потому что, не смотря на наличие браслета, от нее еще не веет взрослостью.

Она и ее компания немного сдвигаются и освобождают нам место. Я хватаю Лео за рукав и затаскиваю на позицию. От девушки пахнет духами с фруктовыми нотками и мятной жвачкой. Эти запахи перебивают всю вонь в клубе.

Этап четвертый: Внедрение. Цель — подружиться с людьми, которые могут помочь нам подобраться поближе к Доминику.

— Спасибо! — говорю я ей. Падающие на грудь волосы и топ с низким вырезом, как маяк притягивают внимание к ее декольте.

— Рада была помочь.

— А ты фанатка «Джессалинс»? — интересуюсь я.

— Однозначно. Ты уже слушала их новый альбом?

— Конечно, — отвечаю я самую что ни на есть ложь. — А солист вообще невероятно милый.

Я посмотрела, как он выглядит, в интернете. Этот парень напоминает мне кузена Фреда, поклонника гранжа, поэтому я считаю его милым.

— А я неравнодушен к барабанщику, — встречает Лео.

— И я тоже! — вскрикивает Фрути Минти, чуть не пролив при этом свой коктейль. — Но его девушка кажется такой сухой!

— Ну, он вроде как влюблен в нее, — отвечает Лео, отпивая колу, а я смотрю на него, ожидая разъяснений. — Он набил ее имя на груди, а главный сингл в альбоме посвящен их отношениям. — После этих слов Лео шепчет мне на ухо: — Я все выучил, как ты и просила.

— Пять с плюсом тебе за это, — также тихо отвечаю я ему.

Вскоре я выясняю, что девушку зовут Гретхен. Мы продолжаем обсуждать все, что касается «Джессалинс»: наши любимые песни, слухи о группе, драки на прошедших концертах. Ее подруги тоже присоединяются к разговору, и теперь мы выглядим просто как общающиеся между собой фанаты. Несколько раз в течение вечера Лео украдкой закатывал глаза, но так, чтобы я это видела.

— Тебе нравится все, что касается «Джессалинс», — напоминаю я ему.

— А вы не хотите выпить? — интересуется Гретхен, демонстрируя свой браслет.

Я чересчур театрально вздыхаю, забывая на образ невинной школьницы.

— Ну не знаю. Мне еще вести машину.

— Я понимаю, но «Джессалинс» еще даже не начали выступать. Если выпьешь сейчас, то к окончанию концерта будешь в порядке, — убеждает меня Гретхен.

Я смотрю на Лео, которому определенно не помешал бы алкоголь.

— Ну тогда ладно.

Как только она уходит, Лео хватается меня за руку.

— А когда я буду разговаривать с Домиником?

— Подожди пока начнется выступление, — отвечаю я, пытаюсь выиграть себе побольше времени.

— Когда они начнут петь, я включу айпод, — предупреждает он.

— Даже и не думай.

— Как только мы с Домиником начнем встречаться, первое, что я сделаю — это изменю его предпочтения в музыке.

Через добрые полчаса «Джессалинс», наконец, начинают играть. Мы потихоньку тянем клюквенную водку и каждый раз, когда Лео делает малюсенький глоточек, на его лице появляется страдальческое выражение. Он выглядит возбужденным, но может быть это просто волнение и нервы. Доминик, слегка склонив голову, внимательно слушает музыку. Сейчас он находится в своем собственном мире, а «Фаерхауз» — это его наушники. Даже и не знала, что он может быть настолько увлеченным любителем искусства, а не просто придурком. Как же мне нравится осознавать, что мои одноклассники более многогранны, чем я думала. Доминик скинул с себя броню, и теперь он просто парень, который слушает любимую группу.

В этот момент меня осеняет.

— Эй, зачем ты меня толкаешь? — возмущается Лео, получив от меня тычок локтем.

— Настала пора приводить план в действие, — кричу я в его ухо. Как только песня заканчивается, я использую этот драгоценный момент, чтобы повернуться к Гретхен и спросить ее:

— Как думаешь, Лео милый?

— Он восхитительный! — взъерошив его волосы, отвечает она. Лео краснеет, как Ширли Темпл.

— Представляешь себе, он до сих пор одинокий.

— Это просто издевательство какое-то.

— А ты не хотела бы ему помочь?

Она заинтересованно, но все же с долей сомнения, смотрит на меня.

— Понимаешь, вон там внизу находится парень его мечты. Тот, что в красно-голубой рубашке и с длинными черными волосами.

Гретхен смотрит вверх моей головы.

— Какой красавчик! Одобряю.

— А те двое — препятствия на пути к его счастью, — говорю я, показывая на Джоффа и Джеффа, которые стоят прямо позади Доминика.

— Ну, Лео однозначно симпатичнее.

— К счастью, проблема не в этом.

Я объясняю ей свой план. Девушки спустятся вниз и начнут флиртовать с Джоффом и Джеффом, а Доминик останется в одиночестве. Лео сразу же спикирует на него со словами: «Ой, а ты случайно не из Ашлэнда?», а потом купит ему выпивку. Мартини. Смешанный.

— Но ведь мне еще нет двадцати одного. Все, что я могу купить ему — это спрайт.

— Только не сегодня. Ты не одолжишь его нам? — спрашиваю я Гретхен, опуская глаза на ее браслет. — Это все во имя любви.

— Конечно, — отвечает она так, как будто в этом нет ничего особенного, и аккуратно разрывает его вдоль белой клейкой ленты. Настоящая профессионалка. — Со мной пять подруг, которые всегда могут купить мне выпить.

Я надеваю браслет на запястье Лео и скрепляю жвачкой.

— Меня арестуют, точно тебе говорю.

— Все, что их заботит — это наличие браслета, а он у тебя есть.

Лео жадно ловит ртом воздух и смотрит вниз. На его покрасневшем лице застыло выражение паники.

— Я не знаю, Бекка. Может, я не в его вкусе.

— Представь себе, что это просто факультатив по театральному искусству. Твой герой — крутой сексуальный красавчик двадцати с чем-то лет отроду, у которого есть собственный самолет. Это должна быть лучшая импровизация в твоей жизни.

Он кивает, будучи только наполовину убежденным. Мне хочется сказать ему, как повезет Доминику с тем, что у него будет такой парень, но это фразочки из арсенала лучших друзей, к тому же он все равно сейчас ничего не понимает.

Я обнимаю Лео за талию и тяну его к Гретхен и ее подругам.

— Ну же, девочки. Его нужно подбодрить.

Они начинают хлопать и кричать «У-ху» так синхронно, как будто поют в хоре. После этого мы пробираемся к лестнице. Гретхен и девочки идут первыми, ну а Лео чуть не откусывает мне руку, пытаясь остаться на месте.

— Это глупо. Давай просто посмотрим выступление.

— Давай просто следовать плану. Это сработает, ты будешь разговаривать с Домиником Салсано.

— Я не могу этого сделать Бекка. Не могу, — отвечает он, не двигаясь с места.

— Если ты никуда не пойдешь, то знай, остаток вечера пройдет нормально, но обычно: мы будем слушать эту ужасную группу, выпьем еще по одной диетической коле, а потом пойдем домой. Но если ты спустишься вниз и воспользуешься своим шансом, то...

— То, что?

— Тогда может произойти все, что угодно. А разве это не более привлекательная перспектива, чем провести вечер *обычно*?

Лео пытается осмыслить все сказанное: группу, фанатов и сладкие дразнящие ароматы возможностей.

— Ну так что, мы это делаем? — поднявшись к нам интересуется Гретхен.

Лео уверенно, хотя и с большой натяжкой, смотрит на меня и спускается по лестнице. При его появлении девочки снова начинают кричать «У-ху!». Что ж, ну а я буду наблюдать за всем сверху. Как его ангел-хранитель. Или клубный босс.

Девочки танцующими движениями пробираются к Джоффу и Джеффу. «Джессалинс» как раз затягивают новую песню, которую я смутно узнаю, и все фанаты и ломаки начинают сходить с ума, как сумасшедшие, прыгая перед сценой. Гретхен обрушивает все свое «обаяние» на Джоффа, и он не в силах ему противостоять. Одна из ее подруг, высокая и худая, манит пальцем Джеффа. И вскоре они уже танцуют все вместе.

Кроме Доминика. Он все еще поглощен музыкой и качает головой ей в такт.

Лео стискивает руки так, как безутешная вдова на похоронах мужа. Он — без преувеличения — делает два шага вперед, а потом назад, и я чувствую, как стучит его сердце. Он должен это сделать. Я же все подготовила. Ему просто нужно подойти и Доминик будет его. Но Лео, к сожалению, так не думает. Опустив голову, чтобы не смотреть на меня, он разворачивается и идет в сторону лестницы.

Но когда он уже почти подходит к первой ступеньке, солист начинает говорить в микрофон.

— Следующая песня не из нашего нового альбома, и она посвящена всем влюбленным.

Лео смотрит на меня с недоверием. Это же гимн любви, который воодушевляет его и придает дерзости. Он поправляет вязаную шапку, разворачивается и направляется напрямиком к Доминику.

Я облегченно выдыхаю, а потом встаю на носочки, чтобы лучше видеть и напряженно ожидаю развязки.

Как только Лео и Доминик направляются к бару, я выкрикиваю: «Да!».

Этап пятый: Завершение.

— Разве эта песня не изумительна? — громко спрашивает меня пьяный парень, стоящий рядом.

— О да, самая лучшая.

ГЛАВА 12

Лео сегодня могут запросто проверить на употребление наркотиков, потому что парень улыбается не переставая. Он слишком счастлив для обычного школьного дня. И виноваты в этом могут быть наркотики.

Или работа талантливого инженера отношений.

Я подхожу к кабинету, в котором проходит факультатив по театральному искусству, и вижу возле двери Лео и Доминика, которые смотрят друг на друга, не отрывая глаз, и периодически обмениваются фразами.

— Не могу поверить в то, что они сыграли «Pantsuit Jacket», — говорит Лео.

— Да, это было просто потрясающе, — отвечает Доминик. — И соло Брэнта на барабанах было таким милым.

— Оно было фантастическим.

Доминик отводит непослушный локон со лба Лео, и я впадаю в экстаз. Их официально можно считать самой очаровательной парочкой Ашлэнда, даже если они еще не объявили об этом.

— Простите, — говорю я, проходя в класс. Лео кивает мне головой, как будто я просто одна из его одноклассниц. Хорошо держится. Они с Домиником проговорили до конца концерта, а потом Доминик подвез его домой. Никому не нужно знать, что мы приехали в клуб вместе и по делу. Я понимаю это. Мои клиенты не хотят, чтобы их как-то можно было связать со мной. Они не хотят, чтобы информация о том, что я оказывала им услуги, выплыла наружу.

Хорошо, что у нас факультатив по театральному искусству, на котором можно будет посплетничать и все досконально обсудить.

Я, наверное, подхватила от Лео немного кайфа. Да, я рада за своих клиентов, когда они находят пару. Но я также рада и за себя, потому что это значит, что мои планы срабатывают. Выявить то, что у тебя хорошо получается и заниматься этим — это как влюбиться в частичку самого себя.

После урока я иду к своему шкафчику и немного задерживаюсь возле него, витая в облаках и размышляя о своих талантах. Но где парад, там всегда дождь.

— У тебя есть время, чтобы выпить со мной кофе? — спрашивает Мелани. Ее обычного

спокойствия как не бывало.

— У меня урок.

— Тогда в обед? — В ее голосе слышится настойчивость. Я знаю, что произошло нечто плохое. Я чувствую, как оно бурлит внутри нее, посылая в коридор зловещие волны.

— Что случилось?

— Паулина бросила Джейка.

Даже строящий глазки пирсингованный бариста не может поднять мне настроение. Мелани продолжает молчать, пока нам не вручают наш кофе. Мы занимаем столик, украшенный коллажем из винтажных почтовых открыток.

Я делаю глубокий — наверное, с бочонок воздуха — вдох, чувствуя, что начинаю потеть в свитере.

— Что случилось? — спрашиваю я.

— Паулина обнаружила письмо, которое Джейк написал Софии, признаваясь в том, что именно она та, с кем он хотел бы быть.

— Что? — Я чуть не подавилась кофе.

— И она теперь думает, что Джейк использовал ее, чтобы подобраться к сестре.

— Ты веришь ему?

— Да, — как-то неубедительно отвечает она, вертя в руках стакан. — Но это был его электронный адрес. Я проверила папку исходящих сообщений, и оно было в ней.

Интернет не может врать, а вот ее друг вполне.

— Думаешь, его подставили?

— Типа специалист по разрывам?

Я утвердительно киваю головой. Может, кто-то сильно ненавидит Джейка или очень любит Паулину. Но у меня нет ни одного подозреваемого. Они просто подростки, которых никто особо и не знает и которые не вызывают ни плохих, ни хороших эмоций. Я же, если посмотреть, полная им противоположность.

— Может, кто-то делает это, чтобы насолить мне.

— Не все крутится вокруг тебя, Бекка, — насмешливо произносит Мелани, но я слишком задумалась, чтобы посмеяться над ее словами.

— Сама подумай. Сначала расстались Бари и Джейк, а теперь Джейк и Паулина. Разве не странно, что две пары, которые я свела, прекращают свои отношения одна за другой?

Мелани не выглядит убежденной. Я удивлена, что она не стала защищать Джейка, цепляясь за малейшую надежду обелить его имя.

— Ну, что ты думаешь? Это ведь определенно подозрительно?

Мелани, кажется, совсем смирилась, и поэтому ей ничего уже не интересно.

— В этот раз он перешел все границы, — произносит она, вертя стакан кофе над открыткой со Всемирной выставки 1893 года. Я знаю, что она нервничает.

Я ни произношу в ответ ни слова и просто жду, когда она поведает мне правду.

— Мелани...

— Да тут нет ничего такого, — говорит она, убирая стакан в сторону. — Просто... мне самой было интересно, не пытается ли он подобраться поближе к Софии.

— Что? — спрашиваю я, чуть не выпрыгивая из кресла.

— В прошлом году мы ходили в поход, и, когда сидели возле костра, он сказал, что хотел бы встречаться с ней.

— С Софией.

Мелани утвердительно кивает головой.

— Я сказала, что ему стоит попытаться, но он только отмахнулся от меня и сказал, что у него нет ни шанса. После этого он никогда больше не упоминал об этом.

— И то был первый и единственный раз?

— В разговоре со мной, да. Летом он начал говорить о Паулине, поэтому я никогда и не вспоминала об этом.

Я молчу, чувствуя, как к горлу подступает тошнота.

— Прости Бекка. Я не думала, что это может быть чем-то серьезным. По крайней мере до сегодняшнего дня.

Ну конечно же. Почему я позволила его искренности сбить себя с толку? Он провел меня. Но... Джейк все-таки парень, а София очень сексуальная.

— Прости, — говорит Мелани. — Парни такие придурки.

— В этом нет твоей вины, — пожав плечами, отвечаю я.

Сегодня прохладный безветренный осенний день, и скоро наступит зима. Мы рано вернулись в школу, поэтому сидим на капоте ее машины и, потягивая кофе, как крутые девчонки, обсуждаем уроки, учителей и прочую школьную ерунду. Это довольно интересно, потому что новая точка зрения всегда необходима. Общаясь с Мелани, я чувствую себя... свободно, потому что мне не нужно выслушивать девчоночьи драмы и проблемы, которые обычно преследуют меня.

— Ну а что на счет тебя? — спрашиваю я, с наслаждением вдыхая свежий осенний воздух. — Могу предложить свои услуги с существенной скидкой.

— Я жду начала учебы в колледже и местных парней.

— Хорошая идея.

— А вы с Фредом будем пробовать поддерживать отношения на расстоянии? — Она допивает последние капли кофе и выбрасывает стакан в урну.

— Может, нам и не придется этого делать. Мы оба подали документы в Бартлетт. — Я с такой легкостью произношу это, а потом замечаю реакцию Мелани.

— Вау. — Она выглядит скорее удивленной, чем восхищенной. Я рада, что не меня одну ошеломила эта информация. — Это замечательно.

— Давай без этого, — говорю я ей. — Будь честна. Я знаю, что ты хочешь быть честной.

— Просто это немного в стиле домохозяек пятидесятых: выпускной — залет — ребенок. Прости.

Я чокаюсь стаканом с плечом Мелани. Она первый человек в школе, который говорит правду и не принадлежит к последователям культа школьных влюбленных.

— Не нужно делать поспешных решений, которые могут изменить жизнь. Кто знает, что может произойти в колледже? В этом все суть, — говорит она. — Не нужно заранее планировать будущее. Не знаю, но мне кажется, что Фред слишком сильно спешит это сделать. А почему Бартлетт?

Я пытаюсь донести до нее, что его отец выпускник этого университета, но все мои объяснения больше похожи на оправдания. Почему Фред не рассказал мне об этом раньше?

— Но если ваши отношения ухудшатся, то Бартлетт достаточно большой, чтобы можно было начать строить их с кем-то другим. — Она откидывается на ветровое стекло, как будто

это шезлонг. Я же, находясь рядом с Мелани, чувствую себя расслабленной. — Но у вас с Фредом все будет нормально. Я бы не стала ни о чем переживать. Просто не торопитесь.

— Спасибо! Я и сама думала, что у нас все слишком быстро происходит, потому что он уже признался мне в любви.

Она резко выпрямляется, а у меня глаза становятся по пять копеек. Неужели я только что-то это сказала? Что со мной происходит? Обычно я безупречно все фильтрую.

— Ты призналась в любви? Но это же отлично. Поздравляю.

— Спасибо, — выдавливаю из себя улыбку я.

— Или нет? — произносит она, оценив мою реакцию.

— Он сказал, что любит меня, а я, со своей стороны, все еще работаю над этим.

Даже порыв холодного воздуха не заставил Мелани вздрогнуть. Она никак не отреагировала на мои слова. И не осудила.

— Как я уже сказала, не нужно торопиться.

— Ты первый человек, которому я об этом сказала, помимо сестры. — Я несколько недель раздумывала, когда и где поведать обо всем Вал, а тут вдруг неожиданно упомянула об этом так, как будто говорила о погоде. Как все-таки просто общаться с этой девушкой, которую я едва знаю! Может, мы просто переступили через какие-то этапы отношений и мгновенно стали друзьями? Как будто этому суждено было быть.

— Понятно. Я никому не расскажу об этом. Мне не интересны сплетни.

— Это я уже поняла, — говорю я, ставя пустой стакан на крышу автомобиля.

Джейк стоит в коридоре спиной ко мне и общается со своими друзьями. Я же наблюдаю за ним.

Он выставил меня идиоткой. Хотя, нужно признаться, Джейк был убедителен. Обычно я сразу вычисляю придурков. Но он говорил так искренне, как будто его сердце просто разорвется на части, если он не сможет встречаться с Паулиной Кори. За Джейком не числится репутации подонка. Неужели он и правда из тех парней, которые будут встречаться с одной сестрой, чтобы подобраться поближе к другой?

— Есть какие-нибудь новости? — спрашивает Бари, хлопая меня по плечу.

Со всеми романтическими проблемами и заботами, я и позабыла о ней.

— Нет пока, — качая головой, отвечаю я.

— Ничего? Но скоро будет «Бал снежинок»!

— Бари, ты не сказала ему, что болеешь за «Ред Сокс».

— Но я же не обманывала его по поводу виртуального футбольного клуба. — Обычно Бари говорит в нос, но сегодня бубнит как никогда отвратительно.

Мы оглядываемся по сторонам, чтобы убедиться, что нас никто не слышит. У меня нет ни желания, ни терпения, чтобы иметь с ней дело. Вал права. Джейк бросил ее просто потому, что она такая сука.

— Я не даю гарантию на свою работу. Твоя вина, значит, разбирайся сама.

Я пытаюсь уйти, но она хватает меня за рюкзак. В ее глазах пылает злость.

— Значит, ты просто собираешься проигнорировать эту диверсию? — спрашивает она, кладя свободную руку на бедро. — Не могу в это поверить.

Неожиданно она становится до жути спокойной.

— Во что? — осторожно спрашиваю я.

— В то, что кто-то оказался лучше тебя. Спасибо тебе за все, лузер! — С этими словами она, громко топая, уходит по коридору, отчего головы присутствующих поворачиваются ей вслед.

В том числе и Джейка. Он явно нервничает, с опаской приближаясь ко мне.

— Привет Бекка, мы можем поговорить?

— Нет, не можем. Ты отвратителен мне. Продолжай и дальше увиваться за Софией.

ГЛАВА 13

Мне жаль учителей, которые будут пытаться нас чему-нибудь научить на этой неделе. Сегодня понедельник, и до Дня благодарения осталось четыре дня. Когда выпадает сокращенная неделя, ученикам резко становится наплевать на учебу.

В коридорах витает предпраздничное настроение. Сначала нас ждет День благодарения, потом разные вечеринки²² и, в конечном итоге, двухнедельные рождественские каникулы.

Я прохожу мимо второкурсников, которые нацепили на себя высокие шляпы пилигримов, пытаюсь казаться прикольными, и улыбаюсь, позабыв о проблемах, которые свалились на меня за последние несколько недель. Неожиданно я чувствую, как кто-то берет меня под руку, и, повернувшись, вижу Вал, лицо которой сияет ярче фейерверка. В этот момент я понимаю, как редки были такие мгновения в этом году. Как так получилось?

— Бекка.

— Вал.

— Ты готова?

— К чему?

Она останавливается посреди дороги, собираясь мне что-то сказать. А потом поднимает руки вверх, как будто показывая на надпись на билборде, и восклицает:

— «Яркие и сексуальные»... Собственный аромат.

Мне жаль людей, у которых нет таких подруг, как Вал.

— Не мучай меня. Давай, рассказывай.

Осознав, что стоим прямо напротив библиотеки, мы заходим в нее, чтобы поговорить в тишине. В воздухе висит затхлый запах старых книг, а солнечные лучи, пробивающиеся из светового люка, придают помещению землистый оттенок.

Вал начинает рассказывать мне о новом фантастическом месте, в котором можно создать собственные духи и одеколон. Он называется «Фабрика Оле» и находится в Уэст Хилле, городке, в торговом центре которого представлены лишь дизайнерские магазины и три ветеринарных клиники.

— Давай создадим свои собственные духи. «Яркие и сексуальные». Это будет наш рождественский подарок друг другу. Ну, что ты думаешь?

На моих глазах выступают слезы, и все непонимание того, что происходит между нами, развеивается, как дым. Я знаю, что буду помнить об этом всю свою жизнь.

— С удовольствием.

Она хлопает в ладоши

— Вот и замечательно. Туда нужно записываться заранее, потому что у них все забито, но я уже сделала это. Мы должны прийти в пятницу, после Дня благодарения.

У меня перехватывает дыхание, и я медленно закрываю глаза. Нет, только не это.

— А можно в какой-нибудь другой день?

— У них расписаны все дни до конца праздничного сезона. Меня втиснули только потому, что кто-то в последний момент отменил свою запись.

— А как насчет того, чтобы сделать это после Рождества?

Радость на лице Вал мгновенно исчезает.

— Ну тогда это не будет рождественским подарком друг другу, но можно и так. А чем ты собираешься заниматься в этот день?

Прикусив губу, я обдумываю, что ей сказать. Мне не хочется врать, но и говорить правду тоже. Как бы мне хотелось произнести что-нибудь заумное и непонятное, но ничего не приходит в голову.

— Я собираюсь на постановку.

— Чего?

— «Щелкунчика».

Вал кивает и замирает. Это не очень хороший знак.

— Тебя ведет на него Фред.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что твоя семья никогда не согласилась бы на это.

Сердце заболело так, как будто в него вонзилась куча крошечных кинжалов. Все еще хуже, потому что она догадалась. Потому что слишком хорошо меня знает. Я проиграю, независимо от того, какое решение приму.

— Мне жаль. Фред уже купил билеты на этот день. Если бы я знала... — Но все бесполезно. Я сделала выбор.

— Мы можем сходить во время зимних каникул, — с энтузиазмом говорю я. — И войдем в новый год «яркими и сексуальными».

— Точно! — выдавив из себя фальшивую улыбку, отвечает Вал.

Надеюсь, нескольких пар будет достаточно, чтобы она остыла.

— Куда ты хочешь сходить сегодня на обед? Можно наведаться в суши-бар, где работают симпатичные официанты.

— Я перекушу в столовой. Мы с учебной группой собираемся кое-что подготовить для нашего проекта.

— Хорошо, — произношу я, чувствуя, что с каждой секундой моя подруга удаляется от меня все дальше и дальше.

Я тащу Фреда и его друзей в суши-бар, чтобы построить глазки официантам, но, естественно, без Вал уже не то. Я спрашиваю Фреда, можно ли вернуть деньги за билеты, но он отвечает, что нет. Хотя это не имеет значения, потому что я уже дала ответ Вал.

«Щелкунчик» с парнем > Создание собственного аромата с подругой.

Ну вот, я уже делаю выбор в пользу парня вместо подруги. Хотя у меня на самом деле и не было выбора. Фред первым пригласил меня, и его предложение нельзя перенести на другой день. Хотя так говорят, наверное, все новоиспеченные девушки перед тем, как нырнуть головой в отношения и превратиться «зомби».

Такое чувство, что обитатели моего маленького мирка удаляются от него все дальше. Мы затерялись в толпе и, не знаю, сможем ли когда-нибудь найти друг друга вновь. Вал

проводит время со своей учебной группой. Хаксли — с новым парнем. Фред планирует наши отношения на пять лет вперед. А мои парочки не могут удержаться вместе. Еще чуть-чуть и у меня взорвется мозг.

Фред щелкает пальцами перед моим лицом, и запах сырой рыбы возвращает меня в реальность.

— Куда бы ты хотела пойти, Бекка?

— Прости? — отбросив все мысли в сторону, спрашиваю я.

— Чем бы ты хотела заняться сегодня вечером? Может, сходим потусуемся, когда я закончу с репетиторством? — убирая с моих глаз прядь волос, интересуется Фред.

— Конечно. Ну что, парни, готовы возвращаться?

У нас все еще есть тринадцать минут, но если я вернусь немного раньше, то, возможно, смогу взглянуть на «якобы» учебную группу, в которой состоит Вал.

Как только мы подъезжаем к школе, Фред целует меня в засос. Никто этого не видел, хотя какая теперь уже разница?

Я — «зомби»! Посмотрите, какие мы с моим парнем замечательные!

Мы расходимся по своим делам. Перед тем как направиться в столовую, я иду к своему шкафчику, чтобы поменять учебники. Лучше сделать это сейчас, чем потом торопиться на шестую пару. В коридоре никого нет и слышно только приглушенные голоса нескольких учителей, которые ведут уроки.

Но я не единственная, кто здесь есть. Внутри моего шкафчика стоит кофейная кружка с розой, которая свисает над книгами. Я сую в кружку руку и обнаруживаю очередные сладкие сердечки «НАЙДИ МЕНЯ». А потом достаю записку, написанную аккуратным красивым почерком, таким же, как и последнее послание.

«Настало наше время, Бекка. Больше никаких секретов. Сегодня. «Малрэй», 19.00. Не забудь розу».

У меня застучало в ушах, и я сжала записку в руке так, словно это выигрышный лотерейный билет. Мой тайный воздыхатель объявился вновь, но в этот раз есть шанс поставить во всем точку. Неважно, понравится ему это или нет, но я получу ответы на свои вопросы.

Значит, мой план таков:

Я схожу в «Малрэй», найду этого тайного воздыхателя и прямо скажу ему, что мне не нужны его ухаживания. А также потребую, чтобы он объяснил, как открыл мой шкафчик и почему следил за мной в «Ферфаксе». Потом поинтересуюсь, не заметил ли он одного шестифутового любителя комиксов, который гуляет со мной под ручку вот уже несколько месяцев. Ну а в конце, для убедительности, выплесну ему в лицо теплый кофе.

«Малрэй» находится в старой части Ашлэнда. В тридцатых годах здесь было много магазинов и парк, но сейчас этот район заброшен. Несколько магазинчиков, которым удалось выжить, больше напоминают заложников этого места. Сейчас его пытаются реконструировать, чтобы привлечь крутых ребят, которые находят привлекательным стиль «ретро». Но, скажу я вам, это будет трудновато.

Хорошо, что мой тайный обожатель не выбрал более популярное место, как например, «Азукар».

Я паркуюсь на стоянке возле железнодорожной станции и иду по центральной улице в кофейню. Во мне бурлит целая гамма эмоций: страх, возбуждение, злость, любопытство. Не могу сказать, какая из них сильнее. Это похоже на то, когда кто-нибудь говорит тебе не кликать на страшную картинку. Я знаю, что испугаюсь, и что она запечатлется в моей памяти навечно, но лучше так, чем не увидеть ее вообще.

Воздух наполняется ароматом свежемолотого кофе. Я останавливаюсь прямо перед местом своего назначения.

Ну вот и все, Бекка. Дороги назад нет.

Неожиданно раздается визг автомобильных шин, и я подпрыгиваю на добрых пять футов.

Весь день я пыталась разрешить эту загадку и вычислить своего воздыхателя. Может, это какой-нибудь старшекурсник, который сохнет по мне много лет? (*Ну, навряд ли.*) А может Эрза — гнусный бывший парень Вал, решил подкатить ко мне снова? (*Нет, если не дурак.*) И только не говорите, что это все дело рук озабоченного ученика младших классов. После длительных раздумий я сузила круг возможных подозреваемых до... никого.

Мимо меня проехало уже десять машин. Пора. Будь, что будет. Я прижимаю розу к груди, вдыхаю запах кофе и жженой резины и вхожу в «Малрэй». Внутри я сразу начинаю осматривать столики, высматривая своего тайного воздыхателя, но вижу только пожилых людей и группу студентов. Приходится переключиться в режим «охоты» и начинать изучать все вокруг. В центре заведения находится имитация камина, и я начинаю на цыпочках обходить его.

В этот момент я вижу его — это должен быть он. Парень сидит в одиночестве за чашкой кофе и, вытянув губы трубочкой, читает книгу. Его волосы аккуратно уложены с помощью геля. Он красив, как те мальчики в буклетах из колледжей, с которыми ты втайне надеешься столкнуться, если начнешь там учиться. Я делаю шаг вперед и замираю, начиная паниковать.

Что я здесь делаю?

— Привет, незнакомка.

Я резко оборачиваюсь, хлестнув по лицу волосами... своего парня.

ГЛАВА 14

Глаза Фреда засияли, а его улыбка согрела меня своим теплом.

— Привет, — с обеспокоенным видом произносит он. Только тогда я вспоминаю, что на цыпочках обхожу камин.

Я в ответ не могу вымолвить ни слова. Нервы и множество других эмоций лишили меня голоса. Единственное, что я могу сделать — это рассмеяться. Мой громкий гогот подходит скорее для неловкой беседы, чем для разговора в таком тихом и спокойном месте, как кофейня. Я чувствую одновременно и вину, и облегчение. Ну конечно же, я так удачлива, что сталкиваюсь со своим молодым человеком, придя на встречу с тайным воздыхателем. Я бросаю взгляд на парня из университетской брошюры — он уткнулся в книгу, чувствуя себя, скорее всего, отверженным. Он не признается, что знает меня.

Фред выглядит невероятно привлекательным в свитере с молнией на воротнике. Он определенно достоин собственного разворота в какой-нибудь брошюре.

— Какой приятный сюрприз, — хитро улыбаясь, произносит он.

— Больше, чем просто приятный.

— Я думал, что ты сегодня занята.

Ну разве я не дура? Я качаю головой и целую его.

Фред ведет меня к своему столику, по всей поверхности которого разложены книги. Я сажусь и отодвигаю в сторону тетрадь, лежащую передо мной.

— Хочешь чего-нибудь? — спрашивает он. — Как обычно?

— Было бы не плохо.

Фред отходит, но потом разворачивается и спрашивает:

— Ты в порядке? Выглядишь какой-то раздраженной.

— О, я в порядке. Я думала, что ты с кем-то занимаешься сегодня. — Я притягиваю его к себе за молнию на свитере и целую в губы.

Вот видите, потенциальные любовнички. Я — дочь Лиамы Нисона²³. Я не свободна. Ни капельки, прямо как количество свободных мест на парковке возле торгового центра в «черную пятницу». А теперь оставьте меня в покое.

— Понятно.

Позади меня стоит костлявый школьник в толстовке оранжевого цвета и с печеньем в руке. Он кашляет, пытаюсь привлечь мое внимание.

— Чем могу помочь? — спрашиваю я.

— Вы сидите на моем месте.

Только сейчас я обращаю внимание на то, что тетрадь в широкую линейку, которая лежит открытой передо мной, исписана алгебраическими уравнениями.

— Я все еще занимаюсь. Сэм просто отошел, чтобы взять перекусить, — говорит Фред.

Сэм подносит печенье ко рту и откусывает половину.

— Ты занимаешься здесь?

— Вечером по понедельникам.

— Вечером по понедельникам? Здесь? Занимаешься?

Сэм кашляет, намекая на то, что мне нужно встать. Я в полном недоумении. Не могу поверить, что, будучи столь хитрым, мой тайный воздыхатель не проверил эту информацию. Дилетант. Я бросаю взгляд на него и роман, который он читает, но парень так и не обращает на меня ни капельки внимания.

— С каких это пор?

— С сентября. Я же говорил тебе, что занимаюсь репетиторством.

— Но ничего не упоминал о «Малрэй».

— Мы занимаемся здесь всего несколько недель. Нам пришлось поменять место, потому что в местной библиотеке слишком много народа.

— А-а-а.

— Может, тебе просто принести воды?

Ничего не понятно. Фред в «Малрэй». Занимается репетиторством. Вечером по понедельникам. И из всех мест мой секретный воздыхатель почему-то выбрал это. В понедельник. Во время занятий Фреда. Я снова смотрю на привлекательного молодого человека с книгой. Он встает, чтобы обнять только что подошедшую девушку.

В помещении становится невероятно жарко. Приглушенный свет кажется слишком ярким, а тихая музыка начинает оглушать меня. Такое чувство, словно я только что начала сниматься в фильме, но никто не дал мне прочитать сценарий. И тогда я понимаю,

насколько умен этот так называемый Ромео.

— А ты как тут оказалась? — Фред тычет бутылкой с водой в цветок, который я держу под мышкой, и улыбка сползает с его лица. — Кто подарил тебе розу?

Я пристально смотрю на нее, и у меня пересыхает во рту, потому что куски мозаики начинают складываться.

— Это для тебя! — говорю я и сую ее ему в руки. — Она выглядела такой милой и напомнила мне о тебе. На самом деле я знала, что ты занимаешься здесь, и решила сделать тебе сюрприз.

— Вау, спасибо, милая, — восклицает Фред, целуя меня в щеку. Я глажу его по волосам, потому что знаю, что ему это нравится, и делаю это немного дольше обычного, чтобы отвлечь его от ненужных мыслей.

— Ну что ж, не буду мешать вам, парни. — На прощание я показываю им два больших пальца и направляюсь к двери.

— Я позвоню тебе позже, — кричит Фред.

— Не стоит. Я буду работать.

Новоявленный специалист по разрывам снова наносит удар.

Я захлопываю дверь в свою спальню и опускаюсь на пол. Мы с Фредом — его следующие жертвы. Как я могла быть настолько тупа, чтобы купиться на трюк с «тайным воздыхателем»? Я не смогла просто проигнорировать его и должна была узнать кто это. Я должна была узнать, кто залез в мой шкафчик.

Я массирую виски и глубоко дышу, пытаюсь успокоиться. Я чуть было не попала, хотя не думаю, что Фред заподозрил о чем-то. Этот новый специалист хорош. Медленно, в течение нескольких недель он заинтересовывал меня, одновременно вызывая во мне чувство волнения и вины. Если бы Фред начал давить на меня, что бы я ему сказала? Привет, я просто ищу своего тайного воздыхателя? Это вполне можно считать за измену.

На столе сидит плюшевый мишка и пристально смотрит на меня. Его милые угольно-черные глаза выглядят такими невинными. Нельзя использовать столь восхитительные мягкие игрушки для того, чтобы совершать дурные поступки. А потом мое внимание переключается на то, что он держит в лапах.

Футбольный мяч.

Медведь появился в моем шкафчике после того, как расстались Бари и Джей. Когда он обвинил ее в том, что она залезла в аккаунт его виртуального клуба и все испортила. Я покрутила в руках кружку. Не могу поверить, что пропустила слово «Валентин», вписанное в клетки кроссворда. Я даже и не думала о Джейке; я думала только о секретном воздыхателе и о себе. Это были не подарки. Это были подсказки.

«НАЙДИ МЕНЯ».

Это не было предложением. Это было вызовом.

Кто-то решил разбить мои парочки, вмешаться в мою жизнь и работу. Стив и Хаксли. Неожиданно меня осеняет мысль. Как давно приводится этот план в исполнение? Кусочки мозаики становятся все четче и четче. Дело не в разрывах. Это что-то личное.

Мечь.

По моему телу пробегают мурашки. Мечь — это очень личное и зловещее. Я стала

специалистом по разрывам, чтобы мстить за несправедливое отношение тех, кто находился в парах. А теперь кто-то решил отомстить мне. Пары расстались, их жизнь изменилась и в центре всего этого — я.

Я сворачиваюсь в клубок в углу комнаты. Плюшевый мишка сидит на столе и пристально смотрит на меня, а я тону в его темных глазах.

Мои подозрения подтверждаются на следующий день, когда я открываю свой шкафчик. Я забыла о еще одной паре. Я беру аккуратно свернутую футболку «Джессалинс», которая лежит на моих учебниках, и у меня перехватывает дыхание.

ГЛАВА 15

«Где блокнот Доминика с набросками?».

Никакого ответа.

Спотыкаясь, я бреду по коридорам, в которых в ожидании звонка стали сбиваться в группы ученики. Я держусь на сорока шести минутах сна и чистой панике. Мое тело ведет странную борьбу само с собой: половина его бодрствует и в крови бурлит адреналин, а ноги и руки почему-то работают с трудом. Может, я слишком остро реагирую. Продолжаю повторять про себя, что все будет в порядке.

Лео нет ни возле шкафчика, ни в классе.

«Где ты?».

Я бегу к шкафчику Доминика — к месту, которое Лео обязательно должен посетить перед началом занятий. Мне приходится пробиваться через баррикаду из шести первокурсниц, которые, по-видимому, считают, что коридор принадлежит им. Доминик стоит, прислонившись к своему шкафчику, и сосредоточенно изучает какие-то листы бумаги.

— Привет, ты видел Лео? — спрашиваю я.

— Нет, — отвечает Доминик, не отрываясь от листов. — Но Лео определенно видел меня.

Он засовывает бумагу в рюкзак, но я успеваю заметить, что на них изображены карандашные наброски.

— Что это? — спрашиваю я.

— Извращение. — С выражением отвращения на лице Доминик застегивает свой рюкзак.

— Это не то, что ты думаешь. Ты все неправильно понял.

— То есть Лео этого не рисовал?

Мое молчание стало для него ответом.

— Кто их тебе дал?

Доминик пожимает плечами. Сейчас он совсем не похож на того расслабленного парня на концерте «Джессалинс».

— Они просто появились в моем шкафчике.

По коридору к нам, как попрыгунчик, скачет Лео. С каждым его шагом мое сердце колотится все сильнее.

— Привет! — восклицает он. Лео обнимает Доминика за шею, но тот быстро сбрасывает его руки.

— Мне пора на урок, — говорит Доминик.

— Мы можем пойти вместе. — Лео пытается взять Доминика за руку, но его отталкивают.

— Нет. Не можем. — Он протискивается мимо нас и присоединяется к своим друзьям у лестницы.

Я подхожу к Лео, который отчаянно пытается сдержать слезы.

— Что произошло? — спрашивает он меня.

— Кто-то нашел твои наброски.

— Где? Я всегда храню этот блокнот в шкафчике и не пользовался им, как ты просила. Я следовал в точности твоим указаниям.

— Кто-то, наверное, знал о них и сделал копию.

Тяжело наблюдать за тем, как сердце бедного ребенка разбивается на осколки прямо перед тобой. Но я не могу оставить его. Я должна быть рядом. В какой-то мере я чувствую себя ответственной за все это. Черт, да я определенно несу полную ответственность за случившееся.

— Но зачем кому-то это делать? — дрожащим голосом интересуется Лео, а по его лицу катятся слезы.

— Не знаю, — говорю я ему, но это ложь. Я точно знаю, почему все так произошло.

Мечь.

Лео и Доминик всего лишь пешки в этой битве.

— Как думаешь, мы со всем этим разберемся? — умоляюще спрашивает меня он. На это слишком тяжело смотреть. Интересно, сколько жертв моей работы в качестве специалиста по разрывам были также подавлены благодаря мне.

— Да. Вы со всем этим разберетесь.

Во время третьей пары Доминик бросает Лео по смс.

Я не оставляю Мелани никакого выбора. Она — первое дружелюбное лицо, которое я вижу в коридоре. Перед тем как завалиться в пустой класс, я ударяю сумкой ни в чем не повинного человека, возможно (*простите!*) уборщицу.

— Это саботаж. Меня подставили. — Я собираюсь мыслями и формирую их в четкие высказывания по поводу нового специалиста по разрывам. Мелани отступает назад, позволяя мне выпустить пар.

— Вау!

— Не знаю, что делать. — Никогда не думала, что услышу от себя такие слова. Люди слишком драматизируют, когда произносят их, но теперь я считаю иначе. Этот новый интриган ускользает от меня уже несколько месяцев. Ну как мне его догнать?

— Больше никому не рассказывай об этом, — говорит Мелани. — Я благодарна тому, как уверенно она дает мне совет, и определенно прислушаюсь к ней. — Этот специалист по реваншам очень коварный. Тебе тоже стоит быть коварной. Не нужно, чтобы он узнал о том,

что ты в курсе происходящего.

— Ты права. Специалист по реваншам. Мне нравится, — говорю я, потирая руки. Все-таки есть во мне какой-то дух соперничества. — Ты знаешь, кто может иметь доступ к электронной почте Джейка? — Судя по всему, Мелани меня не понимает. — Он ни в чем не виноват.

Я сразу вспоминаю злобные взгляды, которые бросала в его сторону, и вздрагиваю.

Мелани садится на парту. Кажется, у нее какое-то отвращение к стульям.

— Не знаю. Его телефон не защищен паролем. Это может быть кто угодно.

Я бьюсь головой о классную доску. Ну конечно же.

— Его шкафчик в раздевалке в спортзале.

Я ведь частенько отпирала шкафчики в мужской раздевалке, пока они занимались, и лазила по их телефонам. На меня нахлынули воспоминания. А я считала, что одна такая хитрая.

Открывается дверь, и в класс заходит учитель и ученики.

— Нам пора, — говорит Мелани.

— Бекка? — К нам подходит Вал, прижимая к груди учебники. Несмотря на то, что мы все улыбаемся, я ощущаю неловкость, которая исходит от нее. Мелани приветственно кивает головой.

— Привет, — говорит Вал, как предписывают правила приличия. Но в ее голосе нет ни капли искренности.

Уж я-то замечаю эту незначительную разницу.

Мелани ни капли не потрясена сдержанностью Вал. Она, кажется, выше всех этих школьных политесов. Вот еще одна причина, по которой мне нравится проводить время с ней.

— Нам нужно идти, — произносит она.

— Да. Скоро звонок и все такое, — говорю я Вал, которая в ответ подчеркнуто спокойно кивает головой.

— Все в порядке? — интересуется она.

Мне ужасно хочется рассказать ей о специалисте по реваншам, но не знаю с чего начать. Я только что вывалила всю историю на Мелани, и у меня просто нет ни энергии, ни времени, чтобы повторять ее. Нам с Вал нужно будет встретиться и поговорить в самое ближайшее время.

— Да. В порядке. — Между нами устанавливается неловкое молчание. Думаю, мы обе привыкли отвечать на этот вопрос более детально.

— Я поступила в Ратгерс.

— Правда? Это же просто отлично!

— А когда ты получишь ответ из Бартлетта? — интересуется Вал.

Я совсем забыла о столь важном событии в своей жизни.

— Недели через три, думаю.

— Нервничаешь?

— Да. Будет странно, если я поступлю, а Фред нет, или наоборот, или мы оба поступим. Вариантов — море. И куча вопросов.

Вал с подозрением смотрит на меня и хмурит лоб.

— Фред тоже подал документы в Бартлетт?

— Думала, что сказала тебе, — отвечаю я, сглатывая огромный ком в горле.

Вал отрицательно качает головой.

— Вау. Так между вами все серьезно?

— Не знаю. Нет, наверное.

— Нет, наверное? — встревает Мелани. — Думаю, его «я люблю тебя» говорит о самых что ни на есть серьезных намерениях.

Вот черт.

— Я думала, что она знает... мне пора на урок, — сквозь зубы произносит Мелани. Она краснеет, как помидор, и выходит в коридор.

Я продолжаю улыбаться. Может Вал не слышала этого.

— Судя по всему у тебя все хорошо, — молвит Вал. — Рада, что наконец-то узнала о новостях. — С этими словами она проходит к своей парте во втором ряду. Я перекрываю ей путь, не давая положить учебники и вынуждая выслушать.

— Вал, прости. Я не хотела ничего говорить ей. Просто вырвалось пару недель назад.

— Пару недель назад?

— И за это прости.

— Но почему ты ничего не рассказала мне? Это ведь такое важное событие.

Она ожидает ответа, который я не хочу давать. Я боялась, что это как-то повлияет на нашу дружбу. Самое страшное, я до сих пор так считаю. Потому что, не смотря на все наши секретные шуточки, над которыми мы смеемся, отношения между мной и Вал все еще очень хрупкие.

— Я думала, что мы обо всем рассказываем друг другу, — с желчью в голосе произносит она.

— А как насчет твоей учебной группы? — выпаливаю я в ответ.

Между нами вновь устанавливается молчание, которое нарушает лишь звонок на урок по громкоговорителю. Нам удалось заткнуть друг друга — новый виток в наших отношениях.

— Желаю тебе хорошо провести время с новой подружкой, — говорит Вал.

ГЛАВА 16

В среду, перед Днем благодарения, уроки заканчиваются в полдень. Двери практически срываются с петель учащимися, которые страстно желают покинуть стены школы, чтобы посмотреть футбол, сходить по магазинам и не думать об учебе следующие четыре с половиной дня. Мне понадобилось добрых двадцать минут, чтобы уехать со стоянки. Машина медленно ползет по главной дороге. Как только я с нее съеду и окажусь за чертой внешнего мира, то сразу придавлю педаль газа. Вал объявила мне кратковременный бойкот. Она узнает меня в коридоре и даже говорит «привет», но не останавливается поболтать. Поэтому нельзя сказать, что я «умерла для нее».

А вот Лео. Сегодня он сидел как можно дальше от меня на театральном искусстве.

Да, мне определенно необходимы эти четыре с половиной дня. Нужно расслабиться, зарядиться энергией и составить новый план действий. Я больше не дам специалисту по реваншам ускользнуть от меня. Нет смысла называться смекалистой «бизнесвумен», если позволю лишиться себя заработка.

Наконец, я оказываюсь на своей улице и заезжаю на подъездную дорожку, где на ступеньках меня дожидается недавно доставленная картонная коробка. Я поднимаю ее и смеюсь, как помешанная, хотя и обещала себе никогда так не делать на публике. Просто это

как Рождество. И даже лучше, потому что мне не нужно никого благодарить за этот подарок. Только толковых парней в «Хай-тек индастриз». Я бросаю коробку на заднее сиденье и уезжаю, ревя мотором до самого конца квартала.

К тому моменту, как я добираюсь до старшей школы Ашлэнда, территория стала безлюднее, чем постапокалиптическая пустошь. Даже несмотря на то, что все ушли на каникулы, и парковаться можно где угодно, я все же останавливаюсь на своем обычном месте. Иначе ощущение такое, будто нарушаю общественные правила.

Я разрываю коробку и аккуратно достаю из пенополистирола камеру. По форме она напоминает устаревшие микрофоны — элегантное черное яйцо на пьедестале. Я устанавливаю сетевое соединение и несколько минут спустя, увидев свое изображение на телефоне, машу себе рукой.

Незаметно пробираюсь на парковку для учителей. Оранжевый отблеск заходящего солнца отражается от школьных окон. То, что на двери, соединяющую учительскую со стоянкой сломан замок — это хорошо известный «секрет». Так учителям проще бегать курить между уроками. Скрип обуви по полу отдается гулким эхом по школе, напоминая мне, насколько она большая.

Три года назад в коридорах поставили искусственные фикусы, чтобы украсить периметр. Прискорбно, но фактически они использовались в качестве мусорных баков. Я прикрепляю камеру к растению напротив моего шкафчика, а потом прикрываю ее толстыми листьями так, чтобы обзор оставался открытым. Готово.

Встаю перед шкафчиком и наблюдаю по телефону за тем, как машу сама себе в камеру. Обожаю технологии. В следующий раз, когда специалист по реваншам решит оставить мне подарочек, я буду готова.

В первый день каникул мне не удастся выспаться. В 7:15 в комнату врывается мама. Я резко сажусь, сердце колотится, как сумасшедшее, от того, что меня вырвали из сна.

— У нас недостаточно гарнира, — с серьезным видом говорит она, стоя в дверном проеме. — Вчера ночью я делала расчеты и когда проснулась, то поняла, что у нас только четыре вида гарнира для девяти человек. А этого даже и близко не хватит.

— Подожди, то есть ты делала расчеты во сне?

Она потирает руки, видимо, память об этом еще жива.

— Я проснулась в холодном поту. Мне было не по себе от того, что у нас на Дне благодарения будет не так много блюд. К тому же, если мне не изменяет память, одна из твоих кузин строгая вегетарианка или у нее целиакия, или то и другое вместе. Я не знаю. В общем, мне нужно, чтобы вы с Дианой поехали и докупили продуктов прямо сейчас. — С этими словами мама приклеивает список с продуктом на мой будильник.

— Сейчас?

— Ну, думаю, ты можешь сперва позавтракать.

Час спустя мама буквально выталкивает свое потомство из дверей с деньгами и подробным списком. Мы берем мою машину. По радио уже начинают крутить рождественские песни, что очень раздражает. (*Хотя на самом деле я люблю их. Шшш, только никому не говорите*). Всю дорогу на остановках светофора Диана пристально смотрит на меня.

— Что? — наконец, спрашиваю я. На ее губах расплывается застенчивая улыбка.

— Я еду в Нэшвилл.

— Что? Поздравляю!

Диана подпрыгивает на месте. На прошлой неделе она летала туда на один день, чтобы встретиться с потенциальной рабочей группой, поэтому это информация не являлось для меня сюрпризом. Только сейчас становится реальностью.

— Я начинаю в январе, сразу после нового года. — Она опять как-то странно смотрит на меня. — Это наши последние совместные праздники, Би.

— О, так ты никогда не вернешься?

— Ты знаешь, что я имею в виду.

Так оно и есть. Еще одни перемены. Начало еще одного отсчета. Мне уже, наверное, стоит привыкнуть, но при мысли об этом становится больно. Вскоре ничего не значащая сейчас поездка в магазин станет для нас особым случаем.

— Рада за тебя, — говорю я.

— А я рада за тебя.

Диана заезжает на парковку возле продуктового. Свободное место находится только в заднем ряду возле корзины куда, кладут одежду те, кто хочет ее пожертвовать. Кажется, моя мама не единственная, кто проснулся в холодном поту сегодня утром.

Я проверяю установленную в школе камеру видеонаблюдения на случай, если у специалиста по реваншам было праздничное настроение. Похоже, это становится еще одним делом, которым я могу заниматься одержимо.

— Что это? — спрашивает Диана, заглядывая через плечо, перед этим вытерев нос о мое пальто.

— Исследование. Если кратко.

Я протягиваю руку к пустой коробке и даю ей почитать о прекрасных характеристиках профессиональной камеры слежения «Ай-Спай».

— Специалист по реваншам шныряет повсюду, разбивая мои парочки, поэтому она заслуживает того, чтобы ее поймали, вымазали дегтем, обваляли в перьях и застыдили.

Я думала, что Диана будет гордиться мной, но она бросает пустую коробку на заднее сиденье.

— Би, не теряй свой выпускной год на подобные вещи. Пошли покупать зеленый горошек.

Я догоняю ее, обходя посетителей магазина, толкающих тележки с продуктами.

— Но этот человек опасен.

— Пьяные водители тоже опасны. Террористы опасны. Ехать в машине с папой после того, как он объелся буррито с зеленым горошком, опасно. А специалист по реваншам всего лишь заноза в твоей заднице.

— Которую нужно вытащить.

— Правильно.

Диана хватается одну из последних тележек и быстрым шагом направляется в продуктовый отдел, а я следую за ней. Мы берем зеленый горошек, очищенный миндаль и пытаемся урвать последнюю пачку замороженной клюквы раньше крепкой пожилой женщины. Что бы ни случилось, но мама никогда не станет подавать консервированный клюквенный соус.

«Просто это неправильно», — веско сказала она нам.

Я предлагаю Диане направиться в отдел с мороженым.

— Мы не можем подавать пирог без мороженого. Что бы на это сказали пилигримы?

Мы объезжаем опустошенный стенд с печеньями «Энтенманн» и врезаемся в чью-то наполовину заполненную тележку.

— Диана? — восклицает парень. В отличие от других посетителей магазина, он молод и привлекателен, а его озорная улыбка кажется знакомой.

— Брок? — восклицает в ответ сестра. И тогда я вспоминаю Брока — механика, который чинил ее машину. Я не привыкла видеть его без масляных пятен и рабочей спецовки. В хорошо подобранной вельветовой куртке и брюках он выглядит совершенно иным человеком. Кажется, и Диана замечает это.

— Тоже покупаешь продукты? — спрашивает он.

— Д-да. — Ее щеки слегка покрываются румянцем. — Я не узнала тебя в обычной одежде.

— Я собираюсь к бабушке, поэтому должен выглядеть прилично. — Улыбаясь, отвечает Брок, от чего на его щеке появляется ямочка. — Как работает твоя машина?

— Хорошо. Очень хорошо. — Диана проводит рукой по волосам и поправляет их. — Я регулярно проверяю одометр. Как только он покажет три тысячи миль, нужно менять масло.

— Отлично. — Брок показывает на банку с клюквенным соусом. — Помнишь, в старшей школе, нам приходилось собирать консервы для пожертвований на Неделе духа? За каждую банку насчитывались очки. Ты помнишь тот случай с томатной пастой?

— Да! Я помню его! Ты там был?

— Да и даже поставил младшекласснику фингал.

— О, они были такими безжалостными. Мы же, выпускники, просто не могли позволить им победить.

— Ну конечно нет. — Он почесал бровь и покачал головой.

Подождите, неужели его щеки тоже покрылись румянцем?

Понимая, что я все еще здесь, Диана поворачивается ко мне.

— Когда я училась, на Неделе духа нужно было собирать консервы для пожертвований, и за каждую банку ты получал очки.

— И кто-то гораздо сообразительнее, чем мы, обнаружил томатную пасту в консервных банках, которая стоила всего лишь двадцать центов. А значит, была самым дешевым и простым способом получить баллы, — с воодушевлением на лице продолжил Брок.

— Но это стало известно всем, поэтому в последний вечер сбора учащиеся всех четырех классов оккупировали магазин в одно и то же время. Собралась куча народа, и было в сотни раз хуже, чем сейчас, — сказала Диана, махнув рукой на толпу.

— Ученики дрались за эти банки. Кулаки прилетали со всех сторон. — Брок и Диана начинают смеяться, склонившись над своими тележками. — И мы выиграли. Выпускники, как оно и должно быть, выиграли.

— Хорошие были времена. — Диана и Брок обмениваются взглядами, в которых появилась ностальгия и, кажется, что-то еще.

Интересно, о чем через несколько лет буду вспоминать я. Кажется, у меня и нет никаких классических историй из старшей школы. Если только не считать то, что меня зажали в углу злые одноклассники.

— Диана, я пойду и оплачу покупки, — говорю я, забирая деньги и тележку.

— Встретимся на улице.

Пятнадцать минут спустя Диана забирается в салон на пассажирское место. Она снова подпрыгивает на нем, только уже по другой причине.

— Я дала ему свой номер.

— Правда?

Она кивает и заливается краской.

— Ты идешь с ним на свидание, несмотря на то, что уезжаешь через месяц?

В ответ Диана только пожимает плечами.

Мама наготовила столько блюд, что они не помещаются на стол. В последнюю минуту она решает накрыть шведский стол. Мы с Дианой смеемся над ней, потому что она опять приготовила в два раза больше еды, чем необходимо.

— Лучше больше, чем недостаточно. Ну какой это День благодарения, если у нас закончится еда? — объясняет она нам, отчего мы веселимся еще сильнее. — Отстаньте от меня.

Мы в ответ заключаем ее в дочерние объятия Вильямсонов. На самом деле мы останемся в выигрыше, потому что будем наслаждаться остатками все выходные. Хотя мама и готовит слишком много, но зато исключительно вкусно.

— Мои девочки, — говорит она, сжав наши руки и пытаясь сдержать слезы. — Я буду скучать по вас в следующем году. Дом будет казаться таким пустым.

Мы обмениваемся взглядами. В этот раз мамины переживания не напрасны. Все меняется.

— Вам с папой стоит поехать учиться с Беккой и жить в одной комнате в общежитии!

Во время обеда мы с Фредом обмениваемся фотографиями еды, сравнивая, как проходят наши Дни благодарения. Его недавно вышедшая замуж сестра впервые приготовила еду для этого праздника. Фред отправляет мне снимки, где он пытается прожевать ужасно сухую индейку с чрезвычайно сладким клюквенным соусом. Каждый раз у него на лице разное выражение. Отец показывает мне, чтобы я отложила телефон и пообщалась — не знаю, о чем — с родственниками. Я смотрю через стол на Диану, которая тоже чему-то улыбается в телефоне, и у меня такое предчувствие, что на другом конце находится Брок.

— А ты знала Стива Оверлэнда? — вдруг ни с того ни с сего спрашивает дядя. Думаю, он начал разговор у себя в голове за минуту до того, как подключил к нему меня. — В этом сезоне он сыграл несколько игр за Университет Чандлера.

— Мы вместе посещали пару классов, — кратко отвечаю я. Сомневаюсь, что ему хочется узнать всю историю.

— У него отличная подача.

— Насколько я помню, он хороший парень. — Интересно, что сейчас делает Стив. Ну, кроме того, что ест, конечно. У такого подающего надежды защитника должен быть большой выбор девушек в колледже. Тем не менее, он все еще привязан к Хаксли. Стив мог бы продолжить жить своей жизнью или начать ее заново, но он хочет вернуть бывшую девушку.

Специалист по реваншам.

Как только я собираюсь наложить себе немного начинки из индейки, в голове что-то щелкает, и я вспоминаю звонок Стива. Почему никто ничего не знает о девушке, с которой

он якобы переспал? В городе ее никто не видел. Она могла бы быть привидением, если бы не тот факт, что все видели ее драку с Хаксли. Как девушка может быть настолько знаменитой и таинственной одновременно? Я продолжаю задавать себе этот вопрос в течение всего ужина.

ГЛАВА 17

Как только мы с Дианой заканчиваем убираться на кухне и столовой, я сажусь за свой стол и просматриваю фотографии с вечеринки, которые вывесили в сети. Конечно же, заклятая соперница Хаксли, Аддисон, сделала целую кучу снимков, на которых та ругается с таинственной девушкой. Я внимательно вглядываюсь в золотистые локоны и лицо незнакомки.

Изучаю альбом Аддисон с вечеринки и вот оно — вижу таинственную девушку на заднем плане. Она ни с кем не разговаривает, а только стоит и наблюдает.

Аддисон была не единственной, кто задокументировал ту ночь. Я помню, что видела фотографии на страничке Доминика. Это был последний большой кутеж перед началом школы, и все старались запечатлеть как можно больше событий. Если я просмотрю все снимки и видеозаписи, то, может быть, пойму кто эта девушка. Это будет своего рода пазл с вечеринки.

Составляю список всех, кто, как я помню, был на том празднике жизни. Потом нахожу в сети все их странички и аккаунты и изучаю сотни фотографий, видеозаписей, статусов и постов. Из фейсбука, твиттера, инстаграма и с сайтов, о существовании которых даже не подозревала. У одних стоит время публикации, у других — нет. Но, в конце концов, я собираю всю информацию воедино и составляю хронологию событий.

Вот, что мне известно:

20:20. Таинственная девушка появляется на вечеринке. Кажется, она пришла одна.

20:45. Она разговаривает со Стивом, но в районе 21:00 он отошел, чтобы выпить с Грегом Бэйлором.

21:15. Девушка общается со Стивом. Больше она не теряет времени зря.

21:17. Незнакомка активно флиртует. Стив, кажется, не возражает. Судя по его полусонной улыбке, он просто не в состоянии мыслить.

В районе 21:30. Они продолжают разговаривать, но продвинулись ближе к задней комнате.

В районе 22:00. Грег начинает искать Стива, наверное, для того, чтобы снова выпить, как они это делают каждый час.

22:10. Хаксли находит их. Вот здесь я обнаружила больше всего деталей. Хаксли пытается вытащить девушку за футболку из задней комнаты и выбивает сумку из ее рук, от чего содержимое рассыпается по полу. Незнакомка толкает ее в ответ, хватая свои вещи и выбегает за дверь. Ей совсем не хочется драться. Я наблюдаю за дракой, а сердце стучит в груди так, как будто сошло с ума. Хаксли едва сдерживает свою животную ярость. Это невыносимо смотреть — слишком реально.

Я продолжаю искать эту девушку на фотографиях и видеозаписях еще час, но безуспешно, несмотря на то, что просмотрела почти каждую минуту вечеринки под всеми

мыслимыми углами. Я могла бы закрыть глаза и нарисовать детальную картину той ночи. Мне едва удастся не заснуть. В доме очень тихо, и вся семья уже отключилась под воздействием триптофана²⁴. Неужели она просто соблазнила пьяного Стива? Это так разочаровывает. В этот момент я понимаю, что не проверила социальную страничку еще одного человека.

Хаксли.

К счастью, та у нее открыта. Ну как быть объектом обожания, если люди не могут заглянуть в твою жизнь? Я нахожу альбом с вечеринки: в большинстве своем это снимки с первой половины кутежа, когда все шло замечательно. Хаксли сделала видеозапись со своей подругой Рейган с верхней ступеньки лестницы, с высоты птичьего полета (ну, со второго этажа) сняв происходящее веселье. Просто быстрый осмотр гостиной, но что-то привлекает мое внимание.

Я останавливаю запись и перематываю ее. Мне приходится сделать это трижды, потому что все происходит настолько быстро, что я не уверена в том, что вижу. Стив и таинственная девушка разговаривают в первый раз. Он смотрит через плечо на своего товарища по команде. Я опять останавливаю запись и перематываю, получая более ясную картинку того, что делает незнакомка. У меня отвисает челюсть. Я смотрю на происходящее до тех пор, пока этот образ не отпечатывается в моей голове.

Таинственная девушка бросает две таблетки в напиток Стива.

— Вот ты и попалась, — шепчу я ей.

ГЛАВА 18

Я шлю сообщение Стиву.

«Привет, нужно пообщаться».

Пятнадцать минут спустя у него происходит «взрыв мозга» через скайп.

— Меня накачали рогипнолом? — У него такое же шокированное выражение лица, какое, уверена, было и у меня, когда я увидела видеозапись. Меня начинает подташнивать, как только представлю себе, что эти таблетки попадают в его напиток. Да, я разбивала парочки, но никогда ничего не подмешивала им. Подсыпать снотворное? Да кто так делает? Я даже и близко не пересекала такие границы.

— Вот почему ты был в десять раз пьянее, чем должен, и ничего не помнишь.

— Я чувствую себя таким использованным... таким грязным.

Мне немного жаль Стива. Это уже далеко не интриги, а вредительство. Никто не заслуживает, чтобы его вот так лишали самоконтроля. Специалист по реваншам не просто вмешивается в дела и мстит. Она опасна.

— Нам нужно найти эту девушку, — говорю я ему.

— Мы пытались. Никто не знает ее. — Он откидывается на стуле, и я замечаю, что стену в его комнате в общежитии украшает старый постер Фила Симмса. На нем мятая после сна футболка университета.

— Она не просто околдовала тебя, а пошла по пути разрушения. — Я сделала глубокий вдох, потому что мне больно произносить следующие слова: — Эта девушка пытается стать новым специалистом по разрывам.

Это лишь вызывает у Стива улыбку. Не та реакция, которую я ожидала.

— Не думаю. — Он качает головой, подкрепляя свое мнение.

— Что ты имеешь в виду?

— Бекка, не пойми меня неправильно, но ты незаменима.

Его слова заставляют меня воспрять духом.

— Спасибо, но почему?

— Я же сказал, не пойми меня неправильно. Это был не комплимент. Я просто говорю, что ты была хорошим специалистом по разрывам, потому что знала все и обо всех в Ашлэнде.

Стив прав. Я была отличным специалистом по разрывам. Не только потому, что могла составлять неплохие схемы интриг, но также и потому, что знала всех, с кем работала, даже если они сами были не в курсе кто я. Как эта таинственная девушка могла просто прийти и начать разбивать пару людей, которых она даже и не встречала до этого?

— Так кто из нас расскажет все Хаксли: ты или я? — спрашивает Стив. А потом уточняет: — О том, что меня накачали рогипнолом?

Я не могу порадовать его своим ответом.

— Думаю, нам стоит подождать.

— Подождать? — Стив выглядит так, как будто готов броситься на экран и вбить в меня немного здравого смысла.

— Пока ты не приедешь домой на рождественские каникулы. — Жаль, что у него игра в выходные, и он не может сорваться. — Хаксли не удастся повесить трубку, если ты будешь стоять прямо перед ней.

— Ладно.

Мне снова шесть лет. Вот как я себя чувствую, когда мы с Фредом входим в концертный зал «Радио-сити», и нас встречает потрясающий холл, оформленный в старинном стиле. Я отмечаю каждую деталь на колоннах, мягкую красную ковровую дорожку на лестнице, которой, наверное, больше лет, чем моему городу. Все это время я крепко сжимаю руку Фреда.

— Спасибо. — Как только мы садимся на свои места, я целую его в щеку. Мимо нас проходят люди с напитками и программками в руках. Пожилые дамы в норковых шубах пристально изучают ребят в джинсах и кроссовках, которые устроились в их ряду. В воздухе витает ощущение праздника.

— Знаешь, какая моя любимая часть в представлениях? — спрашивает Фред, поправляя темно-зеленый воротник, выглядывающий из-под свитера. Все что еще нужно — это треск камина и рождественские чулки, висящие на нем. — Прелюдия. Мне нравится, когда гаснут огни, раздается музыка, а потом поднимается занавес. Все мои надежды и ожидания достигают своего пика, и в эти моменты я верю, что вот-вот увижу самое лучшее представление, которое, возможно, даже изменит мою жизнь. — Фред прячет лицо за программкой. — Мне нужно научиться поменьше говорить.

Я опускаю брошюру пониже и смотрю прямо в его робкие глаза. Нужно ценить те моменты, когда кто-то открывается перед тобой.

— Ты странный. Мне нравятся странности.

— Мне тоже. — Мы снова целуемся, а дамы в норковых шубах стреляют в нас недовольными взглядами.

Перед началом представления Фред бежит в уборную, а я проверяю, есть ли что-то новенькое на камере в телефоне. Просматриваю запись, но специалист по реваншам в поле зрения не появляется. Оставшееся время я просто изучаю все, что знаю об интригах этого человека. Ну должна же быть хоть одна ошибка в каком-нибудь плане. Что еще делала таинственная девушка на вечеринке Стива, помимо очевидного? Куда она направилась потом?

Таблетки. Может, если проследить, откуда они взялись, то я смогу найти специалиста по реваншам. Изучаю места, в которых можно приобрести рогипнол, но неожиданно до меня доходит, что гугл, скорее всего, уже звонит в полицию. Судя по всему, их не прописывают, а значит наша таинственная девушка приобрела таблетки по другим каналам.

Фред появляется в проходе, размахивая руками. Я пытаюсь засунуть телефон в сумку, но из-за стресса у меня проблемы с координацией. Телефон вываливается из ридикюля и падает на пол.

— Вот, держи. — Фред вручает мне телефон, предварительно посмотрев на экран. — У тебя припасен для меня какой-то сюрприз?

Я считаю, что если мы пара, то должны быть честны друг с другом. Он на моей стороне, поэтому нет смысла скрывать о моем расследовании. Я объясняю, что пытаюсь поймать специалиста по реваншам, особенно после того, что она сделала со Стивом. Фред слушает, никак не реагируя, на его обычно подвижном лице не отображается ничего.

— Бекка, ты и правда в это веришь? Веришь, что Хаксли и Стив расстались не по какой-то причине, а потому что его опоили снотворным и подстроили все так, будто он изменяет своей девушке?

— У меня есть доказательство в виде видеозаписи! — Связь в «Радио-сити» просто отвратительная, поэтому я не могу загрузить улику прямо сейчас. — Я покажу тебе ее позже.

— Если у тебя есть доказательство того, что его опоили снотворным, почему бы тебе не отнести его в полицию?

— Я не знаю, кто эта девушка. Сначала нужно найти ее.

— Тебе нужно найти ее?

Я убираю телефон, на этот раз в сумку.

— Что ты хочешь этим сказать?

Фред перегибается через подлокотник кресла и кладет руку мне на колено. Я замираю от его прикосновения.

— Если бы ты и правда переживала за то, что произошло, то позволила бы специально обученным следователям взять это дело в свои руки. Но ты хочешь сама разобраться во всем. Твои парочки не могут просто расстаться. Этому должно быть какое-то объяснение.

Как Фред может быть столь скептичен? Я думала, что он всегда будет на моей стороне.

— Ты думаешь, я все это выдумала?

— Не все расставания срежиссированы. Большинство из них просто происходят.

— И все парочки, которые я свела, вдруг неожиданно распались в одно и то же время? Считаешь, что это ничего не значит?

Фред сдерживается и ничего не отвечает, но по его глазам я вижу, что он думает на самом деле.

— Или дело в плохой инженерии отношений, — говорю я.

— Послушай, что произошло с этими парочками, то уже произошло. От тебя тут ничего не зависит. Может, стоит прекратить сходить с ума и сконцентрироваться на том, что есть. На друзьях, возможно, на письме о поступлении в Бартлетт или твоём парне. На случай, если ты забыла о последнем.

Я не привыкла к тому, что Фред ругается. Он обычно просто строг, как родитель, а не бойфренд. Морщины на его лбу, кажется, так и смотрят на меня. Интересно, пожилые дамы считают нашу ссору милой? Что-то типа любовной перебранки?

— У меня слишком много доказательств, — говорю я. — Вся эта ерунда с виртуальным футболом, почтовый ящик Джейка, *опаивание* Стива. И не забывай о подарках от так называемого тайного воздыхателя.

Последние слова вызывают у него реакцию. Но не ту, на которую я надеялась.

— У тебя есть секретный воздыхатель?

У меня краснеет шея.

— Нет-нет-нет. Это все подстава.

— Кто-то посылал тебе подарки?

Парни. Они умеют ревновать по самым незначительным поводам.

— Это было просто манипулированием. Кто-то вскрывал мой шкафчик и подбрасывал записки и подарки: сладкие сердечки, мишку и кружку, в которой была роза. Специалист по реваншам пытался сбить меня с толку.

Я с жаром и отчаянием пыталась доказать свою невиновность, потому что так оно и было. Я практически слышала, как в его голове складываются кусочки мозаики. Мне не хотелось, чтобы он об этом узнал, но теперь, когда это произошло, думаю, что, все же, поступила правильно. Теперь он поймет, что специалист по реваншам реален, что существует человек, который портит жизнь людям. И нам.

— Так вот почему ты появилась в «Малрэй». Та роза предназначалась не для меня.

— Со мной сыграли шутку.

— Этот так называемый специалист по реваншам? — скептически поинтересовался Фред.

— Я знаю, как это звучит. Но раньше люди думали, что Земля плоская и посмотри, как все обернулось? — Над нами вспыхнул и погас свет. Представление скоро начнется. — Это все была подстава.

— Но тем не менее ты пошла.

— Я должна была увидеть, кто пудрит мне мозги. И как этот человек проник в мой шкафчик.

— Но тем не менее ты пошла. Думала, что там тебя будет ожидать какой-то парень?

— Не просто какой-то, — мягко говорю я. — Там был ты.

Мои слова не вызывают у него никакой реакции. Его лицо все еще походит на глыбу мрамора, и это последнее, что я вижу, перед тем как театр полностью погружается в темноту. Из оркестровой ямы раздаётся увертюра, и люди начинают аплодировать. Мне хочется увидеть, как у Фреда вспыхнет лицо — ведь это его любимая часть — но думаю, что лучше мне пока сосредоточиться на представлении.

Проснувшись в понедельник утром, я собираюсь в школу. Следующие несколько недель

будут легкими; они выпадают между Днем благодарения и Рождеством, так называемой праздничным порой. Я протягиваю руку, чтобы взять телефон с прикроватного столика, и с третьей попытки мне это удается. Проверяю почту, потом камеру слежения. На ней ничего, просто темнота.

Кто-то забрал мою камеру.

Я захожу в школу и, громко топая, мчусь мимо еще не отошедших от выходных учащихся и учителей, чуть не впечатав восьмидесятилетнего учителя музыки в стену. Девушка на задании. Ее невозможно остановить.

Возле шкафчика вроде ничего нет. Фикус выглядит таким же искусственным и стоит в том же месте, где я его оставила. Мне наплевать, что я выгляжу подозрительно. Присев на корточки, опускаю руку под слой листьев, отчаянно желая дотронуться до пластика и металла.

Вот оно! Сотни долларов не были выброшены на ветер. Камера все еще работает, но вскоре я понимаю, что моя гордость — вот что разбито. Я выдергиваю камеру и нахожу на объективе записку.

«Хорошая попытка».

Этот клочок бумаги как разрушительное ядро для моего духа.

В шкафчике обнаруживается дополнительный сюрприз. Я срываю записку с места, которое видно только, если откроешь дверцу.

«Хорошая попытка, Бекка. Не переживай. Все почти закончено. Осталось разбить только еще одну пару».

ГЛАВА 19

Я определенно не смогу сосредоточиться в классе на уроках. Записка специалиста по реваншам все никак не выходит у меня из головы. Она упорно долбит мозг крошечными маленькими мотыгами, на которые обычно опираются садовые гномы. Осталось разбить только еще одну пару. Очевидно, это мы с Фредом. Специалист по реваншам уже попытался это сделать, но ему не удалось.

— Ты в порядке? — Девушка, сидящая за партой через проход, пристально смотрит на мою ногу. Она дергается, отчего парта трясется. Небольшое землетрясение, вызванное одной ученицей.

Нет, я не буду переживать. Потому что специалист по реваншам будет найден до того, как развернется еще одна трагедия.

После первой пары я храбро врываюсь в женский туалет. Обычно там собирается пробка из девушек, которые быстро поправляют макияж, сплетничают, тайком курят или, как вы понимаете, ходят в туалет.

Я протискиваюсь мимо трио, которое стоит перед зеркалом, ничего не делая. Наверное, просто ждут, что на них посмотрят. Иду мимо кабинок, пытаюсь найти свободную по выглядывающим из-под дверей ногам. Неожиданно одна из них распахивается, и из нее появляется Паулина. У меня перехватывает дыхание. Интересно, что она думает обо мне, что знает? Может, я для нее просто какая-то девушка? Не знаю. Но вот она... передо мной... во плоти. Объект любви Джейка.

Мы обмениваемся неловкими взглядами. Судя по всему, я для нее просто какая-то

девушка, а не человек, который помог организовать ее социальную жизнь. Мне вспоминается суксившийся Джейк в коридоре, когда я несправедливо наехала на него. Хорошим парням всегда не везет, хотя они и не заслуживают этого. Что ж, если специалист по реваншам заканчивает сеять хаос, то я только начинаю.

— Привет. — Я хлопаю Паулину по плечу, пока она моет руки. Девушка разворачивается ко мне и искренне улыбается. Я вспоминаю, что у нее нет причины не любить меня. Она не выглядит сдержанной и неприступной, как большинство учеников в школе. Приятно поговорить с человеком, который не против общения.

— Привет. Тебе нужна раковина? — спрашивает она, отступая от нее.

— Нет, все нормально, — отвечаю я. Паулина ждет, когда я скажу что-нибудь еще. — Это насчет Джейка.

Приятное выражение лица мгновенно сменяется хмурым видом, будто даже его имя вызывает у нее боль. Она могла бы уйти, закрыться, но Паулина все еще стоит. Думаю, это означает, что в ней живет надежда. Ей больно, она зла, но лучше так, чем безразличие.

— Мне пора идти. Скоро прозвонит звонок, — тихо произносит она.

— Подожди. — Я пытаюсь подобрать правильные слова. — Джейк хороший парень. — Пытаюсь подобрать что-нибудь получше. — Он милый, смешной, остроумный и очаровательный. Но главное — скучает по тебе.

— Позволь не согласиться с тобой.

— Он не писал того письма, — перехожу я к делу, и она резко поднимает на меня взгляд.

— Но оно было с его электронного адреса.

— Почту Джейка взломали.

— Что? Зачем кому-то это делать?

— Я пытаюсь это выяснить.

Раздается звонок, и туалет сразу же пустеет. Какая-то девушка открывает свою кабинку, бросает бычок от сигареты в бачок и смывает его.

— Выслушай Джейка, — продолжаю я. — Он говорит правду. Знаю, девяносто девять процентов парней в этой школе бегают с открытой ширинкой, но Джейк — хороший.

Паулина смотрит на себя в зеркало.

— Я всю жизнь играю вторую скрипку рядом с сестрой. Думала, что наконец-то нашла парня, который прервет эту тенденцию.

— Так оно и было!

На ее губах появляется легкая улыбка.

— Тебя Джейк попросил поговорить со мной.

— Нет. Просто он хороший парень. Джейк смотрит только на тебя.

— Не знала, что вы друзья. — Она начинает красить губы, но неожиданно останавливается на полпути. — Подожди, а ты разве не сваха?

Вот дерьмо на палочке. Пора прекращать постоянно говорить.

— Предпочитаю термин «инженер отношений».

— Он нанял тебя?

— Нет, конечно же, нет. — Паулина является обладательницей одного из тех невинных лиц, которым трудно лгать.

Девушка отступает назад. Аура дружелюбия между нами мгновенно оказывается смытой волной моей собственной тупости.

— Джейк ничего не знает о кроссвордах. Я попыталась решить с ним парочку в воскресном выпуске «Нью-Йорк Таймс», и он ни разу не ответил правильно.

— Возможно, я дала ему пару подсказок.

Паулина отступает еще дальше, пока не оказывается за дверью. Шок на ее лице сменяется отвращением.

— Так это ты устроила тот квест с кроссвордами?!

— Джейк тоже внес посильный вклад, — произношу абсолютную ложь я. — И это сработало.

— Сработало? — повышает она голос. Как некрасиво для такой милой невинной девушки.

— Почему ты злишься? Ты нравишься Джейку. Ты всегда ему нравилась.

— Потому что ты превратила меня в какую-то цель. Ты даже не знаешь меня, но, тем не менее, разработала план, чтобы заставить дурочку Паулину влюбиться в Джейка. Этим квестом ты задела во мне очень личные струны.

— Я профессионал и провожу расследования.

— Ты *исследовала* меня. Понимаешь, как это ужасно?

Когда она так говорит, то думаю, что да. Но Паулина все еще верит в сказки и ужастики. В реальной жизни людям нужна помощь.

— Ты не должна была об этом узнать. Признаться, я думала, что ты будешь польщена.

— Если я действительно нравилась Джейку, то почему он просто не пригласил меня на свидание?

У меня нет ответа на ее вопрос. Моя работа заключается не в этом. Если бы только она поняла, что за всем этим стоит парень, которому она нравится. Разве это не имеет значения? А ей просто был нужен незаметный толчок.

— Паулина, послушай...

Не дожидаясь ответа, она уходит.

— Вы на карнавале!

Ученики начинают медленно покидать свои места, разбредаясь в дальние углы аудитории. Мистер Ж хлопает ладонью по кафедре, и мы ускоряемся. К моему удивлению, все действительно воспринимают задание серьезно и вживаются в роль.

Мне следовало бы тоже, но я не могу отойти от холодного приема Лео. Он даже не смотрит на меня. День благодарения явно не помог ему оттаять. Одноклассники уже полностью погрузились в режим карнавала. Лео прислоняется к дальней стене и начинает общаться с Лори.

Я огибаю водоворот сцен, разыгрывающихся вокруг меня. Просто какой-то «показ» приличной игры и ужасных акцентов.

— Я искать таверну, где можно есть и пить пиво, — говорит мне одноклассник с бостонским — по его мнению — акцентом. Но на самом деле это больше напоминает больного эмфиземой старика.

Если все воспринимают задание серьезно, то и мне стоит начать вживаться в роль. Я «достаю с полки» свой британский акцент специалиста по разрывам, который использовала при общении с клиентами по скайпу. Он был отточен за просмотром фильмов 90-х в главной

роли с Гвинет Пэлтроу.

— Прости меня, милый, — отвечаю я своему «бостонскому» однокласснику. Не думаю, что смогу помочь тебе. Мне нужно кое-кого найти.

Довольно весело. Есть что-то в том, чтобы хоть несколько минут пожить чужой жизнью. Я с важным видом, как павлин, направляюсь к главному проходу. Лео стоит и наблюдает, как Лори делает вид, что бросает баскетбольный мяч в корзину, пытаюсь, как я полагаю, якобы выиграть приз.

— Смелее! Смелее! Выиграй гигантского медведя!

— Простите, не хочу вас прерывать, но мне хотелось бы переговорить со своим мужем. — Я стою очень прямо, будто на мне десятисантиметровые каблуки.

— С мужем? О боже! — растягивая слова по примеру Скарлетт О'Хара произносит Лори. Она всегда так делает. Для девушки, которая планирует стать актрисой, у нее явно нулевой потенциал.

— Ты хочешь сыграть еще раз, милая? — с чересчур преувеличенным, но все же убедительным бруклинским акцентом обращается к Лори Лео.

— Я думать нужно уйти отсюда.

— Мы можем побеседовать, пока она играет, — говорю я. Лео продолжает игнорировать меня.

— Я никогда в жизнь не видеть этот девку.

— Скажи это своей семилетней дочери, — слегка подталкиваю локтем Лори я. — Пенелопа Брюс. Проживает в пансионате в Коннектикуте.

— Ой, мама всегда говорила мне не стоять в центре любовных ссор. О боже! У меня ПМС! — говорит Лори, обмахивая себя.

— Ты вообще знаешь, что это значит? — шепчу я ей. Лори поднимает нос кверху и отворачивается от меня.

— Не уходи, — говорит Лео. — Ты прийти сюда первой.

Он бросает на меня недовольный взгляд, слишком реальный, чтобы быть игрой.

Лори снова принимается бросать мяч. На лице Лео застыло явное выражение ненависти. Но я не обращаю на него внимания.

— Я думала, у нас отличный брак, — говорю я ему. — Но ты сбежал, чтобы присоединиться к этому цирку.

— Карнавалу.

— Что произошло? Это из-за нашего совместного предприятия, которое пошло не так?

— Пошло не так? Это так вы, Бриты, называть? Ты обманывать меня с самого первый день.

— Обманывала тебя? И в чем это? Без меня вообще не было бы никакого предприятия.

— Ты заставить меня солгать, чтобы заключить сделка.

— Нет, не заставляла.

— Заставлять. И как только мой деловой партнер узнать об этом, то разорвать отношения.

Мы оба напоминаем чайники с кипящей водой, но продолжаем играть роли. Не могу поверить, что Лео ведет себя так неблагодарно. Лори стоит как столб и, наверное, завидует, что ей до нас далеко.

— И в чем это я заставила тебя солгать?

— Я ненавижу «Джессалинс»! — выкрикивает Лео. Его бруклинский акцент тс

появляется, то исчезает. — Я не хожу в клубы и не заказываю мартини. Это не я, но он думать, что получать именно такой парень. Я не мочь больше притворяться.

— Кажется, ты забываешь о том, что кто-то подложил твои, гм... чертежи в его шкафчик. Они твои враги, а не я.

— Это быть последняя соломинка, который сломать хребет верблюду.

— Нет. Те чертежи и были хребтом верблюда. Если бы не специалист по реваншам, вы, двое, были бы еще вместе.

— Теперь это уже не важно. — У Лео дрожат губы. Его голос кажется даже злее из-за грубого акцента. Неужели до него не доходит, что только так можно было подступиться к такому парню как Доминик? Нельзя просто подкатить, протянуть руку и сказать: «Меня зовут Лео. Давай встречаться».

— Я пыталась помочь.

— Нет, ты пытаться плести интриги.

Гримаса, появившаяся на лице Лео, всколыхнула во мне жуткое воспоминание о том, как вся школа узнала, что я была специалистом по разрывам. Люди ненавидели меня за то, что я разбиваю парочки, а теперь ненавидят за то, что свожу. У меня просто не получается выиграть. Еще одно очко в пользу специалиста по реваншам.

— Обманщица, — шепчет мне Лори.

— Проваливай. — Я толкаю ее, и она спотыкается. — О нет! Твой мишка горит! О нет Твои руки! Твое лицо!

Но Лори отказывается мне подыгрывать.

— Ха-ха.

— Лори, — говорит мистер Ж своим знаменитым раскатистым голосом.

— Мистер С.! Так не честно!

— На сцене нужно всегда играть роль.

— Угу. — Она начинает размахивать руками и невозмутимо кричать: — Помогите мне. Помогите. Я умираю.

Я бросаю взгляд на Лео, надеясь, что он наслаждается нашим любимым развлечением. Но тот делает вид, что тащит что-то со стены. У меня сердце уходит в пятки. Это типа огнетушитель.

ГЛАВА 20

Наше практическое задание по театральному искусству заканчивается на пять минут раньше. Ученики выходят из ролей и мгновенно превращаются в обычных себя. Лео и Лори — теперь лучшие друзья до конца урока — сидят вместе. Я замечаю на заднем ряду своего одноклассника Гаррета, который читает учебник. На нем доверху застегнутая рубашка и джинсы, которые выглядят так, будто их только что вытащили из сушки. Когда нам объявили, что он будет выступать с приветственной речью выпускников от нашего класса, это никого не удивило. Но летом его арестовали за хранение марихуаны, что застало некоторых людей врасплох. К счастью, юрист его отца сам произносил речь от имени своего выпускного класса.

— Привет, Гаррет. Не возражаешь, если я присоединюсь к тебе? — Я плюхаюсь на сиденье перед ним и обнимаю спинку кресла.

— Чего надо? — спрашивает он, листая книгу.

— Я бы хотела побеседовать по поводу наркотиков, если у тебя есть минутка.

Он закрывает учебник и фыркает.

— Ты что, нацепила на себя прослушку?

— Нет, только нижнее белье.

Он с подозрением смотрит на меня, а потом переводит взгляд на часы. У меня есть только две минуты, чтобы выведать у него информацию.

— Я чиста.

— Если бы у меня было сердце, то это согрело бы его.

Я наклоняюсь вперед, отчего мое кресло скрипит.

— У меня есть гипотетический вопрос, касающийся наркотиков. Предположим, я хочу купить рогипнол. Ты знаешь, кто его продает?

— Тебе нужно запрещенное снотворное?

— Гипотетически. Я подумала, что тот, кто продает его, является частью сети распространителей, которая пополняет и твои запасы. Мне не знакома эта сторона жизни школы, поэтому, надеюсь, ты просветишь меня по этому поводу. К несчастью, я всю юность провела абсолютно трезвой за просмотром диснеевского канала.

— Уверена, что ни на чем не сидишь?

— Я знаю, что ты выступаешь с приветственной речью, но это не повод вести себя, как Гаррет номер два. — Он надувает губы, и его итак худое лицо становится еще уже. Думаю, я не первая, кто так над ним шутит. — Я не пытаюсь никого вовлечь в неприятности. Просто ищу ответы.

— Я не знаю, кто продает рогипнол. Никогда не баловался ничем серьезнее травки, — пожав плечами, отвечает Гаррет.

— А ты знаешь того, кто, возможно, продает его? Даже если уверен лишь на сорок три процента?

— Нее, не в курсе. Это, наверное, даже и не ученик, а какой-нибудь сомнительный фармацевт, который хочет заработать на стороне. — Гаррет хихикает, как будто сам не верит в эту идею. — Не думаю, что кто-то будет распространяться о наличие рогипнола, даже если его спросят. С этой хренью моментально окажешься в тюрьме.

Как только раздается звонок, он встает, а я медлю, обдумывая полученную информацию. Он прав. Специалист по реваншам не настолько глуп, чтобы опаивать Стива перед всевидящим оком смартфонов. Тайнственная девушка была всего лишь пешкой, которая спровоцировала скандал, а потом ушла, не оставляя после себя следов.

Осознание этого факта заставляет меня оцепенеть. Каждый шаг отдается болью, словно в ноги вбиваются иглы и булавки. Может быть, существует целое войско, которое посвятило себя этой миссии?

Когда я добираюсь до коридора, Джуди, моя маленькая подражательница, пристраивается рядом, таким образом, делая этот день самым паршивым днем года.

— Ну как, есть подвижки в деле Бари и Джея? — спрашивает она, бодрая, как весеннее утро.

— Не то, чтобы это было твое дело, но нет.

— Может быть, я смогу помочь.

«Сомневаюсь», — думаю я. Если мне не удастся найти специалиста по реваншам, то Джуди даже не знает с чего начать.

— Я занимаюсь сведением, а не разбиванием парочек.

— Знаю. Но, возможно, я смогу помочь. Безвозмездно, конечно же. — Она пожимает плечами. Это уж слишком. Учитывая то, что мои клиенты несчастливы, а друзья чувствуют себя ненамного лучше, я не в настроении общаться с этой представительницей человеческого рода. Особенно, когда во мне всего одна кружка кофе.

— Нет, спасибо.

— Почему нет? Думаю, тебе не помешает помощь.

— А что заставляет тебя думать, будто мне нужна твоя помощь? Только потому что ты называешь себя специалистом по разрывам и пакостишь мне еще не значит, что у тебя есть хоть какое-то представление о своей работе.

— Я не хочу разбивать парочки. Предпочла бы помогать им, но не могу состязаться в этом с тобой.

— Капитализм — это такая стерва. — Я ускоряю шаг. Она делает то же самое.

— Ну почему бы тебе не помочь мне? — практически кричит Джуди. Не та реакция, которую я ожидала.

— У меня нет времени держать тебя за руку.

— Послушай, я хочу учиться у лучшей. Да, это так. Я назвала тебя лучшей. Но ты ни разу не уделила мне ни секунды времени, чтобы помочь, научить или что-то посоветовать. Я думала, что если помогу тебе найти специалиста по разрывам, то это привлечет твое внимание. Я думала, что мы могли бы работать вместе.

— Может тебе стоит вступить в какой-нибудь клуб? — Неожиданно Джуди останавливает меня на удивление сильной рукой.

— Я не подхожу ни для одного клуба или группировки в этой школе. Из всех людей, я думала, что ты лучше всего меня понимаешь. Я не плоха. Не так хороша, как ты, но могу стать такой же.

На секунду я вижу в ее лице отражение себя — однокурсницы, но потом осознаю, что это все-таки Джуди. У меня нет времени быть чьим-то учителем.

— Джуди, мне не нужна помощь. Я работаю одна.

— Знаешь, в следующем году ты уедешь, а я останусь. У тебя есть шанс передать свой опыт. Может быть, если бы ты не была фриком, которому все нужно контролировать, то поняла бы, какая сейчас благоприятная возможность для этого, — обиженно произносит Джуди и уходит.

Как только заканчивается следующий урок, я выбегаю за дверь и направляюсь к шкафчику Вал. Сейчас время ланча, так что я, возможно, успею поймать ее до того, как она смоется туда, где теперь ест. Или занимается со своей так называемой учебной группой. До меня пытается добраться кто-то очень серьезный, поэтому мне как никогда нужно, чтобы Вал была на моей стороне.

Увидев меня, она отводит глаза.

— Привет. Мы можем поговорить? Мне очень жаль, — вываливаю я на нее свой поток сознания; да и перерыв на ланч слишком уж короткий.

— Мне нужно идти есть. — Вал пытается обойти меня, чтобы добраться до шкафчика, поэтому я отодвигаюсь. Обычно ей нужно время, чтобы остыть, но прошло уже несколько дней. Сейчас она должна быть примерно «комнатной температуры».

— Мы можем поговорить? Хотя знаешь? Я буду говорить. Прости, что не рассказала тебе сразу о признании Фреда. По правде сказать, оно напугало меня. Я пыталась осознать и привыкнуть к нему, поэтому не хотела, чтобы ты сделала из этого большое событие. — Я делаю глубокий вздох и украдкой проверяю время на своем телефоне. — Прощена?

— Не знаю. Почему бы тебе не спросить Мелани?

— Эй, Вал... — Мы обе поворачиваемся, и видим перед собой тощего и почему-то резко побледневшего ученика младших классов. Он, определенно, не из тех новеньких, чье имя мне известно.

— Ты по поводу домашней работы? — строгим голосом, что очень не похоже на нее, спрашивает Вал. Парень медленно кивает, напоминая своим видом оленя в свете автомобильных фар. — Нужно ответить лишь на первых пять вопросов.

— Ааа, хорошо. — Он улыбается мне и засовывает руки глубоко в карманы. Парень является обладателем торчащих во все стороны волос и тощей фигуры. Интересно, может, он один из этих вундеркиндов, которые перепрыгивают через несколько классов. Я обращаю внимание на тест с очень своеобразным стикером, который торчит из его учебника.

— Прикольно, — говорю я, прочитав надпись на нем.

Парень засовывает свою работу поглубже в учебник.

— Нам приклеивает их на тесты мистер Ямимото. Это его способ сказать, что если в следующий раз не будешь заниматься, то получишь тройку.

Вал напряженно наблюдает за нашим разговором.

— Интересно, — говорю я ему.

— Ага. Спасибо, Вал. — Парень машет мне рукой, а потом убегает.

— Он занимается со мной на факультативе по введению в бизнес-администрирование, — произносит Вал, как только парень уходит. Она смотрит на часы. Времени у меня осталось совсем немного.

— Я не должна была скрывать это от тебя. Мне очень жаль. Но теперь ты все знаешь. Понимаю, мне не стоило бояться рассказывать тебе...

— На самом деле, все нормально. — Вал гладит меня по руке, и все признаки ее гнева начинают угасать. Вот так просто. — Забыто, прощена.

— Как-то слишком быстро. — Я думала, что это будет извинение в «трех актах».

— У нас осталось совсем немного времени, — говорит Вал. Меня как будто ударяет под дых. Рада, что она это понимает. — Осталось всего тридцать минут, — продолжает она.

— Отлично. Фред сейчас «У Венди». Я за рулем.

Вал прижимает к груди книги.

— Я сегодня поем в столовой. У меня тест на шестой паре, и я буду готовиться к нему за столом у младшекласников.

— Ну, я могу присоединиться к тебе.

— Эти девочки ничего из себя не представляют. И мы готовимся к тригонометрии.

Я вздрагиваю. Мне удалось закончить ее в прошлом году, и этот период моей жизни, о котором мне хотелось бы забыть. Стать математиком или архитектором — явно не мое призвание.

— Ты можешь готовиться за нашим столиком, — говорю я ей. — Квентин хорошо понимает в математике. Он-то и помог мне с экзаменом.

— Эти девочки знают материал. Если я пойду на ланч с тобой, то мы просто проговорим все время. Мне бы очень-очень хотелось бы этого. Но болтовня не поможет мне

со средним баллом.

— Вал, в прошлом месяце мы обедали вместе всего лишь три раза. Что происходит? С чего этот внезапный интерес к учебе? Ты уже поступила в колледж.

— Я хочу закончить школу с хорошими оценками.

Ну какой выпускник такое скажет? Он, наоборот, должен быть безразличным и равнодушным к учебе. Я с беспечным видом пытаюсь перегородить ей дорогу и заодно заглядываю в шкафчик. Внутри лежит куча перекрученных и помятых бумажек. Среди них я замечаю чек из «Малрэй».

— Ты была в «Малрэй»?

— Однажды. Там нормально. А ты?

Я не могу понять, стоит ли что-то за ее словами.

— Тоже только один раз.

Вал протягивает руку и, не глядя мне в глаза, закрывает шкафчик.

— Мне пора идти. — С этими словами она быстро направляется в сторону столовой.

— Я пойду с тобой.

Вал резко останавливается. Она не успела еще убрать улыбку, и та продолжает напряженно держаться на ее лице.

— Иди к Фреду. «У Венди» гораздо лучше, чем в этом клоповнике.

— Не важно. Я скучаю по тебе.

— Мы пообщаемся в другой раз, — краснея, отвечает Вал.

— Мы может пообщаться сейчас. — Не важно, что она думает. Я направляюсь в столовую. У нас осталось слишком мало времени.

Вал догоняет меня и, сделав глубокий вдох, говорит:

— Не думаю, что за столом есть место для тебя.

— Ну так я постою. Что происходит с тобой?

— Ничего.

— Вал! — Она все понимает по моим глазам. Мне не нужно объяснять, насколько странно она себя ведет.

— Тебе стоит пойти к Фреду. Он ждет.

— Наплевать. Скажи мне, что происходит. — Я опускаю руки ей на плечи. — Я твоя подруга. У меня есть право знать.

Она сбрасывает мои ладони и бросает на меня взгляд, который мог бы содрать краску с машины.

— Ты имеешь право знать? То есть тебе не нужно рассказывать мне о Бартлетте или признании в любви Фреда, но я обязана быть открытой книгой? У тебя может быть куча секретов, но я должна быть твоей ничего не знающей о них подругой? У тебя может быть тайный бизнес, личности и *отношения*, а я просто должна кивать головой и поддакивать? Ты не имеешь никаких прав, Бекка! Ты не контролируешь меня. В моей жизни кое-что происходит, но я пока не хочу тебе об этом рассказывать. Ты не поймешь. Понимаю, для такой, как ты, эта неопределенность и незнание ужасны, но если ты моя подруга, то должна доверять мне. И если ты моя подруга, то не пойдешь со мной в столовую.

Так как я хочу быть хорошей подругой, то остаюсь на месте и наблюдаю, как она уходит.

Вал — специалист по реваншам. Это становится понятным, как геометрические аксиомы, которые неожиданно кликают у тебя в голове в середине учебного года. Только лучшая подруга знает тебя достаточно хорошо, чтобы заморочить тебе голову.

А тот тощий парень, вероятно, ее сообщник, готовый в любой момент приклеить на камеру стикер «Хорошая попытка».

Но почему? Я пыталась. Так усердно пыталась не пренебрегать ею в пользу Фреда и наоборот. Я пыталась быть одновременно лучшей подругой и восхитительной девушкой. У меня никогда и в мыслях не было бросить подругу ради парня. Я никогда не хотела быть такой девушкой. Если бы она только знала, как я пыталась... Слезы застилают мне глаза.

Я все еще на парковке, хотя уроки уже закончились. На улице темно. Ключ вставлен в замок зажигания, но я не могу заставить себя тронуться.

С кем мне об этом поговорить? С Фредом не получится. Все, что касается специалиста по реваншам, находится под запретом. Часть меня надеется, что мы с Вал сможем разобраться с этим, так же, как и с событиями прошлого года. Но если Фред узнает о тайной личине Вал, то она станет мертва для него. И этого уже будет не изменить.

Неужели все так и закончится? Но я не могу позволить этому случиться. Мы не будем скулить и хныкать. Если она действительно хочет покончить с нашей дружбой, то мы сделаем это «ярко и сексуально».

Существует только один человек, с которым я могу поговорить об этом. Единственный, с которым я должна поговорить.

— Ой, привет, Бекка!

— Здравствуйте, Дотти! Вал дома?

Я слышу знакомый топот на лестнице, и Вал опережает свою маму до того, как она успеваает распахнуть передо мной дверь.

— Я сама, мам. Привет! — говорит она, пытаюсь отдышаться. Я машу рукой ее маме, и та возвращается в свой кабинет.

— Привет. Мы можем поговорить? — Мой голос звучит вежливо, но тон дает понять, что я пришла по делу.

— Послушай, мы обе наговорили друг другу всякого. Давай сначала остынем. — Сейчас Вал выглядит более расслабленной, чем в последний раз, когда я ее видела. Мне не хочется иметь дело со Злюкой Вал или Печальной Вал. Я скучаю по смеху вместе со своей энергичной лучшей подругой.

— Не хочу остывать. — Я всем телом наваливаюсь на дверь, и она открывается нараспашку. Вал отступает назад. От шока у нее даже бледнеет лицо.

— Что за ерунда, Бекка!

— Ты озвучиваешь мои мысли.

— Что?

— Я знаю, — стальным голосом произношу я, осматривая ее с ног до головы. — Я все знаю.

Вал нечем крыть, и моя подруга это понимает. Она вздыхает, принимая поражение. Ее лоб искажают морщины.

— Но как ты узнала? Пошла за мной в столовую?

— Сложила кусочки пазла.

Я сажусь на лавочку в коридоре, которая обычно завалена одеждой.

— Послушай, мне жаль, что я раньше не рассказала тебе об этом, — признавая свою вину, говорит Вал.

— А ты вообще планировала это сделать? Хотела позлорадствовать? Ты разрушила все, что я пыталась построить последние несколько месяцев. Ты избегала меня неделями, тем самым причиняя мне боль. Я пыталась все сделать правильно. Ну зачем было так поступать? — Я делаю глубокий вдох. В горле пересохло от того, что я говорю слишком быстро, и мне приходится глотать ртом воздух. Единственный способ высказать все, что наболело — это «полный вперед». — Мне жаль, если ты все еще злишься на меня и мне жаль, что я не смогла пойти с тобой на мастер-класс по приготовлению духов. Но я никогда не переставала быть твоей подругой. Никогда. Думаешь, мне нравится быть такой скрытной?

Она кивает головой.

— Ладно, согласна. Я просто... — Если подумать, почему у меня столько секретов? Кажется, меня просто притягивают тайные авантюры. Я — секретоголик. Думаю, когда ты привык быть в обществе никем, то находишь свои способы чувствовать себя исключительным. Я пытаюсь копнуть внутрь себя, чтобы найти ответ.

Было то, что вы не знали обо мне, ученики Ашлэнда. Я была не просто той, мимс которой можно было пройти в школьном коридоре, даже не заметив.

— Я... Мне нужно было найти способ чувствовать себя особенной. Но речь сейчас не обо мне. У тебя не было права втягивать в это Бари, Лео, Джейка и особенно Хаксли. То, что ты сделала с невинными парочками, было отвратительным.

Вал недоуменно смотрит на меня. Наверное, пытается увидеть в моем лице черты своей подруги. Я все еще здесь, но в гневе. Грубо говоря, она пыталась свести меня с ума, и я невероятно зла.

— Бекка, — тихо произносит Вал. — Я не специалист по реваншам.

— Ложь в глаза ранит еще больше, чем твое признание вины.

Она садится рядом и обхватывает мои ладони своими руками.

— Бекка, это правда. Я не специалист по реваншам. И не разбивала никакие парочки. Клянусь тебе.

Кажется, Вал выглядит вполне искренней, но факты говорят сами за себя.

— Бекка, — уже тверже произносит она. — Это не я. Клянусь своим черным платьем из «Завтрака у Тиффани», которое приобрела на распродаже.

У меня округляются глаза. Вал не отказалась бы от этого платья даже для того, чтобы спасти своего первенца. Я обхватываю ее голову руками и смотрю прямо в глаза. Специалист по реваншам довел меня до крайней степени паранойи и сумасшествия.

— Валери Патриция Херст, ты являешься специалистом по реваншам или нет? Если да, то мы как-нибудь справимся с этим. Но мне нужно знать сто шестидесяти семипроцентную правду.

Она медленно убирает мои руки.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Во-первых, ты размажешь мой консилер. Во-вторых, Я НЕ ГРЕБАНЫИ СПЕЦИАЛИСТ ПО РЕВАНШАМ.

Меня охватывает безудержная волна облегчения. Я начинаю смеяться и плакать, как

безумная, высвобождая на волю нервное напряжение.

— Это лучшее, что я услышала за весь день.

— Ты и правда думала, что я так поступлю?

— Когда ты упомянула о своем секрете, я сразу пришла к очевидному умозаключению.

Если не хочешь, то не рассказывай мне ничего. Я не буду настаивать. Обещаю.

— Хорошо.

— Но ты ведь знаешь, что можешь доверять мне. — Я кладу свои руки поверх ее, как будто мы собираемся закричать: «Подруги навсегда!».

— Я ее секрет.

Голос раздается с лестницы. Я поднимаю глаза и вижу на верхней ступеньке тощего ученика младших классов, который подходил к Вал возле шкафчика. Невысокий, темноволосый, смуглый с большими, но умными, глазами. А теперь он стоит на верхней ступеньке. Это означает, что он пришел из комнаты наверху. Из ее спальни?

— Привет, — осторожно произношу я.

Вал не отрывает взгляда от плитки на полу.

— Мне надоело здесь прятаться.

— Ты кто?

— Мэнни Эспозито. Парень Вал.

Словно на шарнирах я поворачиваю голову к подруге, которая все еще изучает плитку.

— Парень? — вырывается у меня.

— Парень, — подтверждает Мэнни.

Я трясую Вал за плечо.

— Парень?

Она поворачивается ко мне и со всей серьезностью произносит:

— Парень.

Я вскакиваю с лавочки и начинают ходить по коридору из угла в угол.

— Хорошо, кто-то из вас должен мне все объяснить. И как можно скорее.

Мэнни спускается по лестнице.

— Мы встречаемся уже около двух месяцев. Познакомились на лекциях по введению в бизнес-администрирование. Без обид, но она самая красивая девушка в Ашлэнде.

— Без обид. Ты ученик младших классов?

Он утвердительно кивает головой.

— И сколько тебе лет?

— Недавно исполнилось четырнадцать. — Вместо «исполнилось» раздается что-то больше похожее на писк.

На моем лице вот-вот отразится шок, но я делаю все возможное, чтобы сдержать его. Я знаю, это всего три года, но какие решающие три года разницы. И он выглядит таким юным. Как младший брат Вал, а не ее «горячий» любовник.

Она все еще не решается посмотреть на меня. И я ее понимаю. Сколько раз я смеялась над девочками-пумами. И Вал постоянно смеялась со мной, скрывая от меня эту часть себя. Мэнни пересекает коридор и опускается перед Вал на колени. Он гладит ее руку, и они просто молчат как близкие друг другу люди.

Он такой молодой!

Но делает подругу счастливой. А Вал делает счастливой меня. Я уже ощутила, на что будет похожа моя жизнь без нее, и ради такого не стоит жить.

— Рада познакомиться с тобой, — говорю я, протягивая руку Мэнни.

В глазах Вал блестят слезы, когда мы обмениваемся рукопожатием.

— Мне жаль, — произносит она.

— Нет. Это мне жаль. Учитывая всю мою глупую болтовню, естественно, что ты пыталась сохранить свои отношения в тайне. Но тебе не стоило этого делать.

— Дело не только в тебе. Что люди будут говорить о выпускнице, которая встречается с учеником младших классов?

— Пусть говорят, что хотят, — восклицает Мэнни, и меня восхищает его откровенное мужество. — Прятаться ото всех — это мучение.

— Я прослежу, чтобы они были заняты разговорами обо мне и моих ужасных нелепых выходках, — произношу я, но мои слова не вызывают у Вал смеха.

— Ты и правда думала то, что сказала? — спрашивает она. — Ты и правда думала, что я ревновала тебя к Фреду и ненавидела ваши отношения?

Я пожимаю плечами. Теперь это звучит глупо.

— Я не понимала, что происходит. А также знаю, что такие вещи обычно приводят к расколу в дружбе. Я своими глазами видела подобное.

— Вы с Фредом отличная пара. Вы дали мне надежду на то, что и я найду своего настоящего чудесного парня.

— Мы?

— Да, вы — идеальны.

— Правда?

В этот момент она поднимает бровь, словно говоря мне: «Сомневаешься?». Вот это Вал, которую я помню.

— Я тебе не говорила, что нахожусь у Фреда на испытательном сроке?

— Гм, нет.

— Нам нужно поговорить. — Но сначала я крепко сжимаю ее в объятиях. — Я так счастлива, что мы не ругаемся. — Протягиваю руку, хватаю Мэнни за воротник рубашки и притягиваю его к нам. — Иди сюда, Эспозито.

Как только мы заканчиваем этот достойный быть запечатленным на пленке момент, я остаюсь на ужин и вскоре забываю о разнице в возрасте. Это просто Мэнни и Вал. Они так естественно смотрятся вместе, а сама подруга сияет от счастья, радуя мой взгляд. Но как только мы приступаем к десерту, меня начинает подташнивать. Я больше не могу наслаждаться происходящим.

Специалист по реваншам все еще где-то тут.

Вернувшись домой, я вновь возвращаюсь к своему расследованию. Но облегчение, вызванное новостями о невиновности Вал, быстро идет на убыль, когда я понимаю, что у меня больше нет подозреваемых. Придется возвращаться к началу. Я должна найти связь. Выписываю основные детали на карточках — факты, которые знаю, что произошло, временные рамки — и прикрепляю их скотчем к зеркальной отодвигающейся двери на шкафу. Вскоре я едва могу видеть себя.

Когда я смотрю на временные рамки, то что-то не сходится. Хаксли и Стив расстались в августе. Следующий разрыв произошел только в начале октября. Почему такая разница во

времени? Может, Хаксли со Стивом были просто разминкой, а осенью специалист по реваншам решил реализовать остальную часть своего плана? Это единственная схема, в которой была использована таинственная девушка. Все остальные были более тайными. Я не знаю. Все мои теории заканчиваются тупиком. А карточки кажутся просто переводом бумаги.

Я не знаю.

Это самое худшее из ощущений. Подозревать, но не знать.

Как только ложусь спать, на телефон приходит сообщение.

«Приезжаю завтра на зимние каникулы. Можно будет уже начать приводить план в действие?».

В колледжах зимние каникулы начинают очень рано, а на сессию студенты возвращаются в середине января. Совсем не то, что две недели «с натягом», которые дает нам старшая школа.

Если я смогу убедить Хаксли поверить Стиву, и она вернется к нему, то это, по крайней мере, будет шаг в правильном направлении. И возможно, спровоцирует специалиста по реваншам на ошибки. Почему она еще не сделала ни одной ошибки?

«Можно. Готов?».

ГЛАВА 22

Только Хаксли Мапозер может заставить человека почувствовать себя не в обычной библиотеке, а в эксклюзивном ночном клубе — месте, к которому я не принадлежу. Я даже заинтересовалась: не натянет ли библиотекарь бархатную веревку возле газетного архива, чтобы преградить мне путь. Хаксли с подругами занимаются за круглым столом в дальнем углу в окружении нетронутых энциклопедий. Под «занимаются» я имею в виду смотрят видеозаписи на своих телефонах, просматривают сообщения и сплетничают. Прийти в библиотеку — это уже учеба.

Ни одна из них никак не показала, что заметила мое присутствие. Рейган, моя осведомительница, чересчур усердно пялится в тетрадь. На уроке, в обмен на лекции, она сообщила мне, где они собираются сегодня вечером. Я подхожу к ним с планшетом. Когда Хаксли видит его, у нее начинают играть желваки.

— Что-то вы ударились в учебу. Мы же выпускники. Расслабьтесь! — по-приятельски говорю я им. У меня дружелюбный настрой, потому что я знаю — правда на моей стороне.

Тишина.

Разве они не понимают, что у меня иммунитет к их молчанию?

— Знаю, вы занимаетесь и делаете вид, будто меня не существует. Но у меня есть видеозапись с прощальной вечеринки Стива Оверлэнда.

Наконец, я добиваюсь от них хоть какой-то реакции. Аддисон и Рейган слегка приподнимают головы, чтобы краем глаза посмотреть на «запретный плод», который я им предлагаю. Хаксли продолжает «заниматься».

Я начинаю свою мини-презентацию: проигрываю видеозапись и ставлю на паузу в тот момент, когда таблетка опускается в стакан. Хаксли может хоть всю жизнь ненавидеть меня,

но у нее не получится опровергнуть мое мастерство.

Рейган и Аддисон начинают шептаться, не обращая внимания на своего лидера. Да это же мятеж! Однако Хаксли смотрит на меня с каменным выражением лица, и я не могу обвинять ее за это. Даже несмотря на то, что видеозапись только что оправдала Стива, сама ситуация все еще смущает ее.

— Как вы могли увидеть, Стива Оверлэнда подставили. Он не виновен. *Res ipsa loquitur*, сучки. Ой, простите, леди.

Никто не произносит ни слова, но все смотрят на Хаксли в ожидании ее реакции.

Как только я выключаю планшет, она вскакивает со стула, хватая меня за руку и тащит к картотеке. Мы останавливаемся возле каталога по истории Гражданской войны. В ее глазах пылает огонь.

— Что. За. Черт, — не отпуская моей руки, произносит Хаксли, отчаянно пытаюсь сдержать злость.

— Я бы рассказала тебе об этом в приватной обстановке, но мы перестали общаться лично с тех пор, как ты возвела Великую Стену Пассивно-Агрессивного Избегания.

— Я не могу верить тебе. Знаю, это клише, но в данной ситуации оно подходит как нельзя лучше. Я очень обижена.

— И спасена. Я только что-то очистила репутацию Стива Оверлэнда.

— Это не твое дело! Тебя об этом никто не просил.

— Я просил. — Из-за угла появляется Стив с цветами. У Хаксли отвисает челюсть. — Я невиновен, Хакс. Меня подставили.

— Специалист по реваншам, которого я все еще пытаюсь вычислить. — Хаксли и Стив оба смотрят на меня так, будто просят заткнуться. — Все, молчу.

— Что ты тут делаешь? — спрашивает его Хаксли. Я удивлена, что, увидев Стива, она ни капельки не смягчилась.

— Пытаюсь оправдать себя. — Он делает шаг вперед. Она никак не реагирует. — Я ничего не помню о той ночи. Меня опоили снотворным. — Стив морщится, как от боли. Даже несмотря на то, что ту ночь он пережил целым и невредимым, полная потеря контроля оставляет в глубине души невидимые шрамы.

— Я извиняюсь за то, что все так произошло, — говорит он.

— Я рада, что ты в порядке. Не могу поверить, что кто-то так поступил, — отвечает Хаксли. — Все это время я думала, что...

— Я бы никогда не сделал такого с тобой, даже не смотря на количество выпитого.

От слащавости этих слов у меня чуть не случается диабетический шок. Однако они, казалось, просто отскакивают от сурово настроенной Хаксли. Я решила оставить их наедине, поэтому отошла к соседней стойке и стала подслушивать.

Да, я оставила их наедине. Но не совсем же.

— Послушай, я хочу все исправить, — молвит Стив. — Как насчет пиццы? Заодно и поговорим.

У меня начинает радостно стучать сердце, но не могу сказать, испытывает ли Хаксли те же самые ощущения. Секунды тянутся, как часы.

— Я не могу, — в конечном итоге шепчет она.

Его лицо становится потерянным, как у старой собаки.

— Стив, мне искренне жаль, что все так получилось. Правда. Надеюсь, ты простишь меня за то, что не поверила тебе.

— Конечно! Конечно прощу! Ты же знаешь.

— Но я не могу никуда с тобой пойти.

— Почему?

— У меня есть парень.

— Уэйд? — практически выплевывает Стив. Его имя повисает в воздухе. Полагаю, для Хаксли, оно всегда там и висело.

— Он мой парень.

— Я тоже твой парень.

— Мы расстались. Да, из-за ложных обвинений, но это не значит, что я брошу Уэйда и перебегу к тебе.

— Нет, значит. Он поймет. — Стив пристально смотрит на Хаксли и продолжает: — Если только ты сама не хочешь с ним остаться.

— Мне жаль, Стив.

— Ты его любишь? — Я с нетерпением жду ее ответа так же, как и он.

— Не знаю, — уверенно отвечает Хаксли. Почему я не могу быть так уверена в своих неуверенностях?

— Я никогда не переставал любить тебя, — заключив ее лицо в свои руки, произносит Стив. — А ты все еще любишь меня?

Воцаряется такая тишина, что слышно, как тикают часы на стене. Я не понимаю. Почему Хаксли до сих пор не поцеловала его? Это же Хаксли и Стив. Посмотрите, что он делает, чтобы вернуть ее. Не хочется обижать Уэйда, но невозможно просто взять и стереть историю.

Но именно это она и делает.

— Мне жаль, Стив, — произносит Хаксли, убирая его руки со своего лица.

Она пятится назад, не в силах развернуться к нему спиной. Все не может закончиться вот так. Я помню прошлогодних Стива и Хаксли; между ними была магия. И она до сих пор есть.

— Хаксли, дай ему еще один шанс, — вырывается у меня. Чувствую, как краснеет мое лицо, когда Хаксли обнаруживает меня за полкой.

— Ты подсматривала? Ну конечно же.

— Вы сможете со всем этим справиться.

— Никогда больше так не делай, — практически рычит Хаксли. Не знаю, как у меня получается вызывать у нее такую злость, но я определенно этого не заслуживаю.

— Мне жаль.

— Нет, не жаль. — В ее глазах полыхает ярость.

— Почему я?

— Что?

— Почему ты ненавидишь меня? — спрашиваю я, выходя из-за угла. — То, что произошло со Стивом, — не моя ошибка. Да, я рассорила вас в прошлом году, но я же и свела обратно, устроив роскошный романтик...

— Знаю, но мне надоело быть марионеткой в твоих играх.

— Это не правда!

— Ты рассорила нас, а потом помирила. Теперь опять работаешь над тем, чтобы свести нас вновь. Каждый раз ты оказываешься поблизости с какими-то тайными намерениями.

Хаксли как-то странно воспринимает реальность, и с ее искаженной точки зрения она

права.

— Мы с тобой знакомы целую вечность, и я просто хочу быть хорошей подругой. Она раздражается смехом и с презрением поднимает идеально выщипанные брови.
— У тебя нет друзей. Мы все просто горстка планов для тебя.

Я провожу пальцами по карточкам-подсказкам, приклеенным к зеркальной поверхности шкафа. Я ищу...

Не знаю. Что-нибудь. Неожиданно, взгляд цепляется за слова «НАЙДИ МЕНЯ». Если мне нужно найти специалиста по реваншам, я должна думать, как он. Как я открывала шкафчики, чтобы воплощать в жизнь свои планы?

С помощью ключа.

Который до сих пор лежит в верхнем ящике моего стола. V56 — универсальный ключ, который способен открыть любой шкафчик на территории нашего учебного заведения. Я подбрасываю его в ладони; запах ржавчины на металле вызывает приятные воспоминания о том, как я тайком бродила по школе. Я думала, что единственная, у кого есть этот ключ, но, наверное, их несколько. И если мне удалось достать V56, то и специалист по реваншам тоже мог.

— Диана! — кричу я в коридор.

Сестра медленно заходит в мою комнату и ее взгляд сразу же начинает бродить по карточкам на стекле.

— Вау. Пожалуйста, скажи мне, что пишешь роман.

— Как ты заполучила ключ, который отдала мне? — спрашиваю я. — Этот специалист по реваншам может открывать шкафчики, а значит, у него должен быть ключ.

— Мне дал его парень, с которым я встречалась в старшей школе. Его отец был директором. Директор, заместитель и суперинтендант — единственные люди, у которых есть эти ключи.

— Отлично. Эта информация мне пригодится. — Записываю полученные данные (связь с директором/замом/суперинт.) на карточку и приклеиваю ее к остальным записям на дверь.

— Ты понимаешь, что благодаря этой..., — машет рукой Диана в сторону моего исследования, — «выставке», выглядишь немного «ку-ку»?

Я киваю, потому что этот единственный способ заставить ее заткнуться.

— Поверь мне. Одержимость никуда тебя не приведет. Нельзя исправить то, что уже произошло. Поверь мне, — говорит она, как человек, который знает об этом не понаслышке.

— Хорошо.

Диана отодвигает зеркальную дверцу и начинает рыться в куче обуви на полу.

— Тут такой беспорядок.

— Тем, у кого есть гардеробная, не стоит бросать камни.

Диана для удобства встает на колени, и только в этот момент я обращаю внимание, что на ней блестящий топ в обтяжку, слишком красивый для обычного вечера.

— Куда-то идешь? — спрашиваю я.

— На ужин с Броком.

— За последние две недели — это ваше четвертое свидание.

Диана отбрасывает за спину кроссовки и шлепанцы. Следом мне на голову

приземляется пара «кроссов».

— А он знает, что ты переезжаешь через месяц? Даже меньше.

— Мы со всем разберемся, — произносит она, хватая мои черные шпильки. — Я потом верну их тебе.

— Что значит «мы со всем разберемся»? — не давая ей выйти, спрашиваю я.

Диана пытается сохранять спокойствие и просто пожимает плечами. Но она знает, что от меня просто так не скрыться.

— Не знаю, хочу ли переезжать в Нэшвилл. Это большое событие, и мне придется начинать все заново. А мне даже не нравится музыка в стиле «кантри».

— На День благодарения ты с нетерпением ждала *этого* события. И хотела *эту* работу. Хотела перемен в жизни. — А потом до меня доходит. — Брок?

— Да, нам хорошо вместе, — виновато отвечает Диана.

Я вскидываю руки, но не успеваю ничего сказать, как она быстро продолжает:

— Я не говорю, что мы завтра поженимся. К тому же, если я решу остаться, то смогу продолжить работать в филиале в Нью-Йорке.

— Но позиция в Нэшвилле гораздо перспективнее. Я думала, ты хочешь убраться отсюда, оставить позади всю эту трагедию со свадьбой.

— Брок знает мою историю и ему все равно. Понимаю, все происходит слишком быстро, но я чувствую, что у нас получится. — В этот момент Диана не выглядит ни сентиментальной, ни глупой, что делает наше обсуждение похожим на собрание, где ей дали слово. — У меня было достаточно свиданий, на которых я вычеркнула все пункты из своего списка желаний. Но ни разу за все это время у меня не было таких чувств. Вижу, ты закатываешь глаза. Я все понимаю, правда понимаю, но в наших отношениях с Брокком что-то есть.

Диану переполняют чувства, а в глазах появляется блеск... надежды?

— То есть ты собираешься отказаться от предложения работать в Нэшвилле? — спрашиваю я. Мне не очень понятны подобные внезапные решения о переменах в жизни. Или, скорее, решения о не переменах.

— Нет. — Она выходит в коридор и стучит пальцами по рамке семейного портрета. — Я не знаю.

Я с нетерпением ждала, когда поеду в гости к своей старшей сестре, у которой крутая работа в Нэшвилле. После неудач, которые преследовали ее, впереди наконец-то замаячил свет.

— Думаю, ты делаешь колоссальную ошибку.

— А что, если переезд в Нэшвилл и есть колоссальная ошибка? Нам не дано знать о своих ошибках, пока мы их не совершим. Я не ожидала, что так получится, Бекка. Мне самой не хочется «вставлять палку в колеса», но что, если эта палка и есть часть плана? — Диана смотрит на часы. Ее ждет «может быть» парень.

— Желаю тебе хорошо провести время.

Как только она уходит, я закрываю шкаф и продолжаю изучать карточки.

«Бал снежинок» будет в эту пятницу. Через четыре дня. Напоминаю вам на случай, если вы еще не видели примерно 24.793.833 флаера, разбросанных по школе, не слышали ежеутренние объявления комитета по организации танцев и не читали электронные письма, которые студенческий комитет посылает дважды в день, чтобы вы знали: алкоголь и наркотики будут запрещены (*ага, как будто это кого-нибудь остановит*). Да, в Ашлэнде — предпраздничное безумие. В пятницу девочки уходят домой пораньше, чтобы подготовиться к балу. Вот что делается с подростками, проживающими в пригороде. Танцы — единственное мероприятие, которого мы с нетерпением ждем, редкое развлечение в нашей монотонной жизни. Обычно в пятницу вечером у нас есть четыре забавы на выбор:

1. Вечеринка у кого-нибудь дома
2. Фильмы в кинотеатре
3. Бесцельное катание по городу и встречи на парковках
4. Просмотр телевизора с родителями

Я выхожу из машины. На улице дует прохладный декабрьский ветерок, а небо затянуто серыми тучами. Даже в воздухе чувствуется атмосфера возбуждения и эйфории. Праздники, бал, письма из колледжей о поступлении (*или отказе*), вероятность снегопада и определенность фальшивых снежинок. Столько всего происходит, а сверх этого — двухнедельные каникулы.

Моя любовь к этому времени года берет временный перерыв, когда я прохожу мимо Джейка и Мелани. Они сидят на багажнике его машины, и Мелани утешает своего друга, который выглядит очень подавленным. У парня опущены плечи, и его вид вызывает у меня жалость и боль в сердце. Мне не нужно подслушивать их разговор, чтобы знать, о чем он. Этого не было бы, если б кто-то не решил устроить мне кровную месть. И если бы я не открыла свой большой рот. Несмотря на мнение Мелани, я не верю, что то письмо было написано Джейком. Это дело рук специалиста по реваншам.

Мелани пихает Джейка локтем, пытаясь поднять ему настроение. Но все бесполезно. По крайней мере, у него есть друг, который тратит свое время и терпение на поддержку. У Бари и Лео тоже есть друзья, и они помогут им пережить «Бал снежинок».

После школы я заезжаю за пышным изумрудно-зеленым платьем до колен, в котором, должна признаться, выгляжу довольно сногшибательно. По дороге домой заскакиваю к Фреду. Могу только представить себе атмосферу веселья и радости, с которой они подходят к праздникам. Семья Фреда из тех, кому нравится проводить время вместе и подпевать под радио во время поездок на машине.

Он открывает дверь в тапочках в виде оленей, и я протягиваю ему свое платье.

— Вот, что я одену на бал. Подумала, зеленый — это праздничный цвет и не так явно намекает на Рождество.

На его лице расплзается улыбка размером с экватор, и он притягивается меня к себе, чтобы поцеловать. Мы заходим в дом, и я жду возле лестницы, когда он покажет мне свой наряд. Фред берет со стола коробку и достает из нее носки в красно-белую полоску и такой же галстук. Мне даже становится почти стыдно за него.

— Мне... нравится.

— Это мой первый и последний праздничный бал. Так что все или ничего. — Еще один

взгляд на галстук и носки вызывает у меня желание проголосовать за последнее. Но глядя на сияющее лицо Фреда, я знаю, что мы оторвемся на славу. Если бы нас только видел специалист по реваншам.

Фред начинает жонглировать пластиковым фруктом из чашки в центре стола. Он так делает, когда сильно нервничает. Это может означать только одно.

— У меня новости. — Фред, продолжая жонглировать, подходит к кучке писем на кухонной стойке и берет толстый фиолетовый конверт. Я слышала много разных историй и мнений о поступлении в колледж, но единственное, с чем были согласны все — чем толще конверт, тем лучше новости.

— Я получил его, — спокойно произносит он.

В этом месте предполагается, что я должна вести себя как супер-пупер девушка. Иначе, это вызовет подозрения и причинит боль. Я прыгаю ему в руки и надеваю на лицо свое лучшее выражение «обнюхавшейся фанатки».

— Ты поступил! Поступил! — Крепко сжимаю Фреда в объятиях, а потом устраиваюсь на лестнице и усаживаю его рядом. — В Бартлетте только взглянули на твое заявление и сразу же большими буквами написали: «О, ДА».

Фред хихикает. Он настолько счастлив, что будет смеяться над чем угодно. Я тоже хихикаю, потому что его радость заразительна. На вскорее наше хорошее настроение развеивается, и мы просто смотрим друг на друга, пытаясь осознать эту новость.

— Мы еще на один шаг ближе, — с самым серьезным видом произносит он.

— К чему?

— К нашему генеральному плану.

— Какому плану? — краснея, спрашиваю я.

— Ты, я, Чикаго. Следующей осенью. Следующие четыре года. Готовься.

Мне следовало бы выглядеть воодушевленной. Ну какой девушке не захочется услышать такое от своего парня? Разве мы не жалуемся постоянно, что они не хотят связывать себя обязательствами? А вот Фред уже распланировал для нас следующие четыре с половиной года. Ему стоит прекратить выбивать почву из-под моих ног. Меня все устраивает, как есть.

Внезапно меня охватывает беспокойство, а к горлу подступает тошнота. Фред упомянул про генеральный план. Может, он имел в виду колледж, а не будущее для нас. Мне нравится строить долгосрочные планы, но они скорее представляют собой неопределенные надежды. Я хотела бы стать дерзкой городской штучкой и работать, например, на Манхэттене. В этот момент мысль о долгосрочном плане, который включает в себя такие элементы, как Фред, Бартлетт и срок в четыре года... ужасает меня. Будущее должно быть туманным и расплывчатым, а не известной величиной. Неужели мы забыли, что нужно наслаждаться настоящим?

Если у нас будет план, то я должна буду признаться в любви.

— Ну и где твое воодушевление? — спрашивает Фред. — Ты почему-то приуныла.

«Твой план напугал меня», — хотелось воскликнуть мне. Но почему я не могу этого сказать? Я не хочу, чтобы воздушный пузырь, в котором мы сейчас находимся, лопнул. Отношения могут быть такими крепкими, но хрупкими одновременно.

— Уверена, что с тобой все в порядке? — интересуется Фред.

— Я в порядке.

— Точно.

— Ага.

— Вот я идиот, — хлопает себя по лбу Фред.

Я вопросительно смотрю на него. Если такие здесь и есть, то это определено я.

— Ну я и придурок. Радуюсь по поводу Бартлетта, когда ты еще не получила ответ.

Теперь, когда он об этом упомянул, я начинаю нервничать: какого же размера конверт придет мне.

— Все в порядке. Я рада за тебя.

— Я знаю тебя, но также понимаю, как это все действует на нервы. Ты напугана? — интересуется он.

— Типа того. — Я знаю, что он имеет в виду поступление в колледж.

— Ты поступишь, — говорит Фред, обнимая меня за талию.

— Они отказывают большинству абитуриентов.

— Ты — не большинство. Ты умнее и лучше во многих отношениях. Это они должны тебе платить, чтобы ты посещала их учебное заведение.

— Скажи об этом моему папе.

Фред гладит меня по руке, отчего кожа покрывается мурашками. Это так мило, что я кладу голову ему на плечо. Мир растворяется вокруг меня, и мы просто молча стоим. Я знаю, почему хочу находиться рядом с Фредом. Мне нравится его запах и ощущение мозолистых ладоней на коже. Может, такой и должна быть любовь? Множество маленьких моментов, собранных в одно большое чувство.

— Можешь себе представить, что в следующем году мы уже будем учиться в колледже? — говорит Фред. — Моя мама сходит с ума по малейшему поводу. Это последний раз, когда я буду готовить тебе завтрак, а ты будешь помогать мне мыть посуду.

— Все меняется, — отвечаю я. И не важно, готовы мы к этому или нет.

— Все будет хорошо, — произносит Фред.

— Надеюсь на это.

На следующий день Уэйд, растолкав учеников, клеящих на стенах бумажные снежинки, подходит ко мне и, даже не поприветствовав, говорит:

— Я знаю, что ты задумала.

— Черт. Кто сказал тебе, что я иду на четвертый урок?

Я замираю, когда понимаю, что Уэйд не собирается шутить. Простой в общении мистер Калифорния, должно быть, принял пилюлю равнодушия и холодности.

— Передай Стиву, что у него нет шансов.

— Значит, Хаксли рассказала тебе о нашем визите? — интересуюсь я.

— Конечно. У нас нет секретов друг от друга.

Судя по всему, так оно и есть. Если бы Хаксли была заинтересована в восстановлении отношений со Стивом, то не стала бы распространяться об их встрече. Только не своему парню. Не то, что бы это имело значение, ведь я больше не специалист по разрывам, но именно так обычно появляются трещины в отношениях. С помощью секретов ты медленно уничтожаешь доверие между двумя людьми.

— Тебе нужно остановиться.

— Послушай, если вам с Хаксли суждено быть вместе, то вы и будете вместе.

— Только не когда кое-кто манипулирует нами, чтобы разлучить.

— Я не делала ничего подобного! — Мой голос разносится по всему коридору. — Стив просто хотел поговорить с Хаксли. Я помогла им встретиться. Я больше не занимаюсь разбиванием пар.

— Знаешь, а ведь я могу сделать тебя персоной нон-грата во всех универмагах и аптеках «Ферфакс» в Америке.

Я закатываю глаза и быстрым шагом направляюсь к своему шкафчику, но Уэйд обгоняет меня. Я начинаю немного беспокоиться, но его глаза умоляют меня остановиться.

— Хаксли счастлива со мной. Разве этого недостаточно?

— Достаточно для чего?

— Чтобы оставить нас в покое.

— Стив просто хотел поговорить. У них остались незаконченные дела.

— Нет. Не остались, — не отступает Уэйд. На его лице целая гамма эмоций, и я чувствую себя так, будто с меня снова сняли маску специалиста по разрывам.

— Я люблю ее, — говорит он. — Прости, если это не является частью твоего плана.

— Уэйд.

— У тебя ведь есть парень. Я думал, что уж ты-то меня поймешь.

Я резко заворачиваю вправо и только через несколько шагов понимаю, где нахожусь. Главное — оказаться подальше от Уэйда. Вот что имеет значение. Приходится сделать круг по школе. По крытому переходу в крыло для младшекласников, где проходили мои первые уроки, вниз по лестнице мимо телевизионной студии, где я помирила Хаксли и Стива, мимо художественного класса, в который мы с Вал частенько пробирались, чтобы поговорить о парнях, мимо математического класса, где я постоянно удивлялась тому, как мистер Кэлхоун рисует идеальный круг одним-единственным взмахом руки, и мимо зала, где прошло множество бесполезных собраний. Я очень хорошо знаю это место. Нравится оно мне или нет, но это мой дом.

Я возвращаюсь к своему шкафчику и почему-то замираю. Такое чувство, как будто с другой стороны меня ожидают плохие новости. Как только я открываю дверцу, на пол падает письмо. Проверяю замок, но на нем нет признаков взлома. Значит, не обошлось без V56.

На крючке для верхней одежды висит маленький букетик, который обычно прикалывают к корсажу.

«Бекка, желаю тебе хорошо повеселиться в пятницу. Определенно будут фейерверки. Жаль, что твои отношения не продлятся до последнего медленного танца. С любовью, специалист по реваншам».

ГЛАВА 24

— Ну а что ты теперь скажешь?

Пока Фред читает последнюю записку от специалиста по реваншам, я наблюдаю за его реакцией и пытаюсь проанализировать её: поднятые брови, слегка склонённая голова и полуулыбка на лице. Все вместе ни о чем не говорит.

— Интересно, — говорит он, складывая записку и отдавая её мне.

— Интересно? И это все?

— Ну, немного жутко. — Фред вытирает кетчуп с уголков губ. Мы сидим напротив окна

«У Венди», откуда нам открывается замечательный вид на парковку торгового центра.

Я подношу записку к глазам Вал, потому что её руки испачканы в соусе от бургера.

— Ничего себе!

Вот это, я понимаю, реакция.

— Этот человек явно безумен, — говорит она, вытирая ладони салфеткой, которая и так уже покрыта пятнами кетчупа и майонеза. — Как думаешь, какой у него план? Может вас, ребята, убьют?

— Как мило Вал. Надеюсь, что нет.

Мне казалось, Фред начнёт переживать, придумает план или заметит то, на что я не обратила внимания в своём расследовании, но вместо этого он вытряхивает на поднос остатки картошки фри и начинает опускать его во «Фрости».

— И это все?

— Ну, я не собираюсь макать его во «Фрости» и кетчуп одновременно. Это слишком, — говорит Фред, засовывая сразу четыре дольки в рот. — Бекка, если ты переживаешь по поводу этого таинственного человека, то я — нет.

— Почему?

— Потому, что единственные люди, которые могут разбить нашу пару, — это мы сами, — пожав плечами, отвечает он. Как Фред может чувствовать себя настолько уверенно, если знает, что даже самые крепкие пары можно расстроить?

— Этот человек опасен. В буквальном смысле этого слова. Нас могут опоить, подставить, выведать какие-нибудь темные секреты или просто убить.

Фред опять пожимает плечами и крадет парочку долек картошки с моего подноса.

— А ты не думаешь, что если хоть один из этих сценариев осуществится, то мы будем считать виновником специалиста по реваншам, а не друг друга?

— Именно этого он и хочет.

Наконец Фред поднимает на меня взгляд, в котором явно читается, что он переживает.

— Ты и правда полагаешь, что этот человек сможет нас перехитрить или, если точнее, перехитрить тебя?

Его вопрос повисает в воздухе. Фред знает, как остудить меня одним-единственным предложением. Вот к чему, в конце концов, сводится последняя угроза. Кто умнее? Я или специалист по реваншам?

— Он не сможет разлучить нас. — Фред касается моих ладоней своими жирными, покрытыми «Фрости», пальцами. — Мы сильнее этого, и я люблю тебя.

— Аххх! — восклицает Вал, допивая остатки газировки.

Фред продолжает пристально смотреть на меня, но в его глазах вспыхивают искорки раздражения. За столом воцаряется неловкий момент.

— Пойду, долью себе диетической колы. — Вал не спрашивает нас о наших напитках. Даже она чувствует напряжение и хочет дать деру.

Мы с Фредом продолжаем молчать. Это не столько молчание, сколько вопрос, на который он ждет ответа.

— Я пока не знаю, — говорю я ему.

— Уже прошло почти два месяца. Ты когда-нибудь будешь знать?

Еще один вопрос, на который нужно дать ответ.

— Я хочу быть уверенной в том, что говорю, произношу я, опуская дольку фри в кетчуп. Именно такое объяснение я давала ему и раньше, но понимаю, что Фреду хочется большего.

Почему я не могу этого сделать? Может, ему стоит дать мне время самой прийти к каким-то выводам, а не давить на меня? — Что за спешка? Мы встречаемся только пять месяцев. У меня такое чувство, что ты пытаешься сотворить идеальные романтические моменты своими руками, в то время как они должны произойти сами по себе.

— А они произойдут?

— Хорошо, Фред, — говорю я, открывая календарь на телефоне. — Я планирую признаться тебе в любви седьмого января, приблизительно в семнадцать часов тридцать пять минут. Этого ты хочешь?

— Я просто хочу знать... — Фред проводит рукой по волосам, приводя их в беспорядок.

— Ты хочешь знать, что не трратишь свое время впустую. И нет, ты его не трратишь. — Это самое большое, что я могу ему ответить во время ланча «У Венди». — Как ты и сказал, мы сильнее этого.

Фред кивает головой и, быстро улыбнувшись мне, принимается доедать остатки своего ланча. Вскоре возвращается Вал и рассказывает историю о драке, которая произошла в ее классе во время второго урока. Мы смеемся и комментируем ее, но напряжение продолжает висеть над нашим столиком до конца ланча.

Людам нравятся драки. Это ведь драма в самой чистой и животной форме. Несмотря на обилие видео и фотографий, посвященных драке на прощальной вечеринке Стива, я избегала просматривать их во время своего расследования. Не хочу видеть, как Хаксли кого-то бьет. Но у меня остается совсем мало времени, а таинственная девушка — единственная ниточка к специалисту по реваншам.

Я сворачиваюсь в клубок и, благодаря многочисленным зрителям, изучаю драку с разных ракурсов. Слышать о ней — это одно, но видеть своими глазами и знать, что одна из девушек... Что ж, это один из реалистичных моментов, которые заставляют меня скучать по зрелищности реалити-шоу.

Как только их застают, таинственная девушка незамедлительно пытается уйти. Она проталкивается мимо Хаксли и направляется к входной двери. Ею целью был не Стив, она просто хотела, чтобы их застали вместе. Если бы ей нравился сам парень, она попыталась бы связаться с ним вновь.

Девушки уже стоят на входе в гостиную, и в этот момент Хаксли толкает соперницу в спину, прижимает к дивану, вырывает у нее из рук сумочку и бросает ее на пол. Никогда не видела свою подругу такой злой: в глазах полыхает ярость, а от кожи практически поднимается пар.

Все присутствующие сбиваются в круг. Девушка начинает подбирать с пола свои вещи. До меня доносится чей-то шепот и крик одного из парней о том, что им нужен бассейн с желе. Наступает кульминация шоу. Та, которая эти люди никогда не забудут.

К сожалению, уже второй раз за последний год жизнь Хаксли разваливается на части на потеху публике.

— Это не справедливо, — говорю я сама себе. Кто-то постоянно вмешивается в ее жизнь. Они со Стивом даже не могут поспорить без чьего-то вмешательства.

Она и в самом деле, как марионетка.

Мне, наверное, стоило бы оставить Хаксли в покое и позволить ей встречаться со

Уэйдом. Но она должна знать всю правду. И я ей в этом помогу.

Это мой долг.

Я заново просматриваю драку, но уже с другого угла, который позволяет мне хорошо разглядеть лица. Никогда не видела Хаксли такой злой: у нее как будто расплзлось лицо и каждая эмоция, которую она так долго прятала, наконец-то выбралась наружу. Сжав зубы, Хаксли вырывает сумочку из рук девушки. Неожиданно я что-то замечаю, поэтому начинаю проигрывать видеозапись снова и снова. Не знаю, поможет ли это, но хоть какая-то зацепка. А учитывая, что танцы будут завтра, мне понадобится любая, даже самая незначительная мелочь.

Я заезжаю к Стиву, и мы неловко обнимаемся. Все-таки между нами нет никакой дружбы.

— Можно я осмотрю место преступления? — шутливо интересуюсь я.

— Ну, если надо.

— Хочу проверить, не оставила ли таинственная девушка каких-нибудь улики. — Я осматриваю гостиную поверх его плеча и сразу же отмечаю то, что диван выглядит куда удобнее вживую, чем на видео.

Стив делает шаг в сторону, давая добро.

— Не знаю, найдешь ли ты хоть что-нибудь. Мы много раз убрались после вечеринки.

Проклятье. Он прав. Прошло уже несколько месяцев, а его семью сложно назвать неряшливой. Но, раз уж я здесь...

— Посмотрим! — Я медленно обхожу гостиную, заглядываю под столики. Проверяю деревянные стеллажи, на которых стоят книги и фотографии клана Оверлэндгов. Внимательно осматриваю ковер, присаживаюсь и провожу по нему пальцами. Прохожусь ладонью под книжной полкой. Ничего.

— Что ты ищешь?

— Хаксли вырвала из рук таинственной девушки сумку, и все рассыпалось по полу. Может, она что-то не подобрала?

Стив присаживается рядом со мной.

— Как я уже сказал, мы тщательно убрались после вечеринки, и я не находил никаких удостоверений личности или что-то в этом роде.

— А под диваном? — спрашиваю я. Уверена, под диваном семьи Вильямсонов можно запросто обнаружить старые соски. Стив мгновенно улавливает мою мысль.

— Швабра под него не пролазит, а двигать тахту никому не хочется, — говорит он.

Мне кажется смешным, что футбольная звезда уровня Стива использует такой термин, но я не могу позволить себе рассмеяться. Мой мозг начинает активно размышлять.

— Именно здесь Хаксли и вырвала сумку. Мы можем его подвинуть?

— Конечно!

Я убираю с дороги кофейный столик, а потом мы передвигаем диван на несколько футов и обнаруживаем на его месте прямоугольник из грязи, пыли и осколков. Неплохо было бы пройти тут с пылесосом.

Тем не менее, под слоем всего этого я замечаю розовую карточку. Во имя справедливости погружаю пальцы в мусор и достаю ее оттуда.

При взгляде на нее на моем лице расплывается дикая улыбка, которую обычно любят демонстрировать люди в смиренных рубашках.

— Что это? — спрашивает Стив.

Карточка постоянного покупателя из «Йогурт-стэнд» в Уоррене. Набираешь восемь штампов и получаешь один маленький стакан замороженного йогурта бесплатно. На этой карточке шесть штампов. Твоя семья когда-нибудь там была?

— Нет, никогда.

— Кому из нашей школы могли бы проставить шесть штампов в киоске, который находится в часе езды от Ашлэнда?

Стив улыбается, понимая, к чему я клоню.

— Никому.

Я снова в игре и чувствую, как все кусочки пазла вновь приходят в движение.

— Кажется, мы только что обнаружили город, в котором проживает таинственная девушка.

ГЛАВА 25

На комод, переливаясь голубым и фиолетовым, лежит билет на «Бал снежинок». Интересно, какому бедному младшекласснику пришлось их украшать? Хорошо, что в день бала выпускникам разрешено покидать школу раньше обычного, чтобы сделать прически и накраситься. (*Парни тоже уходят пораньше, чтобы, как я думаю, поспать или поиграть в видеоигры*). Это знак, что мне суждено найти таинственную девушку сегодня.

Я спускаюсь вместе со своим платьем на кухню. Не волнуйтесь, оно в чехле. Мама сидит за столом и отгадывает кроссворд.

— Черная комедия братьев Коэнов 1996 года? — спрашивает она меня.

— Знаешь, можно ведь просто погуглить, — отвечаю я, готовя себе кофе.

— Это жульничество.

— А спрашивать об этом у меня?

— Не нужно ехидничать, Бекка, — говорит мама, и мы обмениваемся понимающими ухмылками.

Горячий кофе разливается по моему телу, согревая его. Я пока не готова к зиме. Как, в принципе, и всегда.

— Мам, а что ты думаешь по поводу того, что Диана передумала переезжать в Нэшвилл?

— А она уже решила? — отрываясь от газеты, спрашивает мама.

— Официально, нет, но, судя по всему, она собирается остаться ради Брока. — В том, как я произношу его имя, есть доля отвращения. Нет, не к самому Броку, а к его идеализированной Дианой версии, которая и оказывает влияние на ее решение.

— Я уже давно поняла, что твоей сестре нужно жить своей жизнью и принимать собственные решения. Как мать, я знаю, что приходит время, когда такие вещи перестают быть под твоим контролем. Однажды дети становятся взрослыми. Хорошо, что у меня пока еще есть время с тобой, — подмигивает она мне. — Но знаешь, мы с отцом познакомились с Бромом, и он показался нам хорошим парнем, который сходит с ума по твоей сестре. Так что все могло бы быть гораздо хуже.

Мы вновь обмениваемся понимающими ухмылками. На прощание я целую ее и сажусь в машину. Несколько минут уходит на то, чтобы в салоне потеплело. На приборной доске мигает лампочка замены масла, и я практически вижу, как Брок, улыбаясь, говорит мне, что беспокоиться не о чем.

С потолка свисают бумажные снежинки, и по-настоящему высоким парням приходится смахивать их со своих голов.

Все говорят только о танцах, и это я еще не дошла до классной комнаты. В воздухе веет возбуждением, ведь сегодня один из немногих дней в старшей школе, когда мы можем нарядиться и представить себе, что живем волнующей, восхитительной и экстравагантной жизнью.

Когда я открываю свой шкафчик, то заразное настроение ожидания праздника, которое охватило и вашу покорную слугу, умирает в чудовищных муках.

Меня ожидает еще одна записка.

«Готова к танцам? Надеюсь, ты воспользуешься водостойкой тушью. С любовью, специалист по реваншам».

Скомкав записку, бросаю ее обратно в шкафчик.

Надеюсь, это ты готова.

— Нам нужно кое-что обсудить. — Неожиданно передо мной появляются Фред и Вал. Они, определенно, тоже охвачены танцевальной лихорадкой. — Вал, когда нам подойти, чтобы сфотографироваться.

— Не знаю. В шесть будет нормально.

— Хорошо, будем в пять сорок пять. А в твоём доме есть симпатичное местечко для снимков?

— Да, на веранде.

— Отлично! Все будет просто изумительно, — восклицает Фред, обнимая меня за талию.

— Во сколько ты идешь в салон? — интересуется Вал. — Я — в половину второго.

— Мне нужно кое-куда съездить, как только нас отпустят, — отвечаю я, не отрывая взгляд от закрытого шкафчика.

— Куда?

Можно было бы соврать и сказать, что мне необходимо выполнить поручение от мамы, но я слишком взволнована из-за улики, которая может привести к таинственной девушке, а стало быть, и к специалисту по реваншам. Передо мной уже маячит победа.

— В Уоррен.

— А разве это не у черта на куличках? — спрашивает Фред.

— Я поеду по восьмидесятому шоссе. Все не так страшно.

— А что там?

— У меня, наконец, есть кое-какие подвижки в поиске специалиста по реваншам.

Фред сразу же закатывает глаза.

— Только не это! — восклицает он, засовывая руки в карманы.

Знаю, если он услышит это словосочетание еще раз, то может по-настоящему разозлиться. Но я ничего не могу с собой поделать. На кону стоит моя репутация и жизнь. С ними так никогда не играли.

— Прости, но для меня это важно. Я должна узнать, кто этот человек. Что, если они захотят причинить мне больший вред, чем сейчас?

Я смотрю в его глаза, пытаюсь найти в них хоть немного веры в меня. Мне не удастся сделать все самой. Я должна знать, что он поддерживает меня.

— Я вернусь вовремя, и мы сфотографируемся, — произношу я, целуя Фреда. — Обещаю.

Обычно мне нравится, когда мы молчим, но только не в этот раз.

— Я иду с Мэнни. И никаких язвительных комментариев по этому поводу. — Вал тычет пальцем мне в лицо, но я замечаю, что за этой шуткой скрыта легкая нервозность.

— Обещаю и это.

Наконец, Фрэд неохотно целует меня в щеку и говорит:

— Задай сегодня этому специалисту по реваншам жару.

— Тук, тук.

Я стучусь в дверцу шкафчика по соседству с шкафчиком Джуди, отчего та резко подпрыгивает и поворачивается.

— Бекка?

— Ты все еще хочешь мне помочь?

— Не знаю. Я занята. — Джуди пытается держаться холодно, но я вижу, как ее начинает распирать от возбуждения. Ей стоит поработать над этим.

— Может, у тебя все-таки есть время на одно задание?

Она заглатывает наживку.

— Правда?

— Можешь проверить это для меня? — говорю я, передавая ей свернутую записку.

Джуди изучает ее содержимое, впиваясь взглядом в каждую деталь.

— Бекка, я не знаю. Это... Я не знаю, как это делать.

— Работа инженера отношений состоит в основном из расследований. Не гламурных, требующих много времени, неприятных расследований. Но это — ключевой элемент, необходимый для того, чтобы свести пару.

В ее глазах загорается надежда, будто она маленькая девочка, а я Санта. Неужели и я была так же полна энергии на первом курсе? Как мило. Я складываю руки на груди и пристально изучаю Джуди с головы до пят.

— Мне можно доверять тебе?

— Почему ты просишь меня о помощи сейчас?

— Потому что в данный момент, ты, вероятно, единственный человек, который считает, что я знаю, что делаю.

Она, наверное, в сотый раз перечитывает записку и уверенно кивает мне.

— Ты можешь рассчитывать на меня.

— Я очень надеюсь на это.

Там, где я живу, очень просто забыть о Пенсильвании. Ашлэнд находится прямо за Нью-Йорком. Мы настолько связаны с этим городом, что считаем себя пригородом Манхэттена. Никто и никогда даже не говорит о том, чтобы поехать в Пенсильванию. Восточная часть нашего штата кажется совершенно другим миром, как юг, где проживают фермеры.

Уоррен находится на границе Пенсильвании. По мере того, как я еду по восьмидесятому шоссе, пейзаж становится все более сельским. Главное украшение города — это величественное кирпичное здание суда в окружении витрин магазинчиков. Оно стоит на холме, с которого открывается вид на реку Делавэр. Все здания построены из красного кирпича, кроме универсама «Ферфакс» на углу, бесстыже ослепляющего своей современной роскошью. Последние лучи заходящего солнца опускаются на воду, напоминая мне о красоте родного штата.

«Йогурт-стэнд» оказывается на удивление людным местом, учитывая, что на улице уже холодно. Полагаю, люди всегда не прочь отведать замороженного йогурта, даже не смотря на температуру. У девушки за кассой на левой щеке целая россыпь прыщей, а весь ее вид говорит о том, что она хотела бы оказаться где угодно, но только не здесь.

— Привет! — говорю я. — У меня вопрос.

— Стаканчики и рожки находятся в самом начале пункта самообслуживания.

— Нет, я не про это...

Она тычет пальцем на образцы стаканчиков.

— И не про это.

— Вся безглютеновая продукция имеет соответствующую маркировку.

— Не сомневаюсь, но я кое-кого ищу. Она довольно часто посещает это место, — произношу я, вытаскивая из кармана карточку постоянного покупателя. — Она оставила карточку у меня дома, и мне хотелось бы вернуть ее.

— Ну и почему бы вам этого не сделать? — монотонным голосом интересуется кассир.

— Это может показаться смешным, но я не уверена, кто именно эта девушка.

— Но вы сказали, что она была в вашем доме.

— Это сложно объяснить.

— На мой взгляд, нет.

— Ну, на самом деле вы неправы, — практически кричу я. Хорошо, Бекка, она тебя достала. Но нужно продолжать работать. Я показываю ей снимок на телефоне. — Вы ее знаете?

Девушка бросает мимолетный взгляд на фотографию и отвечает:

— Нет.

— Уверены?

— Да.

— Но вы же даже на рассмотрели ее, а говорите так уверенно.

— Я никогда не видела ее раньше.

— Как давно вы здесь работаете? — Я продолжаю держать перед ней снимок, но она не обращает на него никакого внимания.

— Слишком давно.

— А не могли бы вы позвать управляющего, может, он или она знает?

— Нет, не могу. Вы планируете что-то покупать или нет? Мы только что приготовили

новую партию мятного йогурта, с которым хорошо пойдут имбирные пряники.

Я отступаю в сторону, чтобы она могла обслужить пожилую женщину. Как только та уходит, я сразу же возвращаюсь на прежнее место. Интересно, кем бы она была в Ашлэнде? И вообще, заметил ли бы ее мой социальный «радар»?

— Это часть моего расследования, — говорю я.

— Тогда покажите ваш значок, — отвечает она, стуча пальцами по кассовому аппарату.

— Я оставила его в машине.

— Если б он у вас был, вы бы показали его, когда вошли. Я пересмотрела кучу криминальных сериалов. — Девушка злобно смотрит на меня, продолжая постукивать.

Мы молча пялимся друг на друга, но она не сдается. Судя по всему, «Йогурт-стэнд» и правда ценит своих клиентов.

— Послушайте, она пропала, и я...

— Значок!

— Я хотела бы переговорить с управляющим!

Закатив глаза, что, наверное, является привычкой раздосадованных работников розничной торговли, она, наконец, зовет его. Выходит мужчина в белой рубашке с коротким рукавом и розовой «бабочкой».

— Чем могу помочь, мадам?

— Она ищет того, кого не знает, но кто был у нее дома, чтобы вернуть карточку постоянного покупателя, — хихикнув, произносит кассир.

— Я ищу девушку. Любая информация, которую вы имеете, будет очень полезной.

Управляющий и наглая особа обмениваются скептическими взглядами. Я, затаив дыхание, жду.

— Она спит с моим парнем, и я хочу найти эту сучку.

— Ой, — говорит девушка. — Почему вы сразу об этом не сказали? Я видела ее здесь однажды. Ей нравится украшать свой йогурт.

— Она часто заходила сюда летом, — добавляет управляющий. — И читала биографию Мерил Стрип. Я хорошо это помню.

— Помните? — переспрашивает его кассир.

— Мерил Стрип — величайшая актриса нашего поколения. Ты смотрела «Силквуд»?

— А еще что? — улыбнувшись ему, говорю я.

— Ну, «Крамер против Крамера», «Выбор Софи», «Адаптация». Мне даже нравится «Смерть ей к лицу».

— Я про девушку, читавшую книгу.

Он пытается что-то вспомнить, а потом восклицает:

— Книга вроде была из библиотеки, потому что на ней была пластиковая обложка. Может, там ее знают?

Я благодарно киваю ему головой. Ну вот, уже что-то. Немного, но хоть так. С этой информацией можно работать.

«Опаздываю. Не думаю, что успею к фотографированию. Встретимся на балу. Мы отлично проведем время».

Уорренская библиотека — это старое здание в колониальном стиле, которое находится в переулке за площадью. Каждый шаг в помещении отдается скрипом, как будто это башня Дженга, которая вот-вот рухнет. В зал библиотеки ведет длинный узкий коридор, на стенах которого находятся доски объявлений, полностью увешанные афишами и флаерами. Я поднимаюсь по шаткой лестнице к полке, посвященной кинематографу, и нахожу одну и, надеюсь, единственную биографию Мерил Стрип.

— Здравствуйте. А не могли бы вы сказать, кто еще брал эту книгу? — спрашиваю я библиотекаря самым дружелюбным и юным голоском, который смогла из себя выдать. А потом два раза моргаю, чтобы выглядеть еще более невинной.

— Прости, деточка. — Библиотекарь оказывается такой же древней, как и само здание. — Боюсь, я не могу тебе с этим помочь, — говорит она, поправляя очки с толстыми линзами.

— Пожалуйста. Мне нужно найти последнего человека, который читал эту книгу.

— Прости. Мне запрещено распространять личную информацию.

— Но это же не личная информация. Просто имя. — Меня охватывает отчаяние. — Обещаю, что не расскажу никому. Я из Ашлэнда, вот мое водительское удостоверение. Я ехала сюда больше часа. Мне нужно только имя.

— Меня зовут Эдит. — Женщина тепло улыбается мне, но даже не двигается с места. Ни дать, ни взять «железная» бабушка. А я считала, что в маленьких городках живут приветливые и милые люди.

Но я не могу просто так уйти. Я чувствую, что так близка к завершению поиска.

— Эдит, меня зовут Бекка. Пожалуйста, — говорю я, склоняясь над ее столом. — Вам же достаточно двух секунд, чтобы узнать имя. Две секунды. Одно имя. И я оставлю вас в покое. Пожалуйста.

Неожиданно меня кто-то хватает за локоть. Это оказывается охранник, на удивление сильный пожилой мужчина с густыми усами.

— Мисс.

Ему не нужно больше ничего говорить.

Игра закончена.

Придется начинать все сначала.

Он ведет меня по узкому коридору на выход. Мы уже почти у двери, когда я замечаю что-то или, вернее, кого-то на доске объявлений.

— Мисс, — снова произносит охранник, но я прошу у него минутку и пристально рассматриваю афишу спектакля «Много шума из ничего» Уорренского Общественного Театра. Девушка, исполняющая роль Геро, выглядит ужасно знакомой.

Она читала биографию Мерил Стрип, потому что хочет быть актрисой.

Я вытаскиваю телефон, нахожу фотографию таинственной девушки и прикладываю ее к афише. Идеальное совпадение. Внизу маленькими буквами напечатан список актёров. Роль Геро играет Лара Невинс.

Я начинаю смеяться тоненьким голосочком. Словно надышалась гелия на пижамной вечеринке. Пробую прикрыть рот, но у меня не получается остановиться. Как будто жители Уоррена уже и так не считают меня сумасшедшей.

Премьера спектакля ожидается сегодня. Невероятная удача.

— Вы в порядке? — спрашивает меня охранник.

Мне трудно говорить и хихикать одновременно, но все же я отвечаю:

— Да.

ГЛАВА 26

«Надеюсь, ты уже надел туфли для танцев. Я скоро буду!».

В Уорренском общественном театре сегодня суeta. Опоздавшие направляются к своим местам. Надо мной мигает свет — вежливый способ сообщить всем, что пора уже тащить свои задницы во внутрь. Мимо меня проходят люди, а я брожу по кругу. Не знаю, куда иду, но мне точно нужно попасть за кулисы.

Следую за пожилой парой, от которой пахнет как на похоронах моего дедушки. Прохожу через вестибюль, надеясь, что мне встретится нужная дверь, которая только и ждет, чтобы ее открыли.

Гаснет свет, и я захожу в зал, чтобы посмотреть на действие. Именно тогда и замечаю маленький оркестр перед сценой. Они начинают исполнять увертюру и, несмотря на необходимость найти Лару Невинс, в этот момент я могу думать лишь о сияющем от восхищения лице Фреда.

Увертюра, его любимая часть.

Восхищение, надежда, предвкушение того, что ожидается что-то невероятное и захватывающее.

Фреда не сложно заставить улыбаться, но выражение его лица на «Щелкунчике» намертво впечаталось мне в память. Оркестр продолжает играть, а из-под кулис просачивается свет. Я не прекращаю представлять себе реакцию Фреда. Внезапно я понимаю, как мне нужен его оптимизм, чтобы уравновешивать свой цинизм. Мы как «инь» и «янь» друг для друга. Я не занималась инженерией этих отношений, но мне нравится, что они настолько идеальны.

— Я люблю Фреда.

Черт возьми. Эти слова вылетели из моего рта, но мне не хочется забирать их обратно. Я хочу, чтобы они жили, потому что в данную секунду ничего в этом мире не кажется более правильным.

— Я люблю его, — снова произношу я, и пожилая пара шикает на меня.

Я хочу танцевать с Фредом. Хочу увидеть его в смокинге и носках в красно-белую полоску.

Как только занавес поднимается, я разворачиваюсь и выхожу в коридор. За стойкой чересчур дорогого буфета нахожу кем-то оставленную папку-планшет и изучаю ее на предмет того, как можно попасть за сцену.

— Судя по всему, ты не слишком занята. — Ко мне подходит деловая женщина с папкой и беспроводным микрофоном на голове. — Какие у тебя обязанности?

— О нет. Я не... — Перевожу взгляд на свою папку. Нет смысла упускать такую возможность. — Я ищу Лару Невинс.

— Зачем?

— Ее родители попросили меня передать ей сообщение.

— Они могут это сделать во время антракта. Пошли за кулисы.

Я поспешила пройти за ней в скрипучую скромную дверь и окунулась в атмосферу шума и гула.

Мне приходится обойти трех женщин в пышных платьях, которые фотографируются перед выходом на сцену. Я изучаю все таблички на дверях, пытаюсь найти гримерные.

За кулисами происходит столько всего, что у меня начинает кружиться голова. Я сажусь на стул сбоку от сцены.

— Этот стул не для тебя, — рывкает мисс Деловая женщина. Я вскакиваю.

— Простите, но мне нужно обойти вас, — говорит какая-то актриса. На ней юбка с кринолином и ей правда нужно, чтобы я ее пропустила. Мы встречаемся взглядами, и у меня сжимается желудок.

Лара Невинс.

Мне хочется хоть что-нибудь сказать, но в голове начинают крутиться столько мыслей, а времени совсем нет. Она ждет, когда я заговорю, и когда я собираюсь уже открыть рот, мисс Деловая женщина хватает меня за рукав и дергает, позволяя объекту моих поисков пройти к сцене.

— Лара, твой выход, — говорит она.

Судя по фильму Джосса Уидона, роль Геро должна быть небольшой. Но Лара до сих не вернулась со сцены. На самом деле, за кулисами как-то подозрительно пустынно.

— А где все актеры? — спрашиваю я мисс Деловую женщину, которая называет мне свое имя — Джанин — и должность — помощник режиссера.

— Арло, ты что, ей ничего не рассказал? — спрашивает она.

— Нет.

— По задумке режиссера все артисты остаются на сцене до конца спектакля. Они сидят на черных раскладных стульях позади разворачивающегося действия. — Я пытаюсь заглянуть за кулисы, но Джанин одергивает меня. — Нельзя. Тебя увидят зрители, идиотка.

— Простите.

— Он хотел, чтобы публика прочувствовала, что значит иметь зрителей, и таким образом усилить мелодраматичность сюжета. — Джанин пересчитывает количество актеров на сцене и сверяет его с цифрой в своей папке. Все ее жизнь в этом маленьком прямоугольном куске пластика. — Это все претенциозное дерьмо, но мне же легче.

Меня охватывает паника.

— Когда же актеры покинут сцену?

— Только во время антракта, — отвечает Джанин, не отводя взгляда от происходящего за кулисами.

— А когда он будет?

— Где-то через полтора часа.

Вот дерьмо. Мои мечты о «Бале снежинок» начинают быстро рассеиваться. Стоило бы просто уйти, но я уже зашла слишком далеко и не собираюсь позволять театральной постановке диктовать, как мне жить. Когда Джанин убегает, чтобы поругать рабочего сцены, я пробираюсь на сцену.

Сажусь на корточки и «гусиным» шагом передвигаюсь позади задних рядов стульев, на которых сидят актеры. Двое из них, мужского пола, украдкой гладят друг друга по спине. Лара устроилась в самом конце ряда и внимательно прислушивается к тому, что происходит на сцене.

Я дергаю ее за юбку. Она отклоняется назад, не отрывая глаз от действия.

— Чего? — шепчет она.

Настал мой черед что-то говорить. Это неудобно, но меня поджимает время. Иногда

нужно быть просто сучкой. Вытаскиваю мобильный и нахожу скриншот, на котором она подсыпает снотворное в стакан Стива.

— Это ты? — спрашиваю я, держа телефон так, чтобы ей достаточно было опустить голову и увидеть его.

У нее мгновенно меняется выражение лица, а в глазах появляется ужас. Другого подтверждения и не требуется.

— Я отлучусь на секундочку? — шепчет она своим коллегам, а потом тоже приседает на корточки и направляется в боковую часть сцены.

Я следую за ней. Не знала, что могу заставить кого-то так нервничать. Признаться, я считала, мне это понравится, но, наверное, я все же мягче, чем мне хочется думать.

— На фотографии не я.

— Тогда почему мы сейчас здесь? — интересуюсь я.

— Как ты меня нашла?

— Упорным трудом.

Беззаботного, кокетливого поведения, которое она демонстрировала на видео, как будто никогда и не было. Лара начинает грызть ногти.

— Я участвую в следующей сцене.

— Расскажи, что знаешь, и можешь идти, — сложив руки на груди, твердо говорю я.

— Мы со Стивом были пьяны. Я плохо помню тот вечер. — Она закрывает лицо ладонями — Не могу поверить, что подсыпала ему те таблетки. Он в порядке?

— Физически — да. Душевно — в шоке.

— Я так нервничала. Затащила его в спальню и все ждала и ждала, когда нас обнаружит Хаксли. Мне так хотелось поскорее убраться оттуда.

— Зачем ты это сделала?

Она осматривается по сторонам, чтобы убедиться, что рядом с нами никого нет.

— Мне были нужны деньги.

— Зачем? Ты же актриса! У тебя главная роль в спектакле.

Она бросила на меня взгляд а-ля «приди в себя, детка».

— У меня второстепенная роль в постановке общественного театра.

Страдальческое выражение лица и боль в глазах только подчеркнули ее слова. Тут нет никакого сложного и продуманного плана. Для таких людей, как Лара, некоторые вещи сделать очень просто.

— Кто тебя втянул в это?

— Не знаю.

— Не знаешь или не хочешь говорить?

Наш разговор прерывает Джанин. Ее лицо похоже на жирный перезревший прыщ, который нужно срочно выдавить.

— Лара, что ты делаешь? Возвращайся на сцену! Твой выход через шестьдесят секунд.

— Мне нужна минута, Джанин, — твердо отвечает она.

— У тебя только пятьдесят секунд, — еще тверже произносит помощница режиссера.

Никто не спорит, поэтому она уходит, продолжая что-то бурчать про себя.

— Послушай, со Стивом все в порядке. — Я не хочу обвинять ее. Мне нужны ответы, а не возвания к морали. — Ты можешь сказать что-нибудь о человеке, который нанял тебя? Человеке, который собирается снова нанести удар сегодня.

— Не могу, — выкручивая свои руки, говорит Лара. На ее лице поверх макияжа блестят

капельки пота. — Кто-то опубликовал объявление на «крейгслист» в поисках девушки, которая должна была посетить вечеринку в Ашлэнде. Все было оговорено через электронную почту.

— Если они заплатили тебе с помощью PayPal, мы, вероятно, сможем отследить номер счета или адрес электронной почты.

— Мне заплатили не онлайн. — Лора пристально смотрит на сцену, но, кажется, что она сейчас где-то очень далеко. — После окончания старшей школы у меня были грандиозные планы. Я собиралась переехать в Лос-Анджелес, чтобы стать актрисой или хотя бы попытаться. Забавно, как все повернулось.

— Двадцать секунд, — полупшепотом полукриком произносит Джанин. — Тебе нужно выходить, сейчас же.

— Деньги прислали по почте в конверте без обратного адреса, — повернувшись ко мне, говорит Лара.

— Сколько?

— Тысячу долларов.

Вау. Специалист по реваншам умеет вести дела.

— Ты сохранила конверт?

Она качает головой.

— Прости, я больше ничем не могу помочь. — Лара подходит к краю сцены и поправляет свой наряд, готовясь к выходу.

— Знаешь, что самое грустное? — говорит она. — Мне заплатили даже не наличкой. Тот, кто опубликовал то объявление, сказал, что вместо денег даст подарочные карты «Ферфакс». Тысяча баксов подарочными картами из аптеки. Опоить человека и разрушить его отношения. Как я могла так поступить?

Лара возвращается на сцену.

Джанин кричит мне, что из-за моих фокусов я больше никогда не смогу работать в не состоящем в профсоюзе театре Северного Нью-Джерси. Я вручаю ей папку и иду на выход. Лишь подойдя к машине, я смогла выдавить из себя единственное слово:

— Уэйд.

ГЛАВА 27

«Еду! Буду через час!!».

Как только выезжаю на шоссе, сразу же отправляю сообщение Фреду и Вал. Каждый раз, когда моя нога вдавливает педаль газа, я представляю себе лицо Уэйда. Чтобы он ни планировал, я делаю это лучше.

Еду по пустой полосе трассы, по обе стороны которой высятся хребты с остроконечными гребнями. В Нью-Джерси, вдоль автомагистрали между штатами, прячутся самые красивые пейзажи.

Достаю телефон, чтобы снять эту красоту для заставки на телефон, когда из-под капота начинает раздаваться какой-то булькающий звук. Делаю радио погромче, чтобы заглушить его. У меня боец, а не машина. Мы доедем до Ашлэнда.

Бульканье сменяет шипение.

Правда ведь, Боец?

Следующие несколько миль я проезжаю снова под булькающие звуки. Ничего страшного, я могу это пережить. Но внезапно появляется дым. Он просачивается из-под капота прямо передо мной. Это в десять раз хуже, чем ужасный туман, который мне пришлось пережить однажды.

Вскоре начинается скрип. Трение металла о металл. Словно ногти царапают самую длинную классную доску в мире.

Я не обращаю внимания на звуки и сквозь дым внимательно всматриваюсь в дорогу. Мне нужно попасть на танцы. Нужно увидеть Фреда. Нужно рассказать Хаксли об Уэйде. У меня так много дел, поэтому машина обязана сотрудничать со мной. Я вдавливаю педаль газа.

Скрип и бульканье усиливаются. Мои барабанные перепонки начинают бунтовать. Я не могу не обращать внимание на такой шум, но делаю все, чтобы сосредоточиться на дороге. В миле до выезда из парка Алламучи мой боец издает последний вздох.

Я сижу в машине на обочине практически пустынного шоссе. Слишком холодно и страшно идти в сторону цивилизации пешком. Поэтому делаю самую разумную вещь в данной ситуации — плачу. Спустя несколько минут вытираю нос о рукав пальто и звоню родителям. Они не отвечают.

Набираю следующего человека.

— Привет, как дела? — Судя по голосу, Диана расслаблена и спокойна, но это и понятно, не она ведь застряла у черта на куличках. Интересно, в Нью-Джерси водятся каннибалы?

— Мне нужна помощь. У меня сломалась машина на восьмидесятом шоссе. — Мне лучше уже от того, что она на связи. Я не совершенно одинока.

— Ты в порядке?

— Не совсем. Нет, мне ничего не нужно ампутировать, но я бы предпочла находиться сейчас в другом месте. Ты не могла бы забрать меня отсюда?

— Не могу, Би. Я все еще на работе.

Я опускаю голову на руль. Диана работает в центре Нью-Йорка. Ей понадобится два часа, чтобы добраться до дома, взять машину и приехать сюда.

— Может, мне вызвать эвакуатор? — спрашиваю я, не особо понимая, что это означает.

На линии воцаряется тишина, и мне становится плохо. Вот оно. На меня сейчас набросятся дикие горные волки или скучающие дальнбойщики.

— Диана?

— Скажи, где именно ты находишься. У меня есть идея.

Тридцать пять минут спустя я замечаю в зеркале заднего вида проблесковые маячки эвакуатора? Мое тело мгновенно расслабляется, как будто я выпила целый галлон ромашкового чая. Я опускаю стекло. Брок присаживается на корточки и кладет руки на дверь.

— Ты в порядке? — с искренней обеспокоенностью интересуется он и вручает мне батончик гранолы, который вытащил из кармана.

— Спасибо, что приехал.

Брок открывает капот машины, выпуская из-под него целое облако дыма. Через пару

секунд он качает головой так, будто точно знает, как могла произойти такая катастрофа.

— Я не обращала внимания на лампочки, — говорю я.

— Судя по всему, все Вильямсоны одинаковы, — ухмыльнувшись, говорит Брок, и в этот момент я понимаю, почему Диана не хочет расставаться с этим *лицом*. — Давай убираться отсюда.

Следующие тридцать минут Брок совершает сложные и скучные манипуляции, пытаюсь поставить моего сдохшего бойца на грузовик. Я предлагаю помощь, но он советует мне наслаждаться теплом на переднем сиденье своей машины. Мимо нас со свистом проносятся автомобили, дует пронизывающий зимний ветер. Но Брок не обращает на это внимание и работает, как настоящий профессионал.

Закончив, он залезает в кабину и прикладывает ладони к печке. Его лоб и щеки окрашивает густой румянец.

— Ладно, поехали, отвезем тебя на танцы.

— Спасибо еще раз.

— Да не за что. — Брок выезжает на шоссе. Я улыбаюсь своей машине через зеркало заднего вида.

— Прости, что испортила тебе вечер пятницы, — усмехнувшись, говорю я. Он не реагирует на мои слова. Судя по всему, Брок из тех людей, которым невозможно залезть под кожу. Спокойный, как удав, как сказала бы моя мама. Именно тот человек, который сможет терпеть запросы и претензии Дианы.

— Твоя сестра сегодня работает допоздна.

— Я знаю.

Между нами воцаряется молчание.

— Так что ты там делала?

— Долгая история.

— Понятно.

— А какие у тебя отношения с моей сестрой? — вырывается у меня.

— Мы... встречаемся. — Брок проводит пальцами по волосам. Кажется, он нервничает.

— Относись к ней хорошо. Она от много отказалась ради тебя.

— Что ты имеешь в виду? Я сказал ей ехать в Нэшвилл.

— Что? Ты не хочешь с ней встречаться?

— Ты будто адвокат дьявола²⁵. Мне действительно нравится Диана, но я не хочу заставлять ее отказываться от таких возможностей, как эта. Попробуем поддерживать отношения на расстоянии.

Наконец, мы въезжаем на знакомую территорию. Я узнаю магазины и торговые центры, вытянувшиеся вдоль шоссе. У меня сжимается желудок, когда я понимаю, что скоро попаду на танцы. Судя по времени на часах в машине, я сильно опаздываю.

«Проблема с машиной:./ Почти приехала. Скоро увидимся!».

Брок заводит меня домой, чтобы я переоделась. Платье, макияж и все такое. Сам он терпеливо ждет меня в машине.

Уже почти девять часов, когда мы подъезжаем к старшей школе Ашлэнда. Фред так и не написал мне ни слова, тем самым давая еще одну причину для переживаний по поводу бала.

— Желаю хорошо повеселиться, — говорит Брок.

— Спасибо. — Я выхожу из машины, и мне сразу становится холодно. Разворачиваюсь к своему спасителю, и что-то заставляет меня поцеловать его в щеку. — Хорошо заботиться о моей сестре.

— Буду следовать твоему приему, — кивнув, отвечает он.

Брок уезжает, оставляя меня в замешательстве стоять на тротуаре возле школы. Мой второй и теперь уже последний школьный бал. Ну что ж, зажжём!

ГЛАВА 28

У девочек, которые проверяют билеты, белые блески на щеках и веках. Если бы я ничего не знала, то подумала бы, что умерла и попала в рай. Хотя, надеюсь, что в раю нет старшей школы.

По пути в спортзал я прохожу сквозь стену из запахов духов, одеколona и лака для волоса, от которых у меня чуть ли не кружится голова. К моему удивлению, в зале оказывается много танцующих. Они веселятся, позволяя своему цинизму и нелепой радости высвободиться на натертом воском полу. Я прохожу вдоль стены, пытаюсь найти Фреда, но его нигде не видно.

«Я здесь. Ты где?».

Одноклассники толпятся посреди прохода. Милое зрелище, которое становится болью в заднице, когда через них приходится пройти. Странно видеть всех такими нарядными. Мне достается несколько внимательных взглядов от девушек, которые изучают мое расклешенное платье и туфли. Я присаживаюсь на корточки, но... никаких признаков носков в красно-белую полоску. Странно. Он ничего не ответил мне. Наверное, отрывается с Вал и Мэнни, или, может быть, приши его друзья.

Выхожу в коридор и высматриваю Фреда среди учеников, которые слишком круты для того, чтобы танцевать. Они сидят на нижней ступеньке парадной лестницы, болтают или предаются воспоминаниям. Сегодня о социальных статусах решили забыть. Просто удивительно, что мы так давно знакомы, даже если по-настоящему и не знаем друг друга.

Из дамской комнаты выходит Мелани и кивает мне.

— Привет!

На ней облегающее золотистое платье, а волосы каскадом рассыпаны по плечам. Она выглядит как богиня. Может, у Мелани есть сестра-близнец, которую она прячет? Если бы она не перекидывала в руках свой клатч, то я бы не узнала ее.

— Счастливого «Бала снежинок», — говорю я.

— Не знала, что ты собираешься прийти. В платье.

Мелани пытается сдержать понимающую улыбку. У нее шутливое настроение.

— И тебе того же. Джейку была нужна пара на эту вечеринку. Для лучшего друга всегда найдется работенка. Ну а моя мама воспользовалась этим поводом, чтобы накрасить меня.

— Джейку повезло, что у него есть ты.

— Он в курсе.

Музыка эхом разносится по коридору. Мелани не прекращает бросать украдкой взгляды в сторону спортзала. Для человека, которого сюда затащили, ей слишком не терпится вернуться к танцам.

— Ты случайно не видела Фреда? — спрашиваю я.

— Кажется, он собирался взять что-нибудь выпить. Вы что, пришли не вместе?

— У меня были проблемы с машиной. — Это все, что я ей говорю. — Ну что ж, иди веселись!

— Пытаюсь, — отвечает Мелани уже на пути в спортзал.

Я осматриваю столовую, но моего парня нигде не видно. Вдоль стены стоят стойки, которые установили школьные классы. Они все продают газировку, леденцы и чипсы. Кроме театрального класса, который торгует попкорном, приготовленным в устаревшем аппарате.

За угловым столом, который был «забит» еще в младших классах, устроились Хаксли и ее компания. Я вспомнила, как сидела за ним в прошлом году, греясь в лучах внимания, общественного признания и солнца (*стол стоит прямо напротив окна*). Если Хаксли находится здесь, то и ее ненормальный должен быть где-то поблизости. Наверное, покупает воду за стойкой клуба по латинскому языку

— Мы можем поговорить? — перехватываю я его у столика, за которым в прошлом году — как можно дальше от Хаксли и ее компании — сидели мы с Фредом и Вал.

— А попозже нельзя? — Он машет рукой Хаксли, давая ей знать, что скоро подойдет.

— Это по поводу Лары Невинс.

Уэйд опускает руку. Он продолжает улыбаться, но я замечаю панику в его глазах.

— Я не знаю, кто это.

— Нет, знаешь.

— Нет, не знаю, — произносит он сквозь зубы.

— Знаешь. Если постараться, подарочные карты из «Ферфакса» можно отследить вплоть до банковского счета твоего отца. Не говоря уже о том, что, как только она признается в содеянном, полиция выйдет на того фармацевта, который продал тебе снотворное.

Не знаю, возможно ли воплотить в жизнь то, о чем я ему сказала, но Уэйд, кажется, повелся на мой блеф. Он выходит в коридор, где никого нет, и кивком приглашает меня следовать за ним.

— У тебя нет доказательств.

— Тогда почему мы продолжаем наш разговор?

— Послушай, Бекка, — говорит он, включая свое обаяние на полную катушку. — Хаксли счастлива со мной. Со Стивом ничего не случилось. Нет нужды ворошить прошлое.

— Зачем ты это сделал?

— Потому что я люблю ее.

Он вытягивает шею и заглядывает в столовую. Когда Уэйд замечает, что Хаксли смеется, его взгляд смягчается.

— Прошлым летом моя семья переехала в соседний дом. Я увидел ее и... все. Я никогда не встречал никого настолько красивого и идеального. Мне нужно было заполучить ее. — Уэйд снова поворачивает ко мне. — Но Хаксли была со Стивом.

Он выплевывает его имя так, будто это какой-то фальшивый брэнд.

— И поэтому ты разбил их пару?

— Очевидно же, что она должна принадлежать такому парню, как я, а не тупому футболисту. Человеку, который будет хорошо обращаться с ней и способен обеспечить ее по первому классу. Но что бы я ни делал, она была очарована только им. — Уэйд приглаживает рукой волосы. Он выглядит более расслабленным, как будто его слова имеют смысл. —

Знаю, предпринятые мной меры были немного радикальными, но результат оправдывает средства. Теперь, узнав все, ты должна признать, что Хаксли гораздо лучше со мной.

— Думаю, Хаксли заслуживает того, чтобы самой принять решение.

— Вынужден с тобой не согласиться, — с холодным спокойствием отвечает Уэйд. Мне не удастся его переубедить в обратном. Наверное, я была такой же в свою бытность специалистом по разрывам.

— Хорошо. Ты хотел Хаксли. А как же все остальные? Зачем было разбивать другие пары? Зачем было начинать всю эту чушь со специалистом по реваншам?

— Чего?

— Ну же, Уэйд. У нас с тобой откровенный разговор. Я распутала дело и заслуживаю честности.

— Я говорю правду.

— Значит, ты не портил отношения Джейка с Паулиной и Бари с Лео?

— Я должен знать этих людей?

Я внимательно изучаю каждый дюйм его загорелого лица. Он не пытается отвести взгляд, а его щеки не краснеют. Пока он говорил мне только правду. Зачем ему врать сейчас?

— И зачем мне мстить? — спрашивает он. — Ты, вообще-то, помогла мне.

— Не говори так.

— Но это правда. Благодаря твоим стараниям в прошлом году, отношения между Хаксли и Стивом стали очень хрупкими. Это облегчило мне работу. Так что, спасибо тебе за это. В следующий раз перед тем как обвинять кого-то в преступлении, сначала разберись, как им удалось это сделать.

Его обвинение меня разозлило. Вся дверца моего шкафа обклеена записями. Я знаю, что произошло. Вернее, знаю то, что произошло, но пока не выяснила как. Возможно, мое расследование пошло по ложному пути.

В моей голове начинают быстро крутиться колесики. Они вращаются до тех пор, пока я не начинаю слышать их стук. Судя по всему, существует два плана, совершенно не связанных друг с другом. Специалист по реваншам ни имеет никакого отношения к Хаксли и Стиву. Это объясняет временной разрыв между планами и различие в стратегических подходах. Когда Хаксли и Стив расстались, в моем шкафчике не было никакого послания. Меня вновь начал охватывать знакомый страх.

Я в самом начале расследования. Снова.

Это означает, что специалист по реваншам все еще здесь. И замышляет что-то против меня.

Сегодня.

— Что происходит? — К нам подходит Хаксли. Уэйд обнимает ее за талию.

— Хаксли, за твоим разрывом со Стивом стоит Уэйд. Он заплатил той девушке, чтобы она устроила скандал на вечеринке. — Я говорю это так уверенно, что ей понадобилось время, чтобы все осознать. Она моргает и ждет продолжения. — Уэйд нашел ту девушку на «Крейгслист» и оплатил ее работу подарочными картами «Ферфакс», которые отправил по почте.

Мои слова заглушает громкий смех Хаксли. Она опускает голову на плечо Уэйда — как когда-то это делала со Стивом.

— Это не смешно! — говорю я.

— Нет, смешно. Хоть ты и раздражаешь меня своим вмешательством, но нужно отдать

должное твоему воображению. Это же полная ерунда.

— Это правда!

— Ты права, детка, — невозмутимо произносит Уэйд. — Это полная ерунда.

— Ты уже давно пытаешься разлучить меня с Уэйдом и теперь пытаешься свалить на него измену Стива, — фыркает она. — Но, как я уже сказала, отдаю должно твоему забавному объяснению.

Уэйд подмигивает мне. Я отчаянно хочу, чтобы у меня в руке оказался безалкогольный напиток, который я могла бы плеснуть ему в лицо.

— Прости за то, что пытаюсь помочь тебе, — говорю я, чувствуя, что краснею. — Прости за то, что переживаю за тебя и пытаюсь остановить людей, которые вмешиваются в твою жизнь. Я просто старалась быть твоей подругой! Несмотря на игнор, двусмысленные оскорбления и обиды, я все еще здесь.

Делаю глубокий вдох и смотрю ей прямо в глаза. По крайней мере, Хаксли перестала смеяться и, кажется, слушает.

— Я все еще здесь и пытаюсь быть твоей подругой.

— Если бы ты была моей подругой, то прекратила бы вмешиваться в мою жизнь. Сколько раз я просила тебя оставить меня в покое. Скажу еще раз. — Она хлопает в ладоши и показывает ими на меня. — Уходи.

Я, спотыкаясь, в подавленном настроении возвращаюсь к стойкам с напитками. Пора завязывать с планами. С чего я вообще взяла, что они работают? Я дура. Сую нос не в свое дело. Однажды специалист по разрывам — всегда специалист по разрывам. Отправляю сообщение Фреду:

«У тебя отключен телефон? Где ты? Я хочу танцевать!».

Это на него не похоже. Обычно Фред насмехается над нами и говорит, что мы словно приклеены к своим телефонам, но я видела, как он быстро пишет сообщения, да и после поцелуев я не единственная, кто сразу же тянется к мобильнику. Лучше думать, будто он так активно танцевал, что разбил свое средство связи.

Я встаю в очередь за диетической колой. Передо мной стоит группа парней, которые пихают друг друга. Один из них поворачивается, и я вижу, что это Доминик. Гладкие черные волосы и эти сверкающие голубые глаза, которые пристально смотрят на меня. На секунду мне захотелось, чтобы у него была традиционная ориентация.

— Добрый вечер, мадам, — немного невнятно произносит он, придвигаясь слишком быстро и обдавая меня запахом алкоголя. Мне приходится оттолкнуть его.

— Послушай, — говорю я ему. — Лео замечательный парень. Знаю, то, что он сделал, кажется немного странным, но он хороший. Честно.

Я помню, как они выглядели на концерте «Джессалинс», когда завязали беседу, и мир словно перестал их интересовать.

— Я знаю, что он хороший парень, — ответил Доминик. Друзья передали ему содовую. Он придвинулся поближе ко мне и продолжил: — Но Лео только дразнит.

— Что?

— Что слышала. — Доминик наклоняется к моему уху и практически кричит, несмотря на то, что музыка играет не настолько громко. — Он, черт возьми, только дразнит.

— Лео слишком воспитанный, чтобы дразниться.

— Мы встречались почти целый месяц, а он не захотел перейти даже к третьей базе.

— А что у вас, геев, означает третья база?

Доминик дважды приподнимает брови и облизывает губы. Что бы это ни значило, для Лео это было слишком быстро.

— Мне практически силой пришлось заставить его перейти ко второй базе.

— Заставить? Не знаю, что такое вторая база, но понимаю значение слова «заставить».

— У него совсем не было опыта.

— Да, потому что ты был его первым парнем.

— И что теперь? Резвиться на лугу и покупать друг другу цветы и тампоны?

Меня охватывает отвращение. Если бы я собрала на Доминика больше информации, то поняла бы, что он обыкновенный распущенный гуляка. Губы уточкой на его фотографиях уже должны были насторожить меня. Я следовала своей пятиступенчатой системе, но ни разу не задумалась о том, хорошая ли из них выйдет пара.

Доминик придвигается еще ближе и дышит мне в лицо. Только тогда я понимаю, что он использует меня, как щит от учителей. Он достает фляжку и выливает алкоголь в содовую, а потом предлагает мне отхлебнуть, но я отказываюсь.

Лео не нужен Доминик. Он заслуживает лучшего. Если бы я хорошо делала свою работу, то заметила бы это.

— Ты ему и правда нравился.

— Как и он мне. У него славное тело. Личиком он так себе, но тело неплохое. Только он не позволял мне ничего делать. Ему хотелось только разговаривать и целоваться. Хорошо, что эти рисунки всплыли вовремя, и я смог с легкостью избавиться от него.

— Думаю, мне нужно немного приправить свою содовую. Можно? — Я показываю на внутренний карман его пиджака.

Обычно, никто не жалеет алкоголя во время школьных мероприятий. Некая странная форма солидарности. Доминик вручает мне практически полную фляжку. От ее золотистой поверхности отражается свет.

— Красивая.

— Спасибо. Она досталась мне от бабушки, поэтому просто бесценна.

Пока Доминик поворачивается, чтобы проверить, чем занимаются взрослые, я провожу пальцами по искусно сделанной гравировке, а потом аккуратно кладу фамильную ценность на пол и топчусь по ней со всей силы. Вся моя злость выплескивается через каблуки.

— Что, черт возьми, ты делаешь? С ума сошла? — Он выхватывает фляжку из-под моей туфли. Мне удалось оставить на ней чудесную вмятину.

— А теперь я собираюсь порезвиться на лугу со своими цветами и тампонами. Спасибо за алкоголь.

Я продолжаю высматривать своих друзей и парня, но на танцполе еще больше народу. Через пятнадцать лет, оглядываясь назад, я буду с нежностью вспоминать об этом.

Но только если мои поиски увенчаются успехом.

Неожиданно я замечаю Вал и Мэнни, которые танцуют медленный танец. Смущение и беспокойство, которые она, возможно, испытывала, когда привела его сюда, куда-то исчезли. Они пристально смотрят друг на друга, и вся вселенная отражается в их глазах. Мне хочется запечатлеть этот момент на снимке, чтобы они могли вспоминать о нем всю свою жизнь.

— Вот ты где! — хватает меня за руку Вал с неожиданной силой. — Где, черт возьми, ты была весь вечер?

— У меня были кое-какие дела.

— Касающиеся специалиста по реваншам? — На ее лице проступили первые признаки гнева. Вал должна быть моей каменной стеной, моей опорой.

Я обвожу взглядом спортзал.

— А где Фред?

— Он не прислал тебе сообщение?

— Я отправила ему миллион смс, но не получила на них ответа. Все нормально?

— Бекка, так как ты не появилась, Фред не пошел на бал.

Ее слова подействовали на меня, как удар в живот. Никто так и не увидел его в смокинге. Он так хотел этого, а я все испортила.

— А чего ты ожидала? — спрашивает Вал.

— Все так сложно.

— Нет, не сложно. — Я не привыкла к тому, что она такая напористая. — Фред хороший человек и замечательный парень. Все, чего ему хотелось сегодня — это танцевать с тобой.

— Ты не понимаешь. Специалист по реваншам сказал, что сегодня будет фейерверк, потому что мы с Фредом расстанемся.

— Поздравляю, миссия выполнена.

Черт возьми. Вал права.

Мои действия сыграли на руку специалисту по реваншам. Снова. Все получилось просто идеально. Я позволила ему сделать из себя пешку. И теперь стою в школе в красивом платье, которое некому оценить. Я сажусь на бордюр и позволяю холоду проникнуть под кожу. Мэнни предлагает мне свой пиджак.

— Все будет хорошо, — говорит он и обнимает Вал, пытаюсь согреть ее, не смотря на то, что дрожит сам.

— Спасибо. — Я одобрительно киваю ему и встаю. — Я люблю его, Вал. Я люблю Фреда.

Она удивленно смотрит на меня. Я только что поведала ей эксклюзивную сенсационную новость. Это правда, которую я буду носить, как щит. Специалист по реваншам, может, и хорошо изучил меня, но он серьезно недооценивает мою способность придумывать планы прямо на ходу. Вечер еще не закончен. Бал еще не закончен. И мы с Фредом тоже еще не закончили.

ГЛАВА 29

Я мчусь в машине Дианы по городу, как самый трезвый пьяный водитель в Ашлэнде. Пока Вал везла меня домой, в голове сформировался план.

Подготовка: Фред всегда мечтал сходить на танцы. Он хочет потанцевать со своей девушкой.

Выжидание: Ему нравятся романтические жесты. Фред недоволен тем, что я слишком цинично отношусь к ним, но, знаю, он сходит с ума по всему мимишному.

Обдумывание: Беру айпод и колонки в своей комнате, а потом залезаю в мамин шкаф, где она хранит упаковочную бумагу для подарков. Еще чуть-чуть и он не будет закрываться.

Загрузив все в машину, еду к Фреду. Улицы будто вымерли. Я снимаю туфли и иду по припорошенной снегом дорожке к газону перед домом Теплицки. Холод пробирает до костей.

Срабатывают прожектора с датчиками движения. Свет, камера, мотор! Обвязываю тонкой красной лентой один из кустов. В моем воображении это выглядело красиво. В реальности больше похоже на развязанные шнурки. Высокий куст в самом конце лужайки я обматываю желтой лентой с выпускного Дианы.

Отступаю назад и любуюсь делом своих рук. Это на порядок круче, чем обмотать чей-то дом туалетной бумагой. Четыре с плюсом за старание.

Внедрение: Включаю медленную песню на айпode и звоню в дверь.

Ее открывает Фред в толстовке и спортивных шортах. Он еще не успел смыть гель с волос и снять носки в красно-белую полоску.

— Бекка?

— Прости за вечер. Кажется, я должна тебе танец. — Я выхожу на танцпол — каменную тропинку, ведущую к подъездной дорожке, — и протягиваю ему руку. Лунный свет только добавляет очарование происходящему.

Фред не двигается с места. Он выглядит серьезным... слишком серьезным. Меня начинает подташнивать.

— Ты думаешь, что это что-то изменит? — в конце концов спрашивает он, изучая бант, который я повязала на перилах. — Это просто еще один план.

— Нет!

— В прошлом году, когда ты воссоздала сцену первого поцелуя Хаксли и Стива, все было точно также. Ты просто слизала это из «Ловушки для родителей».

В точку. Он прав. Между нами всего несколько шагов, а ощущение такое, будто между нами километры.

— Прости, — говорю я, выключая айпод. — Вечер еще не закончился.

— Для меня — закончился, — твердо отвечает Фред. У него дрожит нижняя губа, и я понимаю, что он хочет что-то сказать, но не находит слов.

— Фред?

— Думаю, нам следует расстаться.

Я чувствовала, что к этому идет, но это еще не значит, что мне не столь больно от его решения. Я разбивала пары, заставляла людей говорить другим подобные слова, но никогда не думала, что со мной произойдет то же самое.

— Ты ведь не имеешь этого в виду, — заикаясь, произношу я. — Я просто задержалась.

— Дай угадаю. Это как-то связано со специалистом по реваншам или с твоим тайным обожателем, или разбиванием парочек, или инженерией отношений, или с какой-то другой

секретной деятельностью. Я не хочу быть игрушкой, с которой забавляются в перерывах между авантюрами.

— Ты не игрушка. Ты мой парень! Я люблю тебя! — в порыве чувств выкрикиваю я. Не так я хотела сказать ему об этом.

— Вау, — выдыхает Фред. Кажется, мое признание выбило почву из-под ног у нас обоих. — Ты меня любишь?

— Тут ты должен сказать, что тоже меня любишь. Потому что это правда. Ты сам так говорил, — хватая ртом воздух, произношу я. По моим щекам ручьем текут слезы. — Скажи это еще раз, мы оставим сегодняшний вечер в прошлом и будем двигаться дальше. Обещаю.

Фред изо всех сил пытается сдержать эмоции, но ему это плохо удается.

— Почему мы просто не могли пойти на бал сегодня? — спрашивает он. — Мы могли бы фотографироваться, танцевать...

— И вместе поехать учиться в Чикаго?

— Да!

— Фред, когда ты сказал мне, что подал документы в Бартлетт, я была шокирована. — Меня трясет, но не от холода. Я чувствую облегчение, рассказывая ему о том, что скрывала последние несколько месяцев. — И отнюдь не в хорошем смысле этого слова.

— Ты не хочешь, чтобы я учился с тобой в одном университете?

— Я не знаю. Просто у меня не было времени подумать об этом.

— Тебе следовало сказать мне об этом.

— Все произошло так быстро. Скажи честно, ты подал документы в Бартлетт, потому что действительно хочешь там учиться или чтобы быть рядом со мной?

— И то, и другое! — даже не думая, выкрикивает он. — А что насчет наших свиданий в Лупе?

— Думаешь, отношения сводятся только к этому? Отношения — это не просто проводить время вместе и ходить на танцы, но и делать то, что нравится твоему партнеру. Принимать меня с моими заскоками — вот, что значит отношения.

— В твоих устах это звучит столь привлекательно.

— Я не специально! Но это правда. С тем самым человеком так оно и есть.

Мы смотрим друг на друга, пытаюсь понять, относится ли это к нам. Холодный воздух пронзает тишина. Я чувствую, что Фред отдаляется от меня, и пытаюсь удержать его, но он превращается в туман и ускользает сквозь пальцы.

— Ты можешь продолжать заниматься выяснением личности специалиста по реваншам. Судя по всему, это гораздо важнее для тебя, чем я.

В уголках глазах скапливаются слезы.

— Может, мы поговорим завтра утром? После того, как переспим со всем этим?

Фред качает головой.

— В последнее время я часто думал об этом, и все мои мысли сводились к одному и тому же ответу.

Мой плач превращается в душераздирающие рыдания. Никогда не думала, что могу так расстроиться. Даже не представляла, что способна на это, и теперь не могу остановиться.

— Я люблю тебя, Фред. Просто скажи мне, что любишь меня, и все будет как прежде. Просто скажи это снова.

Он стоит в дверном проеме и... ничего не происходит. На долю секунды мне показалось, что это хороший знак.

— Бекка, я не хочу захлопывать перед тобой дверь.

Я разворачиваюсь и направляюсь к машине. Выйдя на подъездную дорожку, оглядываюсь назад, надеясь, что дверь еще открыта.

Но это не так.

ГЛАВА 30

Как только я возвращаюсь домой, то сразу же направляюсь в комнату Дианы и, забравшись на кровать, крепко прижимаюсь к ней. Меньше чем через месяц вот таких маленьких моментов уже не будет. До меня начинает доходить, что она всегда была со мной: и в горе, и в радости. Слезы скатываются по щекам прямо на ее плечо.

Диана мягко массирует мою руку. Она еще не совсем проснулась.

— Все будет хорошо, Би.

Могло бы быть, потому что у меня был один из самых терпеливых, всепрощающих и поддерживающих парней. Он был ожившей мечтой, а я — кошмарной девушкой. Он любил меня, а я — люблю его. Он умный. И он ушел.

Я начинаю рыдать. Диана садится и обнимает меня. Не знаю, сколько времени мы так провели.

Утром я проснулась, уткнувшись лицом в ее подмышку. Храп Дианы способен отпугнуть даже больших хищников. Так всегда было. И будет. Я медленно встаю, разминая затекшие мышцы. Первое, что замечаю — это отсутствие постеров на стене. Скоро эта комната станет всего лишь воспоминанием.

Вскоре после меня просыпается Диана.

— Как тебе спалось?

В этот момент возвращаются все события прошлого вечера. Это произошло. Я в настоящем. Кошмар — это реальность. Фред расстался со мной. Я снова начинаю плакать. Диана приобнимает меня так и продолжая лежать на кровати. А я, прижав колени к груди, погружаюсь в мир слез.

Оу.

У меня болит *все*. Чувствую себя уставшей. Голова трещит. Даже пальцы на руках свело. Как будто физическая часть меня решила устроить забастовку. Не знаю даже на что жаловаться, потому что дискомфорт распространился на все тело.

Несколько часов спустя я сижу на троне — в любимом мамином кресле — в гостиной с разложенной передо мной вредной едой. Диана по такому случаю сходила и набрала высококалорийных вкусняшек. Она даже добралась до магазина в городе, в котором продают мороженое «Красный бархат».

— Это твой первый раз, поэтому нужно «заесть» эмоции, — сказала она. Но я не могу проглотить ни крошки. Меня не тошнит. Я могу смотреть на еду, но аппетита нет.

Мы больше ни друзья и ни враги. Мы проходим мимо друг друга в школьных коридорах, может, у нас даже будут общие уроки, но на этом — все. Я чувствую себя опустошенной, и еда тут не поможет.

Диана садится рядом со мной, вытаскивает из упаковки несколько жевательных конфет и включает телевизор. На экране — одна из паршивых романтических комедий с Кэтрин Хайгл. Сестра в панике переключает канал и попадает на реалити-шоу, связанное с ремонтом дома... молодоженов.

— Черт, — ругается Диана и быстро переключает каналы, пока не останавливается на прогнозе погоды. Они предрекают первую в это время года снежную бурю. — Так гораздо лучше.

Мы весь день проводим за просмотром телевизора. Родители меня совсем не беспокоят. Наверное, сестра предупредила их. По крайней мере, мое состояние было не таким, как у Дианы, когда она в последний раз рассталась с парнем. Хотя, и обстоятельства были совершенно иными. Я перевожу взгляд на сестру, которая наблюдает за симпатичным репортером. Он стоит в парке рядом со снегоочистителем и, судя по всему, отмахивается от падающих снежинок. Диана поднимает на меня глаза и тепло по-сестрински улыбается мне.

— Ты ждешь переезда в Нэшвилл?

Она занята перепиской в телефоне, но тем не менее отвечает на вопрос.

— Да. Не могу поверить, что это скоро произойдет.

Я снимаю с трона вылезшую нитку.

— Надеюсь, у вас с Брокком все получится. Может, он найдет работу в Нэшвилле?

Сестра выглядит удивленной моим ответом. Я бы и сама удивилась, если бы не понимала, насколько он идеален для нее и превосходит любого парня из любого списка желаний.

— Мы говорили об этом. Он может ремонтировать машины где угодно, — отвечает она. — Но решили подождать хотя бы три месяца перед тем, как сделать этот шаг. Нет никаких причин спешить.

Ее пальцы порхают над экраном телефона.

— Ты сейчас общаешься с ним?

Она кивает.

— Брок думает, что с тобой все будет в порядке. Он сказал: «Не задерживайся в прошлом, не мечтай о будущем. Сосредоточь ум полностью на настоящем».

— Это он сказал?

Диана ждет ответа от Брока, и через несколько секунд он приходит:

— Нет, Будда, но он говорит это себе каждый день.

— Хм. Кто бы мог подумать, что Брок Лэндерс такой мудрый?

Спустя четыре часа просмотра «Розанны» входит папа. Он выключает телевизор и требует, чтобы я вышла на улицу и принесла почту. Обычно этим занимается он сам. Девяносто пять процентов нашей почты — счета и реклама, но для него — это как открывать рождественский подарок каждый день.

— Ну же, Бекка. Вставай. — Его нетерпение действует мне на нервы.

— Почта может подождать до воскресенья.

— Тебе нужно подышать свежим воздухом.

— Я сижу рядом с фикусом. У меня нет недостатка в кислороде.

— Ребекка Инид Вильямсон, не заставляй меня просить еще раз.

Я не могу игнорировать, когда он так говорит. Зная папу, это мой последний шанс. Не говоря ни слова, я выбираюсь с трона. Мне стало лучше, но тело будто атрофировалось от лени, поэтому я делаю маленькие шажки, чтобы восстановить циркуляцию крови.

Накинув зимнее пальто, в тапочках и пижаме я иду к почтовому ящику. Сильный и страшный снегопад в реальности — едва накрапывающий снег. Но благодаря ему небо кажется хмурым и унылым, что идеально отражает мою жизнь в данный момент.

Почтовый ящик переполнен настолько, что не закрывается. Хотя внутри лежит всего один очень толстый конверт. Я вытаскиваю его и вижу фиолетовый логотип Бартлетта в верхнем левом углу. Я знаю, что это означает, но все равно открываю его.

Дорогая Бекка, мы рады предложить Вам...

Это все, что мне удастся прочитать перед тем, как слезы затуманивают взгляд. Слезы, но не радости. Я так мечтала об этом моменте. И столько работала.

Но мне слишком больно. Я сажусь на корточки и обхватываю себя руками.

Я скучаю по Фреду.

Эти слова стучат в висках и вспыхивают ярко-красными буквами в голове. Мне наплевать на специалиста по реваншам. Наплевать, что я стала пешкой в чьей-то игре, что я сама загнала себя в ловушку. Все, что меня волнует — это мой парень, с которым я не могу разделить этот момент.

Мой бывший парень.

У меня есть бывший. Очередная волна боли пронзает меня. Полагаю, именно так чувствовали себя мои жертвы. Ничего не может сравниться с этой болью. Разве может быть что-то хуже, чем любить человека, который ненавидит тебя.

Медленно бреду к дому. Открыв дверь, вижу, что родители уже растянули на лестничных перилах небольшой баннер.

— Поздравляем!

— Бекка, мы так гордимся тобой.

Я смотрю на них пустым взглядом.

— Это слезы радости или грусти? — спрашивает мама.

Я падаю на коврик возле двери и, уткнувшись в письмо, начинаю рыдать.

— Я с этим разберусь, — говорит Диана, протискиваясь между родителями.

Вечером в воскресенье я чувствую себя немного лучше. Немного. Конверт из Бартлетта так и лежит на моем столе открытый лишь наполовину. Я не могу заставить себя взять в руки приветственный проспект. Студенты на нем будут радостными и красивыми, а мне пока не до этого.

— Здорово, отшельница. — В мою комнату влетает Вал. Хорошо вспомнить, что, несмотря ни на что, у меня есть подруга, которая переживает за меня. — Ну, ты хотя бы одета.

— Что ты тут делаешь?

— Ты все выходные не проверяла телефон. — Вал садится на кровать возле меня. — Я лишь хотела убедиться, что ты не обижена на меня.

— Как прошли танцы? Я видела, ты танцевала с Мэнни.

— Как мы смотрелись, — краснея, как помидор, спрашивает Вал.

Она ждет моего ответа и заслуживает знать правду.

— Как пара.

— Мы отлично провели время, — с блеском в глазах отвечает Вал. Она гладит меня по плечу, снова переключаясь на режим дружеской поддержки. — А у тебя, кажется, все было наоборот.

Я делаю глубокий вдох и отвечаю:

— Я люблю Фреда. Он бросил меня. И я поступила в Бартлетт.

С каждым предложением лицо Вал меняет выражение. Она не знает, как на это реагировать.

— Больше всего меня волнуют первые две вещи.

— Дай ему время. Сейчас он расстроен, но скоро отгадет. Фред не станет сразу заводить себе новую девушку. Обещаю.

Я вспоминаю закрытую дверь, и меня снова охватывает боль.

— А если я завтра увижу его в школе? Я не смогу сдержаться перед ним.

— У меня есть огромные солнечные очки, которые ты можешь одолжить.

Как же мне повезло, что у меня есть такая подруга, как Вал. Она могла бы встать на сторону Фреда и начать читать мне лекцию о том, какой плохой девушкой я была для него. Найти того, кто понимает тебя — это большая редкость. Не знаю, удастся ли мне снова встретить человека, похожего на Вал. По щекам вновь скатываются слезы.

— Бекка, пожалуйста, скажи мне, что это конспекты к сочинению. — Вал пристально смотрит на мои карточки — подсказки. Сейчас даже мне это кажется немного странным.

— Скорее конспекты к тому, как вычислить специалиста по реваншам. — Я рассказываю ей о своем разговоре с Уэйдом на «Балу снежинок». — Если этот второй человек мне мстит, то в качестве его кандидатуры можно рассматривать треть школы.

Я открываю ноутбук.

— Может, этот тот, кого затронули мои разрывы или инженерия отношений? Какая-то третья сторона? Или недовольный родитель? Или учитель? Мисс Хардвик ненавидела меня весь год...

Вал захлопывает крышку ноутбука, чуть не прищемив мне пальцы.

— Прекрати! — кричит она. Вал редко повышает голос, поэтому я сразу замираю. — Забудь о специалисте по реваншам! А как же Фред? Разве ты не должна сейчас думать о том, как вернуть его? Или хочешь провести остаток жизни, гоняясь за кем-то неизвестным?

— Конечно же нет. Но этого человека нужно остановить.

— В прошлом году, когда народ узнал, что ты была специалистом по реваншам, разве все эти парочки волшебным образом воссоединились? Даже если ты найдешь своего специалиста по реваншам, это не решит твоих проблем. Это не восстановит отношения твоих парочек. Это не... — Вал замолкает, но я знаю, что она хочет сказать.

— Это не заставит Фреда... — Я не могу закончить эту фразу. Пока еще не могу.

— Я понимаю, — говорит она. — Ты — это ты. Ты погружаешься в свою работу, чтобы отгородиться от того, что действительно беспокоит тебя. Но так нельзя. Некоторые вещи невозможно исправить.

— В следующем году мы так и будем подругами? — вырывается у меня.

Вал молча поворачивается ко мне.

— Мы будем находиться в тысячах миль друг от друга и не сможем бегать в гости без того, чтобы пройти через металлодетектор.

— Я знаю.

— Еще и Диана переезжает в Нэшвилл через месяц. Даже раньше. Мне это не нравится. Меня все бесит. Но такая жизнь, и она меня тоже бесит! — Я не понимаю, что несу. Вал спокойна, а я будто сошла с ума. Для меня это в новинку.

— Я буду скучать по тебе в следующем году, — со слезами на глазах произносит она.

— Я тоже. Все меняется, а я к этому не готова.

— Как и я. — Вал кладет голову мне на плечо. — Но мы все равно останемся подругами. Клянусь, Бекка, если на следующий День благодарения ты приедешь со среднезападным акцентом и будешь называть содовую «шипучкой», я вырву тебе язык.

— Хорошо.

— Вместо того, чтобы страдать о том, что все изменится, давай лучше остаток года, проведем самым замечательным образом. Покинем Ашлэнд в блеске славы, а не в потоке слез.

Смахивает на цитату Брока. Кто знал, что у Будды и Вал так много общего? Но, может быть, они правы. Может, и правда нужно жить сегодняшним днем. Может, и правда стоит расслабиться и просто наслаждаться настоящим.

— Хм, ты имеешь в виду яркими и сексуальными?

— Точно! Кстати говоря, я договорилась о еще одном мастер-классе по изготовлению духов на конец января.

— Отлично. Буду с нетерпением его ждать. — Это правда. Вал не будет рядом в следующем году, но, по крайней мере, у меня останется запах, который будет напоминать о ней. И не подумайте ничего плохого!

— Но сначала мы закончим твою работу. — Она срывает мои карточки и заодно любуется своим отражением в зеркале

— Инженерию отношений?

— Мы поможем людям. — Вал выбрасывает карточки в мусорное ведро и усмехается себе под нос. — Правильно. В этот раз у *меня* есть план.

ГЛАВА 31

— Спасибо за то, что пришли так рано.

Я сижу на учительском столе и обращаюсь к Бари, Джейку и Лео, которые устроились на расставленных полукругом партами. На улице все еще темно, хотя уроки начинаются через полчаса. Привет зиме!

— Мне бы хотелось извиниться. Я обнаружила, что кто-то разбивает парочки, и вы все стали жертвами. — Я поднимаю со стола толстую пачку папок, и Вал раздает их присутствующим. — Внутри вы найдете доказательства, который подтвердят, что ваши отношения были расстроены намеренно. Никто из тех, кто находится здесь, не залазил ни в чей аккаунт виртуальной футбольной лиги, не писал ничьей сестре письма и не крал ничей личный блокнот.

Лео опускается на стул.

— Почему люди не могут жить своей жизнью?

— Думаешь, это возможно? — спрашивает Джейк, выпучив глаза.

— Я не знаю.

— Нас подставили, — говорит Бари. Она пихает конверт в огромную сумку и встает. Остальные следуют ее примеру. Ни спасибо. Ни благодарности. Наверное, мне и не стоило

их ожидать.

— Пойдите! — Они тормозят, и в классе воцаряется тишина. — Все это не значит, что вы получили «билет на свободу». Вы не виновны, но этого может оказаться недостаточно.

— Почему нет? — интересуется Лео. — Мы не сделали ничего плохого.

— Но вы также не сделали ничего так, как надо. Не думайте, что ваши вторые половинки прыгнут вам в руки, как только увидят доказательства. Отношения работают совсем по-другому. По вашей вине или нет, но то, что произошло — произошло и доказательства — всего лишь первый шаг к тому, чтобы все исправить. Склеивание отношений — это процесс.

— Спасибо за совет, — говорит Бари и продолжает идти к двери.

— Она права, — произносит Джейк. Он смотрит на нас с вновь обретенной ясностью и решимостью. Хотелось бы думать, что я имею к этому хоть какое-то отношение.

— Ради бога, — восклицает Бари. — Почему ты встаешь на ее сторону? Тебе больше всего досталось из-за сплетен по поводу письма.

— Это не имеет значения. Если я хочу вернуть Паулину, то должен сделать это сам. — Джейк смотрит на папку, а потом подходит к учительскому лабораторному столу и включает бунзеновскую горелку в углу. — Одиннадцать букв. «Вечное пламя» вопросительный знак.

— Джейк, что ты делаешь? — медленно спрашиваю я, надеясь, что он не собирается устроить здесь какой-нибудь массовый суицид.

Джейк зажигает горелку и несколько секунд держит конверт над огнем. Пламя охватывает угол бумаги всего в нескольких дюймах от его рук. Он быстро подвигает ведро, чтобы не мусорить. Мы стоим, разинув рты. Вал выглядит немного обеспокоенной, но я знаю, что с Джейком все в порядке. Он точно знает, что делает и чего хочет.

Джейк поднимает на нас глаза и улыбается.

— Нет смысла пытаться исправить прошлое. Что скажите, ребята?

Мы все обмениваемся неловкими взглядами.

— Джейк, у меня нет других копий, — говорю я.

— А мне они и не нужны. Я не собираюсь использовать доказательства, чтобы вернуть девушку, которую люблю. — Остатки папки, наконец, догорают, и он бросает их в ведро. — Я буду это делать сам.

В комнате становится очень тихо. Мы пристально смотрим друг на друга, словно все вместе играем в труса²⁶. В конце концов, шаг вперед делает Лео. На секунду засомневавшись, он поворачивается и смотрит на меня, но потом присоединяется к Джейку и подносит папку к огню. Я замираю, не в силах поверить в увиденное. Люди редко совершают смелые поступки прямо перед тобой.

Когда папка сгорает наполовину, на лице Лео появляется печальная улыбка. А когда от нее остается лишь пепел, он пожимает Джейку руку и говорит:

— Это было круто.

— Ты готов вернуть Доминика?

— Нет, спасибо. — Лео стряхивает с ладоней остатки пепла, а потом подходит ко мне. Мне хочется обнять этого парня и извиниться перед ним. — Я слышал, что ты сказала на танцах.

— Мне жаль, — понурился я.

— Не стоит меня жалеть, — с улыбкой отвечает он. — Увидимся в классе.

Джейк выжидательно смотрит на Бари. Она крепко прижимает папку к груди.

— Мне она нужна, — нерешительно произносит она, и наружу выходит ее мягкая сторона, которую эта девушка скрывает ото всех. — Что, если он не поверит мне?

— Тогда вы не предназначены друг для друга, — отвечаю я.

— Ты так думаешь? — В ее глазах появляются слезы.

— Есть только один способ узнать это, — произносит Джейк. — Но я настроен оптимистично.

Бари неуверенно подходит к столу. Вал начинает подбадривать ее, мы присоединяемся к ней. Она подносит конверт к огню, едва не обжегши пальцы — так быстро его поглощает пламя. А потом ее лицо озаряется улыбкой, и впервые за долгое время на нем вспыхивает надежда.

Джейк протягивает руку, чтобы погасить пламя, но я одергиваю его.

— Остался еще один человек, — говорю я.

— Кто?

— Я.

Вытаскиваю из рюкзака послания специалиста по реваншам и плюшевого медведя. Я готова избавиться от них.

Карточки превращаются в черный пепел, извивающийся над пламенем, будто улечучивается душа специалиста по реваншам. Да, этот человек, возможно, все еще здесь, но это больше не моя проблема.

— А плюшевые медведи горят? — интересуюсь я.

— Да. И очень хорошо, — отвечает Вал, добавляя про себя, — пироманьячка.

Я смотрю в невинные, ничего неподозревающие глаза медведя еще раз и пихаю его в огонь.

Фред не попадался мне на глаза весь день. Наверное, пользовался другими путями. Раньше я даже не понимала, что он всегда был рядом. Думаю, это сродни тому, что мы можем выжить без еды месяц, а без воды, которую пьем, даже не думая, всего четыре дня. Нет, я, конечно же, не на грани смерти, хотя моя жизнь и разваливается.

Впервые мне удастся заметить Фреда на стоянке. Я медленно бреду к машине. Мимс проходят одноклассники, радуясь предстоящим двухнедельным каникулам; пробегает сияющая девушка в новенькой университетской толстовке. И тут появляется Фред. Он направляется с друзьями к машине. Я смотрю на него в надежде, что он обернется. Но этого не происходит. А может, он просто не хочет. Мне хочется подойти к нему и извиниться, но не думаю, что простое «мне жаль» тут поможет. У меня был шанс, и я его упустила.

Я скучаю по его странностям. Вы можете подумать, что мне недостает его улыбки, глаз и поцелуев. Так и есть. Я скучаю по всем этим вещам так, что у меня сводит желудок. Но больше всего мне не хватает звучания его голоса во время «жаркой» дискуссии или его смущенного взгляда, который он бросает на меня, когда Вал или его друг Квентин начинают своеобразно выражаться. Мне не хватает моментов, когда я чувствовала, что мир — это наш маленький секрет. Моментов, которые возможно рассмотреть лишь под микроскопом.

Залезаю в машину и начинаю плакать.

«Время лечит раны», — напоминаю я себе. Интересно, готов ли он к будущему в Чикаго без меня?

Неожиданно кто-то стучится в окно. Я вытираю слезы и все свидетельства своего расстройства. Опускаю стекло, но человек не нагибается, чтобы поговорить со мной. Поэтому я высовываю голову.

— Здравствуй, Ребекка. — Заходящее солнца вырисовывает силуэт Хаксли. — Я не проститутка, чтобы склоняться перед опущенным стеклом.

Это, наверное, самая дружелюбная фраза, которую она сказала мне за весь год.

— Чего тебе? — спрашиваю я.

— Просто хотела сказать, что Уэйда, возможно, сейчас арестовывают.

Я трясую головой, чтобы убедиться, что поняла все правильно, а потом выхожу из машины и с подозрением смотрю на Хаксли.

— Что?

— Он достал таблетки у фармацевта в одной из аптек отца. Того парня, определенно, арестуют. Не уверена, что Уэйд пойдет по статье за незаконный оборот наркотиков, но это определенно расстроит семейный ежегодный отдых на лыжной базе.

— А как об этом узнала полиция?

— Ты задаешь много вопросов.

— Я хочу знать ответы. — Я стою на своем, отказываясь принимать только то, что она желает сказать.

Хаксли сдается.

— Как обычно, во время бала ты перешла все границы: заставила меня подозревать собственного парня, устроила сцену, к тому же твои волосы были в полном беспорядке. Когда я вернулась домой, то стала думать о том, как упорно ты пытаешься расстроить наши отношения и о маловероятных теориях заговора, которые ты продолжаешь излагать. Может, ты и упрямая, но, нужно отдать должное, не злопамятная.

— Хм, спасибо?

Хаксли поднимает руку, призывая к молчанию. Она довольно спокойна, учитывая, что эта теория касается ее.

— Поэтому в эти выходные я поступила как здравомыслящая девушка и просмотрела его телефонные звонки и банковские счета, а также взломала электронный ящик. Оба.

Я удивленно взираю на нее. Хаксли говорит об этом так сухо и уверенно. Я скучала по этой ее черте.

— Оба электронных ящика?

— Да. Оказывается, у него было еще один электронный адрес в другом браузере. Он пользовался им один раз, чтобы отправить письмо девушке по имени Лара Невинс.

Я чувствую себя именинницей, которой вот-вот устроят вечеринку-сюрприз и включат свет. Мне хочется схватить Хаксли и встряхнуть ее, но не уверена, что она закончила говорить.

— Не думаю, что я перешла какие-то границы, — говорит она.

— Конечно же, нет. — Мое возбуждение сходит на нет. — А как насчет Лары?

Хаксли пожимает плечами. Кажется, у нее нет ответов на все вопросы. Я начинаю ощущать острое чувство вины, но потом вспоминаю, что Лара — отнюдь не невинная жертва. Как бы то ни было, выбор сделала она сама.

Наверное, мне стоит извиниться перед Хаксли. Кажется, я всегда это делаю, и так будет всегда, пока мы сосуществуем в одной вселенной. В какой-то мере, в ее боли виноваты мои поступки. Однажды, начав вмешиваться в ее жизнь, я не смогла остановиться.

— Поэтому вы всегда с ним не ладили? — спрашивает она. — Ты знала об этом все время?

— Нет. Просто в глубине души я понимала, что вы не подходите друг к другу.

— Полагаю, ты была на стороне Стива, как любят выражаться те, у кого нет своей жизни.

Я качаю головой. Думала, что была, но ошибалась.

— Я всегда была на стороне Хаксли.

Она поправляет шляпку, которая и так идеально сидит на ее голове.

— Не уверена, что вот так сразу побегу в объятия Стива. Мне нужно...

Я поднимаю руку. Кому-то нужно это сделать за последние четыре года. К счастью, этим человеком буду я.

— Мне все равно. Потому что мне надоело вмешиваться в твою жизнь.

— Это пока.

— Навсегда. Встречайся со Стивом или с кем-то еще, или становись монашкой. Решай сама. Я уже однажды влезла в твою жизнь, и вот чего мне это стоило.

В воздухе повисает тишина. Вокруг нас раздается смех и болтовня, но они не могут пробить этот купол. До меня доходит, что это один из немногих случаев, когда мы разговариваем наедине. Мне так много хочется сказать ей, но она смотрит на меня своим обычным равнодушным взглядом. Может, это все, чего я от нее заслуживаю? Я причинила ей непоправимый вред.

— Ты присматривала за мной, — говорит Хаксли. — Почему?

— А ты как думаешь? Потому что когда-то мы были подругами. И ты знаешь, что я до сих пор считаю тебя ею. — Безупречный фасад вокруг Хаксли начинает трескаться. — Ты не обязана была походить ко мне и рассказывать все это. Ты могла продолжать игнорировать меня. Как делаешь это сейчас.

Она молчит, а я понимаю, что не могу больше стоять и ждать, когда Хаксли полюбит меня снова. Я не могу влиять на чувства других людей, и нет смысла пытаться изменить это.

— Еще увидимся, — говорю я и открываю машину, но она хватается за руку.

И обнимает.

— Спасибо, — шепчет Хаксли мне в ухо.

Я обнимаю ее в ответ.

— Значит, теперь мы снова подруги, — шутливо, но в то же время серьезно, интересуюсь я.

— На испытательном сроке. — Мы отстраняемся, и Хаксли улыбается мне так, что можно растопить снег. — Ребекка, давай по-дружески обсудим вопрос избавления от этой ужасной челки.

Да! Мы снова подруги.

ГЛАВА 32

Три дня спустя я сижу в классе и наблюдаю за тем, как две девочки сходят с ума, потому что на них надеты одинаковые толстовки Мичиганского университета. Они крепко обнимают друг друга, радуясь тому, что будут учиться в одном заведении, и даже обсуждают возможность совместного проживания, что, вероятнее всего, закончится полным бедствием.

От мыслей меня отвлекает сложенная записка, которая падает на парту. Позади меня, сложив на груди руки и хитро улыбаясь, стоит Джуди.

— Это то, что я думаю? — интересуюсь я.

— Разверни.

Так я и делаю. И вот оно — имя, которое я искала, во всей своей красе. Это как подглядеть ответ в конце учебника и обнаружить, что задания, сквозь которые я так тяжело пробиралась, были очень простыми и легкими. Все встает на свои места.

— Ты отлично справилась, Джуди. Из тебя выйдет хороший инженер отношений.

— Вообще-то, я предпочитаю термин «сваха».

Я сворачиваю записку и опускаю ее в карман.

— Только имей в виду, что ни одна сваха не может иметь стопроцентного успеха. Тут нечего стыдиться.

— Обещаю, что не опорочу твое наследие. Я буду стараться.

— Знаю.

Я даю ей еще пару мудрых советов, а она впитывает их, как губка. Никогда не думала, что оставлю после себя наследие в школе; я считала, что стану одной из незаметных студенток, которые проходят через эти стены каждые четыре года. Как же приятно поделится знаниями с другим человеком. Мое дело продолжит жить.

Джуди потирает руки. Я вспоминаю то чувство радости и бодрости, которое охватило меня, когда я разбила свою первую пару.

— Так какой у тебя план? — интересуется Джуди, ткнув в сложенную в моем кармане записку.

— Первый урок, потом второй и, может быть, даже третий.

Именно это я и делаю.

Фред, наконец, посмотрел на меня в коридоре. Быть может, это было не нарочно, и я просто оказалась в поле его зрения. Как только он увидел меня, то сразу же опустил голову и продолжил идти дальше. Я все равно воспринимаю это в качестве знака и бегу к Вал, чтобы рассказать ей об этом. Только это было не столь потрясающе, как когда он, бывало, долго и пристально смотрел на меня во время наших разговоров или каких-нибудь других занятий.

— Не переживай. Фред остынет. Просто дай ему время, — говорит мне за ланчем Вал.

— А что если он начнет забывать меня?

— Не начнет. Ты пыталась поговорить с ним? — спрашивает она, поедая свой салат. Мы сидим в столовой. У Мэнни нет привилегии выходить за пределы кампуса. Не могу поверить, что обедаю с младшеклассником в столовой, но это все-таки лучше, чем есть в одиночестве в ресторане. Да и еда здесь не так уж плоха, как я помню.

— А что думаешь ты? Я звонила, писала письма и сообщения. Но в ответ — ничего. Я совершенно упала духом.

— Думаю, надежда все еще есть. — Мэнни вгрызается в пиццу, и я вспоминаю подносы Фреда в столовой, наполненные калорийными вкусностями. Никогда не думала, что буду скучать по его ускоренному метаболизму.

— Ты так считаешь? — спрашиваю я, откусывая кусочек шоколадного брауни.

— Я видел, как он смотрел на тебя.

— Правда? — интересуется Вал.

— Я хотел сказать, что видел, как он смотрел на тебя в коридоре, — проясняет свой ответ Мэнни.

— Ну что ж, как скажешь, — кивает Вал и улыбается ему. — Уверена, ты это ни от кого не услышал.

Он пристально смотрит на Вал и расплывается в улыбке.

— Ладно, может быть, я услышал это от тебя.

— Может быть.

— Определенно, может быть.

— Я вам не мешаю?

Вал выбрасывает из головы весь романтический флерт и становится суровой и непреклонной. Она отодвигает стул подальше от Мэнни и склоняется над своим салатом. Неужели я задела ее за живое? У Вал определенно поменялось настроение.

— Прости, — говорит она мне.

Я собиралась сказать то же самое.

— За что?

— У тебя проблемы с Фредом, а мы тут флиртуем. Прости.

— Подожди. Ты думаешь, что я неуютно себя чувствую, наблюдая за вами?

Она кивает. Мэнни смущенно смотрит вниз. Или просто следует сигналам Вал. Я неожиданно для себя смеюсь. Это последнее, что было у меня на уме. В этот момент до меня доходит, что за столом нас только трое, а я совсем не чувствую себя третьей лишней.

— Ну конечно же нет! — У меня возникает мысль. — Разве тебе было неуютно все то время, когда ты обедала с Фредом и мной?

— Нет! — дрогнув, отвечает Вал. — Вернее, сначала, да. Но проведя с вами какое-то время, я стала чувствовать себя совершенно непринужденно. Вы такие смешные. Были смешные.

— Есть, — демонстративно произносит Мэнни и показывает на меня.

— Наверное, я должна была чувствовать себя третьей лишней, но это было не так, — говорит Вал.

— Так же, как и я! — громко восклицаю я, привлекая внимание соседних столиков.

— Выходит, мы искренне радуемся друг за друга?

— Черт возьми. Думаю, именно это и делает нас подругами.

Мы взрываемся смехом. Мэнни продолжает есть пиццу, с подозрением поглядывая на нас.

— Вы такие странные, — говорит он.

— Я знаю, — отвечает Вал и кладет голову ему на плечо. — Разве это не чудно?

Выбрасывая мусор, я замечаю нечто удивительное. По крайней мере, для меня. За обеденным столом сидит Джейк и обнимает Паулину. Я не хочу пялиться на этих двоих, потому что это выглядит странным, но все-таки задерживаю на них взгляд на пару секунд. Как приятно видеть, что некоторые парочки продолжают встречаться.

Джейк замечает меня, и я резко разворачиваюсь в сторону Мэнни и Вал.

— Эй, подожди, — говорит он.

Я останавливаюсь. Джейк подходит ко мне, улыбаясь, как обычно.

— Привет. Извини. Я не пялилась. Просто задержала взгляд. Это совсем не одно и то же.

Он смеется. Джейк слишком нормальный, чтобы разобраться в моих заскоках.

— Кажется, вы все решили, — говорю я, кивая в сторону его столика. Паулина не смотрит в мою сторону, но это и не имеет значения. — Как ты завоевал ее обратно?

— Просто пригласил на свидание.

Его слова поражают меня. Это так просто, но в то же время неожиданно.

— И все?

— Да.

— Ничего себе.

— Вчера вечером у нас было второе первое свидание, которое прошло идеально, потому что мне нечего было от нее скрывать.

— Никаких интриг.

— Точно, — говорит он с уверенностью, которой я не замечала в нем раньше. Джейк больше не испуганный ребенок, который пытается осуществить неосуществимое. Теперь он парень, который встречается с девушкой. Остальное — это бесполезные прилагательные и фразы, которые все только осложняют.

Восьмой урок — это просто посмешище. Последний урок перед рождественскими каникулами. Нам стало наплевать на учебу еще на День благодарения. Учитель даже на пытается нам ничего объяснить и разрешает заниматься своими делами, если только мы не будем слишком шуметь.

После занятий ловлю в коридоре Мелани. На ней снова обычная одежда. Я обмахиваю себя тетрадью. Шерстяные свитера в небольшом коридоре старшей школы — это плохая идея.

— С рождественскими каникулами тебя, специалист по реваншам!

— И тебя тоже. — смеется она в ответ на мое обвинение, раскручивая в руках цепочку с ключами. — О чем ты говоришь?

— Ты специалист по реваншам. Не нужно отрицать этого. — Я достаю записку, которую дала мне сегодня утром Джуди. — Видишь ли, я дала поручение своей преемнице составить список студентов, которые находятся в родстве с директором, заместителем директора и суперинтендантом района. К моему удивлению, она это сделала. Оказывается, твой дядя работает заместителем директора в старшей школе в соседнем городе и у него должен быть вот такой ключ.

Я достаю из сумки свой собственный универсальный ключ и раскачиваю его перед ее лицом.

— И что?

— И то, что с этим ключом у тебя был доступ к любому шкафчику в школе на случай, если нужно подложить кому-нибудь сладкие сердечки или, например, украсть секретную записную книжку одного бедного парня. Когда Джуди отдала мне список, твое имя было на самом верху. Все сразу стало обретать смысл. Ты играешь в виртуальное футбольной лиге, как и Джей. Поверхностный осмотр шкафчика Лео дал тебе возможность обнаружить его рисунки. Что касается Джейка... конечно же, у тебя был доступ к его электронной почте.

Ведь он твой лучший друг, — говорю я, и, через чур драматично пожав плечами, добавляю: — и ты влюблена в него.

— Тебе определенно нужно отдохнуть, Бекка. Ты зашла слишком далеко. Я не влюблена в Джейка. Он для меня как брат.

— Брат, которого тебе хочется поцеловать. Ты прямо как Анджелина Джоли. Дай угадаю. Ты избавляешься от Паулины, и Джейку приходится взять тебя на бал, где вы будете танцевать медленные танцы, глядя друг другу в глаза. И тогда он поймет, что его единственная была все это время прямо перед ним.

Из милой классной девушки Мелани превращается в особу с холодным ледяным взглядом. Любое подобие дружбы, которое было у нас в этом году, рассыпается в пух и прах. Не то что бы мы были настоящими подругами. Вот, например, когда я восстановила отношения с Хаксли в прошлом году, то заботилась о ее благополучии. Конечно же, пока все не испортила.

Мелани смеется. Я слышала этот смех миллион раз, но сейчас в нем есть что-то от злого гения.

— Тебе не нужно было даже рассказывать мне о своих клиентах, потому что все твои планы такие, черт возьми, банальные. Достаточно просто присмотреться, чтобы понять, как они работают.

— Зачем ты это сделала? Потому что я свела Джейка с девушкой, которая ему действительно нравится, и порушила твои надежды на счастье?

— Мы пытались построить отношения. Ты об этом знала? Наметился прогресс. Но тут внезапно появилась ты со своим дурацким кроссвордом. И это сработало. Это и правда сработало.

Мне становится немного стыдно. Я знаю, как бесит, когда твои планы идут коту под хвост.

— Я ненавидела тебя, — шипит она. — Это все ты. Ты встречаешь и вмешиваешься в жизни других людей. Ты думала, будто помогаешь людям, но этому всегда сопутствовал ущерб. Тебе нужно было отведать собственного лекарства.

Может быть, так оно и есть. В этом и есть проблема, когда пытаешься все сделать правильно. Сопутствующий ущерб неизбежен, не важно, пытаешься ли ты причинить вред или помочь кому-то.

— Полагаю, ты собираешься теперь все ему рассказать. Ты собираешься рассказать об этом всем, — произносит Мелани. Поверженная, но все еще стойкая.

— Ничего подобного. Я собираюсь убедиться в том, что ты выплатишь Джею каждый цент, который потерял из-за тебя его аккаунт в виртуальной футбольной лиге. Помимо этого, у меня нет никакого желания общаться с тобой снова.

— И это все?

— Все. Меня не интересует месть. — Я вспоминаю, каким свободным выглядел Джейк, когда включил бунзеновскую горелку. — Пора двигаться вперед.

ГЛАВА 33

Рождественским утром я подъезжаю к дому Фреда. Моя семья начинает открывать подарки гораздо позже. Мы ценим выходные и долго спим. Нет большего удовольствия, чем проснуться по внутреннему будильнику ранним утром, а потом позволить себе снова заснуть

еще на четыре часа. Каждый год Вильямсоны обмениваются списками желаемых подарков, поэтому чувства удивления и предвкушения нам незнакомы. Наши рождественские подарки известны заранее, что иногда вызывает у мамы чувство вины, будто только Матери года выбирают идеальные подарки для детей без каких-нибудь подсказок и намеков.

Фред говорил, что Теплицки начинают открывать свои подарки около восьми. Он сообщил мне об этом первого ноября — неофициальная дата начала праздничного сезона в его доме.

— Моя мама невероятно радуется первой неделе, а к середине месяца ее уже тошнит от всего. После Дня благодарения у нее открывается второе дыхание. Это немного бесит.

Сейчас восемь тридцать утра. Я слышу, как в доме разрывают подарочную упаковку, трясут коробки, чтобы узнать, что за таинственные подарки лежат в них, и приглушенное звучание рождественских песнопений. Звоню в дверь.

— Здравствуй, — смущенно произносит мистер Теплицки. Мы встречались всего раз, и он тогда спросил меня сколько экзаменов повышенной сложности я планирую сдавать. Нам не о чем особо говорить, особенно в рождественское утро, когда он стоит передо мной в тапочках с Санта-Клаусом.

— Здравствуйте, могу я поговорить с Фредом? — интересуюсь я писклявым голосом отличницы.

Подходит его мама в халате с танцующими снеговиками.

— Бекка? — Она пытается придать своему голосу радостные нотки. — Ты разве не со своей семьей сегодня?

— Они еще спят. Я только на минутку. Пожалуйста.

— У нас семейное времяпровождение, — объясняет отец Фреда.

— Пап, я сам, — раздается голос Фреда. Шаркая ногами, он походит к входной двери в университетской толстовке Бартлетта и спортивных шортах. От холода его ноги покрылись мурашками. — Заходи.

Я переступаю порог, а его родители возвращаются к елке, где их ждут девочки. Мы проходим в его комнату. На кофейном столике разложен огромный пазл со снежным пейзажем. Не знала, что семья Фреда берет за образец для подражания каталоги. Наверное, это частично объясняет почему он всегда оптимистично настроен и ожидает такого же от других. Надеюсь, это его качество отразится и на отношении ко мне.

— Привет, — произносит Фред, постукивая по изголовью кровати.

— Прости, что прервала ваше семейное Рождество. Спасибо, что впустил.

— На улице было холодно.

Но это не то, что я имела в виду. Я вдыхаю его естественный запах, и в памяти всплывают воспоминания о том, как мы вечерами целовались (*восемьдесят процентов времени*) и делали домашнюю работу (*двадцать процентов времени*).

Фред сводит брови, будто собирается с мыслями. Это завораживает.

— Бекка, что ты тут делаешь?

— Я люблю тебя, — вырывается у меня. — Я не просто так сказала это тем вечером. И действительно имела это в виду. До сих пор имею.

На его лице появляется намек на улыбку.

— Знаю, это не оправдание. Знаю, что долго не говорила тебе этих слов. Я была напугана. Все происходило настолько быстро, что мне казалось, будто я теряю контроль. А ты знаешь мои чувства по поводу этого.

— Совершенно верно, — отвечает Фред, складывая на груди руки. Я привела убедительный аргумент, но он все еще обдумывает вердикт.

— Я люблю тебя, Фред Теплицки. — Я произношу эти слова без толики сомнения, мне нечего скрывать. Я свободна.

— А что насчет специалиста по реваншам?

— Наплевать на нее. Ты важнее. — Это так тяжело. Мне уже хочется протянуть руки и обнять его. Я так близко, но, возможно, никогда больше не смогу сделать этого вновь. Мне хочется пнуть себя за все то время, когда я воспринимала Фреда как должное.

— Значит, такой у тебя был план? Явиться без приглашения на семейный рождественский праздник?

— Никакого плана. Только я сама.

Он испытующе смотрит на меня, думая о чем-то. Как бы мне хотелось знать, о чем именно.

— Я не знаю, что будет с нами, когда мы переберемся в Бартлетт. Я только знаю, что буду скучать по тебе. Я люблю тебя, давай начнем все заново.

— Значит, ты поступила в Бартлетт?

Я киваю. На секунду на его лице мелькает радость, но потом вновь возвращается Непреклонный Фред.

— Получается, ты заявила в мой дом в восемь тридцать семь утра в Рождество, чтобы извиниться и объяснить в любви. И что мне теперь делать? Просто простить тебя?

— Я не знаю. В этот раз я передаю вожжи в другие руки.

Фред притягивает меня к себе и целует, и все сразу становится на свои места. Я пристально смотрю на него. Теперь я знаю, что имеют в виду люди, когда говорят «любящий» взгляд. Это сразу видно. Не важно, что будет с нами в следующем году, но мне всегда будут придавать силы эти глаза.

— Я люблю тебя, — говорю я.

— Я тоже люблю тебя.

Мы обнимаемся и покачиваемся, наслаждаясь моментом. В гостиной играет «Have Yourself a Merry Little Christmas» в исполнении Фрэнка Синатры.

Наше покачивание переходит в медленный танец. Моя семья неправа. Все-таки есть что-то в рождественских сюрпризах.

— Это медленный танец, который я обещала тебе, — говорю я и кладу голову Фреду на грудь. Нет другого места, где мне хотелось бы оказаться в этот момент.

— Ты сказала «наплевать на нее». Все еще думаешь, что специалист по реваншам это она? — приподняв мою голову, интересуется он.

— О, я *знаю*, что это она.

Ему едва удастся сдержать свое любопытство. Это написано у него на лице.

— Ты узнала, кто это?

— Я думала, что тебе это не интересно.

— Так и есть, — отвечает он, с легкостью кружа меня. Сейчас мне становится жаль, что мы так и не побывали с ним на балу. — Ну, если только совсем немного.

Фред ожидает моего ответа. На его лбу появляются жесткие линии морщин, просто предназначенные для того, чтобы тренироваться на них писать курсивом. Морщинки, которые я буду видеть и в следующем году. Я провожу по ним пальцем и говорю:

— Фред. Давай просто танцевать.

КОНЕЦ

Notes

[

←1

]

Прим. пер.: *Филип Пиррип (Пип)* — главный герой романа «Большие надежды» Чарльза Диккенса.

[

←2

]

Прим. пер.: *Канаста* — карточная игра, зародившаяся в начале XX века в Южной Европе.

[

←3

]

Прим. пер.: *Хайку* — жанр традиционной японской лирической поэзии вака, известный с XIV века. Традиционно хайку — это три строчки, $5+7+5 = 17$ слогов.

[

←4

]

Прим. пер.: *Кальцоне (итал. calzone)* — итальянский пирог, на самом деле является закрытой формой пиццы, изготовленной в виде полумесяца.

[

←5

]

Прим. пер.: *Sbarro («Сбáрро»)* — американская сеть ресторанов быстрого питания с блюдами традиционной итальянской кухни.

[

←6

]

Прим. пер.: *Университет штата Пенсильвания* — публичный исследовательский университет в США, расположенный в Университи-Парк, штат Пенсильвания. Один из 1. лучших финансируемых налогоплательщиками университетов США.

[

←7

]

Прим. пер.: *Нью-Йорк Янкиз (англ. New York Yankees)* — профессиональный бейсбольный клуб, базирующийся в Бронксе, одном из пяти районов города Нью-Йорка.

[

←8

]

Прим. пер.: *Нью-Йорк Никербокерс»,* более известный как «Нью-Йорк Никс» — профессиональный баскетбольный клуб, базирующийся в Нью-Йорке.

[
←9

] Прим. пер.: *Бостон Ред Сокс* (англ. *Boston Red Sox*) — профессиональная бейсбольная команда, базирующаяся в Бостоне, штат Массачусетс.

[
←10

] Прим. пер.: *Нью-Ингленд Пэтриотс* (англ. *New England Patriots*, «Патриоты из Новой Англии») — профессиональный клуб по американскому футболу из Бостона, штата Массачусетс.

[
←11

] Прим. пер.: *Бостон Кэлтикс* (англ. *Boston Celtics*) — американский профессиональный баскетбольный клуб, располагающийся в Бостоне, штат Массачусетс.

[
←12

] Прим. пер.: «*res ipsa loquitur*» (лат. вещь, которая говорит сама за себя) — юридический принцип, согласно которому выводы делаются на основе реальных фактов и очевидных обстоятельств.

[
←13

] Прим. пер.: *Есть две формы импровизации* — короткая (комедийная) и длинная (сценическая).

[
←14

] Прим. пер.: «*Альянсы геев и гетеросексуалов*» — это независимые от государства и школьных администраций студенческие организации, распространённые в некоторых школах, колледжах и университетах США и Канады. Их заявленной целью является обеспечение безопасной, дружественной и толерантной атмосферы для лесбиянок, геев, бисексуалов, транссексуалов и их гетеросексуальных друзей и союзников.

[
←15

] Прим. пер.: «*Фелисити*» — драматический телевизионный сериал, созданный в 1998 году кинематографистами Америки. Сюжет телесериала «*Фелисити*» повествует о жизни главной героини — красивой, но весьма стеснительной девушки Фелисити Портман.

[
←16

] Прим. пер.: *Чикаго-Луп* — название исторического делового центра Чикаго.

[
←17

]

Прим. пер.: *Клауд-Гейт* — общественная скульптура, расположенная на площади AT&T Плаза в Миллениум-парке в деловом квартале Чикаго-Луп города Чикаго, штат Иллинойс. Автор скульптуры — британский скульптор и художник Аниш Капур. Построенная в 2004–2006 годах, скульптура имеет прозвище «боб» за свою бобообразную форму.

[
←18

]

Прим. пер.: *сеть ресторанов быстрого питания в Америке.*

[
←19

]

Прим. пер.: *Сквэр-данс* (англ. *square dance*, в переводе с английского «квадратный танец») — это народный танец, который появился в США. Танцевальные фигуры, принятые в сквэр-дансе, заимствованы из традиционных народных танцев, привезенных в Соединенные Штаты эмигрантами из Европы.

[
←20

]

Прим. ред.: *Хэмптон* — курортный городок на Лонг-Айленде, популярное место для отдыха богатых людей.

[
←21

]

Прим. пер.: *Мировая серия* — решающая серия игр в сезоне Главной лиги бейсбола, право играть в которой сейчас имеют лучшие команды Американской и Национальной лиг.

[
←22

]

Прим. пер.: *День благодарения* — государственный праздник в США и Канаде отмечается во второй понедельник октября в Канаде и в четвёртый четверг ноября в США. С этого дня начинается праздничный сезон, который включает в себя Рождество и продолжается до Нового года.

[
←23

]

Прим. пер.: *Речь идет о фильме «Заложница», в главной роли которого снялся Лиам Нисон.*

[
←24

]

Прим. ред.: *лекарственный препарат, использующийся в борьбе с депрессией и расстройством сна.*

[
←25

]

Прим. пер.: *Адвокат дьявола* — участник дискуссии, преднамеренно защищающий позицию, которой сам не придерживается, с целью спровоцировать более активное обсуждение и выявить все возможные недочёты противоположной точки зрения.

[
←26

]

Прим. пер.: *Игра в труса* — симметричная игра, в которой два игрока осуществляют какое-либо опасное действие, ведущее к негативному исходу, и проигравшим считается тот, кто первым прекратит осуществлять это действие. К примеру, игроки ложатся на рельсы или разгоняются друг другу навстречу на автомобилях, проигрывает тот, кто встает (свернет) первым.